3 1761 08106851 2

Бюллетени литературы и жизни.

g. 3, no. 15

Title transliterated:
Biulleteni literatury i zhizni

AP
50
B54
v.3
no.16

Ц. 20 к.

Biuletyni literatury i zhizni

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 16. 1-го Мая. 1912.

(Третій годъ изданія).

AP
50
B57
v. 3
no. 16

СОДЕРЖАНІЕ

1. Что такое символизмъ? (Опредѣленіе Вяч. Иванова).
2. О модернизмѣ въ литературѣ.
3. Ораторъ или писатель?
4. Какой нуженъ художникъ для современности?
5. Борьба съ книжною моралью.
6. „Сильнѣе смерти". (Разсказъ М. Арцыбашева).
7. Оправданіе жизни въ творчествѣ Вл. Короленко.
8. П. Д. Боборыкинъ о французскихъ писателяхъ.
9. „Грѣшная монахиня Марія Толстая".
10. Жертва „машины". (Воспоминанія шлиссельбуржца).
11. Судьба одного таланта. (Эрнестъ Фанелли).
12. Драма въ Атлантическомъ океанѣ.
13. Французскіе масоны.
14. Реформаторы питанія.
15. Голодъ какъ факторъ здоровья.
16. „Міръ долженъ быть оправданъ весь". (По поводу обезпложиванія).
17. Послѣдній изъ могиканъ. (Анекдоты о П. А. Зеленомъ).

Отзывы о книгахъ. Новыя книги. Содержаніе журналовъ. Книги, изъятыя изъ продажи. Книги, поступившія въ редакцію. Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція: Хлѣбный пер., д. 1. Телеф. 44-67.

Контора: Тверской бульв., д. 26. Кн. маг. „Трудъ". Тел. 34-54.

МОСКВА.

Продолжается подписка на 1911—12 г.

НА ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

НОВАГО ТИПА.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 4 печатныхъ листа большого формата, въ 2 столбца и составитъ въ общемъ томъ около 1,500 стр., снабженный алфавитнымъ и предметнымъ указателемъ, съ помощью котораго читатели легко могутъ ориентироваться въ обильномъ и разнообразномъ матеріалѣ, собранномъ въ журналѣ за цѣлый годъ.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ЖУРНАЛА „Бюллетень Литературы и Жизни"—БЫТЬ ПОСРѢДНИКОМЪ МЕЖДУ ЧИТАТЕЛЕМЪ и ОКРУЖАЮЩИМЪ ЕГО ВНѢШНИМЪ МІРОМЪ, т. е. освѣдомлять читателя о всемъ, что происходитъ НАИБОЛѢЕ СУЩЕСТВЕННАГО ВО ВСѢХЪ ОБЛАСТЯХЪ РУССКОЙ и ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

СОДЕРЖАНІЕ № 1 „Чудо" Достоевскаго (статья В. Розанова)—Послѣдній трудъ Л. Н. Толстого („Путь жизни"). Новое о Гл. Успенскомъ (матеріалы къ біографіи Ч. Вѣтринскаго) — Интеллигентъ-скиталецъ (Е. Колтоновская о творчествѣ Тана)—„Черная лампа" и „Бѣлый Медвѣдь" (пьесы В. Вишневско)—„Юность" (о романѣ Чирикова).- Романистъ-философъ (Діовео о Палацio Вальдесѣ). „Конецъ Мессіи" (драма Жулавскаго).—Картины западно-европейской проституціи (о романѣ А. Амфитеатрова „Марья Лусьева за границей").—„Сексуальный кризисъ" (книга Мейзель-Хессъ).—Новое этическое движеніе на западѣ.—Опасность современной культуры.—Нравы парижской печати (статья В. Вѣлоруссова).—Англійская газета и ея читатели, школьный рай (о Янѣ Литтгартѣ.—Уголокъ свободнаго слова. (Л. Козловскій о парижск. свободн. школѣ соціальн. наукъ).—„Нѣмецкое свободное студенчество" — Американскія публичныя библіотеки. — О кинематографахъ.— Чудеса современнаго города.—„Садовый городъ" И. Жариновa (о фабрикѣ Джорджа Кадбери).—Цвѣточная болѣзнь.—О долголѣтіи.— Постановленія общеземскаго съѣзда по народному образованію.—Отзывы о книгахъ.— Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 2. Два міросозерцанія.—„Призваніе" русскихъ.—Загадочная любовь (Віардо и Тургеневъ).—Нѣчто о Пушкинѣ.—Геній и человѣческая личность.—„Семь земныхъ соблазновъ" (о романѣ Брюсова).—Украинская писательница.— Исторія одного художника — Уходящіе изъ жизни.— Раненые.— Письма юныхъ самоубійцъ.— Темная Русь.— Вѣчные язычники.—Праздникъ красоты въ Римѣ.—Кого грѣетъ испанское солнце.- -Побѣдоносцевъ при свѣтѣ своихъ писемъ.—Къ сектантскому вопросу.—Изъ прошлаго цензуры.—Страшныя цифры.—Примѣненіе низкихъ температуръ.—Т. Эдиссонъ и его послѣднія изобрѣтенія.—Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 3. Тайны религіознаго переживанія (С. Франкъ о Ф. Шлейермахерѣ.—Несославянофильская философія (книга В. Эрна).—Религіозная драма Тургенева (статья С. Орловскаго).— Къ біографіи Н. А. Некрасова (матеріалы Ч Ветринскаго и Е. Колбасина).—Гл. Успенскій о собственномъ юбилеѣ (изъ его переписки.—Недѣля „Живого Трупа" (къ постановкѣ на сценѣ Моск. Худож. театра).—Послѣдніе дни Толстого въ рисункахъ.—Призывъ къ жизнетворчеству (статья Г. Петрова).—Новая біографія Ф. Ницше (книга Дан. Галеви). П Милюковъ о Столыпинѣ.—Кошмары русской жизни (статья Г. Петрова).—Изъ прошлаго русской революціи.—Война и дипломатія (къ войнѣ Италіи съ Турціей).—Что такое Трипoли?—Вильгельмъ II въ своихъ рѣчахъ (книга Жюля Аррона).— Китайскій мандаринъ о китайскомъ пролетаріатѣ.—Проектъ Жореса о воинской повинности.—За кулисами германской соціалъ-демократической партіи (Мемуары Лили Браунъ).— Соціалистка—жена и мать.—Женское движеніе въ Турціи.—Борьба съ женскимъ засиліемъ въ Америкѣ.—Въ мірѣ дѣтей (дѣтская выставка въ Нью-Іоркѣ).—Машина, каменный уголь и культура.— Отзывы о книгахъ.— Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 4. Новыя воспоминанія о Чеховѣ.—У послѣдней черты (2-я часть романа М. Арцыбашева).—Маленькій русскій Зола (о „творчествѣ" А. Амфитеатрова).—Спеціалистъ по мужику (Боцяновскій о Муйжелѣ). Романъ Рукавишникова и критики. Что такое декадентство?—Новыя данныя къ характеристикѣ П. С. Никитина.—Никитинскій праздникъ (впечатлѣнія С. Городецкаго).— Скульпторъ Шуклинъ.—Золоти о Листѣ.—Во имя Божіе (изъ исторіи Николаевской эпохи).—Религіозность ученыхъ.—В. Варваринъ о русской школѣ.—Русская школа двадцатаго вѣка.—Такъ назыв. малолѣтніе преступники.—„Ненормальныя" дѣти.—Торговля дѣтьми.—Связь разбойника Дбова съ революціей.—Кто убилъ великаго князя Сергія Александровича.—Чрезвычайная охрана въ Германіи и Россіи.—Корни китайской революціи.—Вождь китайской революціи.—Школьные реформаторы въ Китаѣ.—Обратная пропорціональность (къ вопросу о вздорожаніи жизни).—Радій и безсмертіе.— Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:
Передъ текстомъ:
1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.
Послѣ текста:
1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита. . . 50 к.

№ 16—1 Мая 1912 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—3 р., 9 м.—2 р. 25 к., 8 м.—2 р., 7 м.—1 р. 80 к.; 1/2 г.—1 р. 50 к.; 5 м.—1 р. 30 к.; 4 м.—1 р. 3 м.—90 к.; 2 м.—65 к.; 1 м.—35 к. За-границу на г.—5 р.
Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.
Редакція: Москва, Хлѣбный п., д. 1. Тел. 44-67. Контора: Тверской бул., д. 26, кн. маг. „ТРУДЪ“. Тел. 34 54.

Что такое символизмъ?

(Опредѣленіе Вяч. Иванова).

Недавно сталъ выходить въ Москвѣ новый журналъ-двухмѣсячникъ „Труды и Дни“, спеціальная цѣль котораго, какъ сказано въ редакціонномъ вступленіи—„способствовать раскрытію и утвержденію принциповъ подлиннаго символизма въ области художественнаго творчества“ (тогда какъ „общее назначеніе“ его: служить истолкователемъ идейной связи, объединяющей разностороннія усилія группы художниковъ и мыслителей, сплотившихся подъ знаменемъ изданія „Мусагетъ“). Въ первой книжкѣ подробно и подобающимъ случаю торжественнымъ тономъ излагаютъ свое credo вожди нашего символизма—Вячеславъ Ивановъ и Андрей Бѣлый. Заимствуемъ изъ статьи перваго опредѣленіе символической поэзіи.

Такъ вѣщаетъ Вяч. Ивановъ:

„Если, поэтъ, я умѣю *живописать* словомъ („живописи подобна поэзія“,—говорила, за древнимъ Симонидомъ, устами Горація классическая поэтика),—живописать такъ, что воображеніе слушателя воспроизводитъ изображенное мною съ отчетливою наглядностью видѣннаго, и вещи, мною названныя, представляются его душѣ осязательно-выпуклыми и жизненно-красочными, отѣненными или осіянными, движущимися или застылыми, сообразно природѣ ихъ зрительнаго явленія;

если, поэтъ, я умѣю *пѣть* съ волшебною силой (ибо „мало того, чтобы стихи были прекрасными: пусть будутъ они еще и сладостны, и своенравно влекутъ душу слушателя, куда ни захотятъ“,—такъ говорила объ этомъ нѣжномъ насиліи устами Горація классическая поэтика),—если я умѣю пѣть столь сладкогласно и властво, что обаянная звуками душа идетъ послушно вслѣдъ за моими флейтами, тоскуетъ моимъ желаніемъ, печалится моею печалью, загорается моимъ восторгомъ, и согласнымъ біеніемъ сердца отвѣтствуетъ слушатель всѣмъ содроганіямъ музыкальной волны, несущей пѣвучую поэму;

если, поэтъ и мудрецъ, я владѣю познаніемъ вещей и, услаждая сердце слушателя, наставляю его разумъ и воспитываю его волю;

—но если, увѣнчанный тройнымъ вѣнцомъ пѣвучей власти, я, поэтъ, не умѣю, при всемъ томъ тройномъ очарованіи, заставить самое душу слушателя пѣть со мной другимъ, нежели я, голосомъ, не унисономъ ея психологической периферіи, но контрапунктомъ ея сокровенной глубины,—пѣть о томъ, что глубже показанныхъ мною глубинъ и выше разоблаченныхъ мною высотъ,—если мой слушатель—только зеркало, только отзвукъ, только пріемлющій, только вмѣщающій,—если лучъ моего *слова* не обручаетъ моего *молчанія* съ его молчаніемъ *радугой* тайнаго *завѣта*:

тогда я не *символическій* поэтъ...

Ежели искусство вообще есть одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ человѣческаго соединенія, то о символическомъ искусствѣ можно сказать, что принципъ его дѣйственности—соединеніе по преимуществу, соединеніе въ прямомъ и глубочайшемъ значеніи этого слова. Поистинѣ, оно не только соединяетъ, но и сочетаетъ. Сочетаются двое третьимъ и высшимъ. Символъ, это третье, уподобляется радугѣ, вспыхнувшей между словомъ-лучомъ и влагой души, отразившей лучъ... И въ каждомъ произведеніи истинно-символическаго искусства начинается лѣстница Іакова.

Символизмъ сочетаетъ сознанія такъ, что они совокупно рождаютъ „въ красотѣ“. Цѣль любви, по Платону,—„рожденіе въ красотѣ“. Платоново изображеніе путей любви—опредѣленіе символизма. Отъ влюбленности въ прекрасное тѣло душа, вырастая, восходитъ до любви къ Богу. Когда эстетическое переживается эротически, художественное твореніе становится символическимъ. Наслажденіе красотою, подобно влюбленности въ прекрасную плоть, оказывается начальною ступенью эротическаго восхожденія. Неисчерпаемымъ является смыслъ художественнаго творенія, такъ переживаемаго. Символъ—творческое начало любви, вожатый Эросъ.

Итакъ, я не символистъ, если не бужу неуловимымъ намекомъ или вліяніемъ въ сердцѣ

слушателя ощущеній непередаваемыхъ, похожихъ порой на изначальное воспоминаніе („и долго на свѣтѣ томилась она, желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли"), порой на далекое, смутное предчувствіе, порой на трепетъ чьего-то знакомаго и желаннаго приближенія,—при чемъ и это воспоминаніе, и это предчувствіе или присутствіе переживаются нами какъ непонятное расширеніе нашего личнаго состава и эмпирически-ограниченнаго самосознанія.

Я не символистъ, если мои слова не вызываютъ въ слушателѣ чувства связи между тѣмъ, что есть его „я" и тѣмъ, что зоветъ онъ „не-я",—связи вещей, эмпирически раздѣленныхъ; если мои слова не убѣждаютъ его непосредственно въ существованіи скрытой жизни тамъ, гдѣ разумъ его не подозрѣвалъ жизни; если мои слова не движутъ въ немъ энергіи любви къ тому, чего дотолѣ онъ не умѣлъ любить, потому что не знала его любовь, какъ много у нея обителей.

Я не символистъ, если слова мои равны себѣ, если они—не эхо иныхъ звуковъ, о которыхъ не знаешь, какъ о Духѣ, откуда они приходятъ и куда уходятъ,—и если они не будятъ эхо въ лабиринтахъ душъ.

О символизмѣ можно говорить, лишь изучая произведеніе въ его отношеніи къ субъекту воспринимающему и къ субъекту творящему, какъ къ цѣлостнымъ личностямъ. Отсюда слѣдствія:

1) Символизмъ лежитъ внѣ эстетическихъ категорій.

2) Каждое художественное произведеніе подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія символизма.

3) Символизмъ связанъ съ цѣлостностью личности, какъ самого художника, такъ и переживающаго художественное внушеніе, или зараженіе.

Такъ какъ символизмъ означаетъ отношеніе художественнаго объекта къ двойному субъекту, творящему и воспринимающему, то отъ нашего воспріятія существенно зависитъ, символическимъ ли является для насъ данное произведеніе или нѣтъ. Мы можемъ, напримѣръ, символически воспринимать слова Лермонтова: „Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски звучалъ мнѣ голосъ твой"...—хотя, по всей вѣроятности, для автора этихъ стиховъ приведенныя слова были равны себѣ по логическому объему и содержанію и онъ имѣлъ въ виду лишь встрѣчу на маскарадѣ.

Съ другой стороны, изслѣдуя отношеніе произведенія къ цѣлостной личности его творца, мы можемъ, и независимо отъ собственнаго воспріятія установить символическій характеръ произведенія. Таковымъ явится намъ, во всякомъ случаѣ, признаніе Лермонтова:

Не встрѣтитъ привѣта
Средь шума людского
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово.

Ясно усиліе поэта выразить въ словѣ внѣшнемъ внутреннее слово и его отчаяніе въ доступности этого послѣдняго воспріятію слушающихъ, которое, однако, необходимо, чтобы слово-пламя, слово-свѣтъ не было объято тьмой.

Итакъ, насъ, символистовъ, нѣтъ,—если нѣтъ слушателей-символистовъ. Ибо символизмъ—не творческое дѣйствіе только, но и творческое взаимодѣйствіе, не только художественная объективація творческаго субъекта, но и творческая субъективація художественнаго объекта.

Символизмъ умеръ?—спрашиваютъ современники. Конечно, умеръ!—отвѣчаютъ они же. Имъ лучше знать, умеръ ли для нихъ символизмъ. Мы же, умершіе, свидѣтельствуемъ, шепча на ухо пирующимъ на нашей тризнѣ,—что „смерти нѣтъ".

О модернизмѣ въ литературѣ.

Въ началѣ апрѣля П. С. Коганъ прочиталъ въ Саратовѣ двѣ лекціи, посвященныя модернизму въ литературѣ. Лекторъ, какъ это видно изъ напечатаннаго въ „Сарат. Вѣстн." отчета, объясняетъ возникновеніе и содержаніе модернизма съ точки зрѣнія классовой борьбы. Это теченіе, по его мнѣнію, въ основѣ своей ничего новаго не представляетъ. Въ концѣ XVIII вѣка, когда дворянскія привилегіи начали рушиться подъ ударами стремительно поднимающейся вверхъ буржуазіи, когда старый феодальный міръ доживалъ послѣдніе дни, также выдвинулось теченіе, родственное модернизму. Романтиковъ можно назвать модернистами XVIII вѣка, какъ модернистовъ романтиками XIX вѣка.

Человѣческая мысль колеблется между двумя крайностями: въ сферѣ теоретической между мистицизмомъ и научно-позитивнымъ міровоззрѣніемъ, въ сферѣ практической между индивидуализмомъ и принципами человѣческой солидарности. Если на протяженіи XIX столѣтія преобладало стремленіе къ научно-позитивному мышленію и человѣческой солидарности, то въ концѣ XVIII и въ концѣ XIX—какъ разъ наоборотъ—господствовали мистицизмъ и индивидуализмъ. Выставляя своимъ идеаломъ сво-

бодную человѣческую личность, пѣвцы міровой скорби, романтики, полагали, что достиженіе идеала возможно лишь индивидуальнымъ путемъ. По Байрону только замкнутая въ себѣ личность, удалившаяся отъ общества, можетъ чувствовать себя свободной. Устами Манфреда Байронъ подчеркиваетъ, что даже стремленіе властвовать надъ толпой ограничиваетъ свободу личности, заставляя ее приспособляться къ этой толпѣ.

По мѣрѣ того, какъ буржуазія оттѣсняла на задній планъ дворянство и духовенство, мистическія и индивидуалистическія теченія стали замирать. Буржуазія принимала жизнь, вѣрила въ свое будущее. Научно-позитивное мышленіе и идеи соціальной солидарности (въ буржуазной окраскѣ) пышно расцвѣли и въ жизни и въ литературѣ. Скоро, однако, и буржуазіи пришлось приблизиться къ настроеніямъ, которыя пережило дворянство въ концѣ XVIII вѣка. Перестраивая общественныя отношенія на свой ладъ, буржуазія вызвала къ жизни силы, болѣе могучія, чѣмъ сама она, предвѣщающія и ей такую же участь, какая постигла дворянство. Жизнь общества все громче говоритъ о смерти буржуазіи, о неизбѣжномъ крушеніи ея господства. Къ концу XIX вѣка это выяснилось достаточно ярко — и буржуазная мысль отказалась отъ жизни, сулящей смерть, уклонилась отъ научно-позитивнаго мышленія и идей соціальной солидарности. Снова зазвучали забытые было мотивы. Стремленіе къ человѣческой свободѣ превратилось въ блужданіе въ дебряхъ мистицизма и крайняго индивидуализма, въ проповѣдь экстатическихъ состояній и т. д.

Буржуазія, выдвинувшая при своемъ выступленіи на историческую арену принципы свободы, равенства и братства, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ пересоздавшая промышленную физіономію міра, экономически связавшая всѣ народы земли въ одну семью, не только не рѣшила своихъ задачъ, но пришла къ полному банкротству. Личность, судьба которой очень часто зависитъ не отъ ея усилій, а отъ событій гдѣ-нибудь въ другой части свѣта (кризисъ, крахъ крупной фирмы), очутилась въ крайне неустойчивомъ положеніи, внушающемъ ей вѣчный ужасъ. Стихійныя силы соціальной жизни всецѣло владѣютъ ею, бороться съ ними отдѣльная личность не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ новая дѣйствительность оказалась изумительно однообразной. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ и съ внѣшней стороны и по внутреннему содержанію въ существенномъ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Всѣ элементы жизни (даже храмы искусства, даже вертепы разврата) получили механическій характеръ, проявляющійся не только въ томъ, что люди въ одно время начинаютъ и въ одно время кончаютъ работу. Жизнь стала мучительно однообразной, и это еще болѣе усилило чувство растерянности въ буржуазныхъ слояхъ.

Впереди неизбѣжное крушеніе, въ настоящемъ — полная неудовлетворенность и безсиліе, въ результатѣ отказъ отъ жизни, бѣгство отъ научно-позитивнаго мышленія къ мистицизму, отъ принциповъ солидарности къ индивидуализму. Современная поэзія лишь отражаетъ этотъ поворотъ. Внутри или внѣ насъ царство Божіе? На пути внѣшнихъ усилій буржуазію постигла неудача. Модернизмъ сталъ прокладывать другой путь — внутренній, углубленіе въ собственное сознаніе личности. Теченій въ модернизмѣ много, но у всѣхъ этихъ теченій одна общая черта—непринятіе жизни.

Родоначальникомъ модернизма является Ницше, философія котораго—это гимнъ удалившейся отъ міра личности, протестъ противъ человѣческой солидарности. Одна цѣль—стремленіе къ усовершенствованію личности, подготовка моста и перехода къ сверхъ-человѣку, хотя бы цѣной гибели множества слабыхъ, безжалостно отметаемыхъ въ сторону. Ницше былъ близокъ къ Дарвину. Его ученіе требовало вѣчной крови, борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, ненависти къ ближнимъ ради дальнихъ, ради будущаго сверхъчеловѣка.

Лучшей иллюстраціей философіи Ницше является ибсеновская поэзія съ ея культомъ личности, съ ея отказомъ отъ вѣковыхъ наслоеній, съ ея презрѣніемъ ко всякимъ доктринамъ.

Брандъ требовалъ, чтобы каждая личность отыскала свое я, каково бы оно ни было, и слѣдовала ему до конца. Вмѣстѣ съ Штирнеромъ онъ настаивалъ, что личное я — единственный кумиръ. Истинная задача — созданіе новой, цѣльной, законченной личности, а не счастіе людей.

Если въ области практической работу модернизма выполнилъ Ницше съ его отказомъ отъ человѣческой солидарности, то въ области теоретической — выступилъ Метерлинкъ, съ его презрѣніемъ къ научно-позитивной мысли. Въ своемъ полуфилософскомъ трактатѣ „Сокровище смиренныхъ“ Метерлинкъ рѣзко отдѣляетъ душу отъ разума, тривіальнаго и безсильнаго по сравненію съ душой, подчеркиваетъ важность непосредственнаго общенія душъ, указываетъ на существованіе двухъ міровъ — видимаго и невидимаго, причемъ лишь невидимый міръ — единственно достовѣрный. Эту мысль Метер-

линкъ иллюстрируетъ въ своихъ пьесахъ, гдѣ одновременно чувствуется развитіе двухъ дѣйствій (часто противоположныхъ) — одного въ мірѣ внѣшнемъ, другого въ мірѣ невидимомъ.

Пути мистицизма и индивидуализма не освободили, однако, личность отъ вѣчнаго ужаса. Вопросъ о рокѣ и власти рока, его страшной, кошмарной силѣ очень часто разрабатывается модернистами, постепенно приблизившимися къ мысли о смерти, объ отказѣ отъ борьбы, что является уже признакомъ близкой гибели модернизма.

Оскаръ Уайльдъ намѣтилъ третій путь—путь эстетическій. Его поэзія—протестъ противъ правды, гимнъ вымыслу и лжи. Только поэтъ можетъ быть свободнымъ, но не поэтъ, роющійся въ архивахъ и ищущій правды, а поэтъ, силой вымысла создающій міръ, силой творческой экзальтаціи полагающій начало новой дѣйствительности, быть можетъ болѣе дѣйствительной, чѣмъ та, къ которой стремится разсудокъ. Міръ въ большей степени поддается вліянію утопій и сказокъ, чѣмъ кажется на первый взглядъ.

Четвертый путь, которымъ направился модернизмъ—это путь половой страсти, путь пороковъ, путь половыхъ экстазовъ, полового опьяненія. Эта сторона модернизма наиболѣе развита у Пшибышевскаго. И здѣсь, какъ и въ другихъ проявленіяхъ, поэзія въ сущности лишь идеализировала то, чѣмъ живетъ современное (буржуазное) общество. И если Кнутъ Гамсунъ добавляетъ къ теченіямъ модернизма еще требованіе извѣстной доли безумія, элемента ирраціональности, то и это стремленіе вполнѣ естественно вытекаетъ изъ отказа отъ жизни и разума.

Въ „Синей Птицѣ“ Метерлинка прозвучала высшая нота модернистскихъ настрооній съ ихъ символами внутренней работы человѣка надъ собою, съ ихъ бѣгствомъ отъ свѣта и разума. Уйдите отъ свѣта дня, отъ разума—и вы приблизитесь къ „Синей Птицѣ“. Тогда и смерть будетъ не страшна, ибо тогда она не будетъ существовать.

Такъ, по мнѣнію лектора, буржуазія старается спастись отъ мысли о неизбѣжной исторической смерти, забавляясь модернизмомъ, опьяняя себя иллюзіями, сводя человѣческую личность на роль простой игрушки для тоскующихъ верхнихъ классовъ.

Но на смѣну этому болѣзненному теченію, отказавшемуся отъ всего, что обезпечиваетъ человѣчеству свѣтлое будущее, надвигаются уже другія идеи. Увеличиваются ряды творцовъ новой жизни, реализмъ снова готовится нанести тяжкій ударъ мистицизму. Соціальная солидарность откроетъ путь для другихъ, болѣе высокихъ задачъ.

Ораторъ или писатель?

Въ нѣмецкой газетѣ „Frankfurter Zeitung“ мы находимъ интересныя мысли о вліяніи на слушателей и читателей ораторовъ и писателей.

Кто изъ нихъ вліятельнѣе? Кто располагаетъ большей силой духовнаго воздѣйствія, ораторъ или писатель? Что сильнѣе, произнесенное или написанное слово? Недавно въ книгѣ о „Нѣмецкомъ стилистическомъ искусствѣ“ этотъ вопросъ затронулъ проф. Энгель, причемъ онъ склоненъ былъ пальму первенства отдать оратору.

Когда задумываешься надъ этимъ вопросомъ, то наталкиваешься на цѣлый рядъ соображеній, несомнѣнно говорящихъ въ пользу неоспоримаго превосходства оратора надъ писателемъ. Вѣдь живое слово теплѣе печатнаго. Писатель лишенъ возможности непосредственно воздѣйствовать на читателя. А вѣдь съ этимъ связанъ цѣлый рядъ ощущеній. Чтобы выразить свою скорбь, ораторъ располагаетъ не только образнымъ словомъ, онъ дѣйствуетъ трогательными интонаціями голоса. Въ его передачѣ каждое проявленіе чувства усиливается, такъ какъ онъ облекаетъ его не только словомъ, но окрашиваетъ опредѣленными звуковыми тонами. Тотъ, кто низко цѣнитъ эту силу живого слова, вѣроятно, никогда не испыталъ, какую власть имѣетъ надъ ними одинъ только звукъ человѣческаго голоса. До чего это обстоятельство значительно,—доказываетъ простой фактъ, что цѣлое искусство, именно сценическое, дѣйствуетъ почти исключительно силой одухотворенныхъ звуковъ голоса. Да и всѣми остальными элементами сценическаго искусства, т.-е. выразительнымъ жестомъ и „краснорѣчіемъ тѣла“, какъ выражался старый Ретшеръ, до извѣстной степени располагаетъ ораторъ. И въ этомъ отношеніи ораторъ, несомнѣнно, стоитъ выше писателя. Этого нельзя отрицать.

Далѣе: вліяніе писателя основано, главнымъ образомъ, на томъ, что при чтеніи читатель чувствуетъ живую человѣческую личность, которая говоритъ съ нимъ. Только прирожденный писатель способенъ оказывать такое вліяніе, и оно достигается лишь въ томъ случаѣ, если въ ритмѣ словъ писателя чувствуется

дыханіе человѣческой души. И въ этомъ случаѣ оратору значительно легче достигнуть желаемаго эффекта: онъ подымается на трибуну, и передъ слушателями живой человѣкъ во всемъ своемъ своеобразіи. Религіозная проповѣдь, напримѣръ, дѣйствуетъ значительно сильнѣй, если въ глазахъ оратора горитъ религіозное воодушевленіе. Писателю необходимо вдохнуть это воодушевленіе въ свои слова, оратору же достаточно лишь окинуть взоромъ свою аудиторію.

И все же приходится указать на одно обстоятельство, которое уничтожаетъ всѣ преимущества оратора надъ писателемъ. Чтобы говорить возможно понятнѣе, мы обратимся къ примѣру изъ практической жизни. Что скорѣе вызоветъ въ насъ чувство сильнаго сострадания? Тонкое разсужденіе о добродѣтельности сострадания или видъ бѣднаго мальчика, раздавленнаго телѣгой? Отвѣтъ настолько ясенъ, что нечего даже писать здѣсь объ этомъ: непосредственное воспріятіе дѣйствуетъ на насъ сильнѣй, нежели самыя талантливыя теоретическія разсужденія. Кто же располагаетъ большей силой непосредственнаго наглядnаго изображенія, ораторъ или писатель?

Понятно, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ только объ умственномъ изображеніи, о созерцаніи при помощи фантазіи. Когда ораторъ говоритъ о нуждахъ какого-либо слоя населенія, онъ не можетъ показать эту нужду съ трибуны. Какъ писатель, онъ долженъ нарисовать передъ слушателями настолько яркую картину, чтобы создать иллюзію непосредственнаго наблюденія. И когда его слушатели видятъ эту нужду передъ собою, тогда она начинаетъ ихъ волновать.

Поставимъ себя въ положеніе человѣка, слушающаго оратора: внутренній взоръ слушателя долженъ быть сосредоточенъ, скажемъ, хотя бы на положеніи какого-либо слоя населенія въ восточной части Германіи, но его настоящій взоръ видитъ ярко освѣщенный залъ и празднично одѣтую толпу, трибуну и оратора во фракѣ, предсѣдательскій столъ и стѣну за нимъ и т. д. Психологически представляется невозможнымъ, чтобы человѣкъ могъ одновременно напрягать въ полной мѣрѣ и внутреннее, и внѣшнее зрѣніе. Слушатель можетъ лишь плохо и поверхностно видѣть внутреннимъ своимъ взоромъ, такъ какъ внѣшній его взоръ занятъ совершенно другимъ. А когда писатель въ романѣ изображаетъ нужду опредѣленнаго слоя населенія, онъ можетъ нарисовать картину нужды, которая захватитъ читателя съ такою же силой, какъ живая, красочная жизнь.

Ораторъ можетъ дѣйствовать на слухъ, но онъ въ значительной мѣрѣ лишенъ возможности пользоваться внутреннимъ зрѣніемъ своихъ слушателей, этимъ самымъ могущественнымъ изъ средствъ воздѣйствія, которыми, вообще, располагаетъ искусство слова. Если бы для оратора было совершенно закрыто внутреннее зрѣніе, его слова лишены были бы всякой убѣдительности. И это обстоятельство обезпечиваетъ за писателемъ превосходство. Ни одинъ ораторъ не въ состояніи создать ничего равнаго по значительности Раскольникову, не можетъ дать образовъ столь граціозныхъ и нѣжношутливыхъ, какъ въ „Тассо“, и мрачныхъ, какъ въ „Гамлетѣ“. Театромъ войны, на которомъ разыгрываются рѣшительныя сраженія въ жизни человѣчества, служитъ книга, а не устная рѣчь!

Какой нуженъ художникъ для современности?

Этотъ крайне любопытный вопросъ, между прочимъ, рѣшаетъ въ своей статьѣ Адольфъ Грабовскій *).

Статья начинается съ заявленія, что дѣловой человѣкъ нашихъ дней совершенно чуждъ искусству.

Наблюдая отношенія къ современному искусству дѣловыхъ людей, всецѣло поглощенныхъ той или иной профессіональной дѣятельностью,—пишетъ А. Грабовскій,—въ большинствѣ случаевъ приходишь къ заключенію, что они ограничиваются посѣщеніемъ однихъ или два раза въ году какой-нибудь художественной выставки и случайнымъ присутствіемъ при исполненіи какой-либо хорошей пьесы. Такой человѣкъ не читаетъ художественныхъ произведеній, онъ удовлетворяется газетой и чтеніемъ какого-нибудь спеціальнаго журнала. Таково положеніе, и намъ нечего его затушевывать. Интересъ къ искусству сталъ въ настоящее время привилегіей женщинъ, юношества и, такъ называемыхъ, „бездѣльниковъ“. Художественныя произведенія, красоты которыхъ не видны съ перваго взгляда, перевариваются почти исключительно спеціалистами; они подымаютъ большій или меньшій шумъ въ прессѣ, въ большинствѣ случаевъ не достигая даже

*) См. ст. „Роль искусства въ современной жизни“, напечатанную въ № 14 „Запр. Жизни“.

того, чтобы былъ купленъ хотя бы одинъ экземпляръ превозносимой ими книги стихотвореній или хотя бы маленькая картина прославленной ими художественной школы. Такъ „искусство для искусства“ стало—въ весьма трагической для художниковъ формѣ—дѣйствительностью.

Является вопросъ—чѣмъ объясняется такое игнорированіе искусства дѣловыми людьми современности?

По мнѣнію А. Грабовскаго, объясненіе указаннаго явленія заключается не во внѣшнихъ какихъ-либо обстоятельствахъ, а въ самомъ художникѣ, т. е. въ томъ положеніи, которое онъ занимаетъ въ настоящее время.

Я здѣсь имѣю въ виду,—пишетъ А. Грабовскій,—не столько его спеціальное положеніе, хотя и оно имѣетъ значеніе, сколько его отношеніе къ задачамъ дня. Само искусство, правда, тѣсно связано съ современностью, но его заглушаетъ бурный потокъ нашего времени; уцѣлѣть отъ этого потока можетъ только то искусство, которое по принципу чуждается земли. Но самъ художникъ далекъ отъ того, чтобы стать властителемъ современности. А между тѣмъ, онъ могъ бы явиться таковымъ, и даже скорѣе, чѣмъ кто-либо иной, такъ какъ искусство означаетъ творческое формулированіе жизни, и художникъ благодаря этому становится творцомъ міра. Всякій художникъ милостью Божьей создаетъ міръ, подобно Творцу. Но наши художники представляютъ собою людей, держащихся въ сторонѣ отъ жизни, все равно, проводятъ ли они свои дни въ кофейнѣ, или въ затхлой комнатѣ, или гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ горахъ. И все же художникъ долженъ жить въ гущѣ жизни, чтобы и жизнь его благословила.

Это старая басня, что тѣ, кто описываетъ жизнь, сами на дѣлѣ очень мало переживаютъ, и не одинъ художникъ выводилъ изъ этого слабаго пункта цѣлую философію, которая гласитъ: художнику не надо слишкомъ близко стоять къ жизни, ибо возможно только одно: или изображать или переживать. Какая нелѣпость! Какъ будто мыслимо глубокое творчество безъ глубокихъ переживаній! Всегда лишь посредственными художниками оказывались тѣ, творенія которыхъ были крупнѣе ихъ самихъ, которыхъ сразу опустошали ихъ творенія: тогда какъ для крупныхъ художниковъ творенія ихъ являлись лишь переживаніями, подобными другимъ переживаніямъ ихъ богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни. Какъ ни сильны были отдѣльныя произведенія этихъ художниковъ, еще сильнѣе была ихъ жизнь. И потому легче вычеркнуть сотворенное ими, чѣмъ ихъ личность съ ея переживаніями на этой печальной и тѣмъ не менѣе столь близкой истинному художнику землѣ.

Въ прежнія времена жили болѣе созерцательной жизнью и потому не требовали обязательно отъ художника могучей дѣятельности и дѣйственности, даже нерѣдко считали послѣднее нежелательнымъ и видѣли въ этомъ притязаніе на геніальничанье. Въ наше время, или, вѣрнѣе, дѣловые люди нашего времени ищутъ только одинъ типъ крупнаго художника.—Такому художнику не надо изображать что-нибудь реальное, его искусство можетъ быть фантастичнымъ и далеко стоящимъ отъ сутолоки повседневной жизни, но должно обладать выдающимися чертами, должно быть въ связи съ живучими силами эпохи. Вмѣсто всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій я приведу примѣръ: громадный успѣхъ, весьма быстро выпавшій на долю датчанина Іоганна Ф. Іенсена. Въ его лицѣ, наконецъ, появился художникъ, у котораго видно, что онъ сумѣлъ заставить вѣтры дуть въ ту сторону, куда ему хочется, вмѣсто того, чтобы держать носъ по вѣтру, и не остался въ тихой пристани, что онъ жизнь привлекъ къ себѣ, а не уподобился трусливому грабителю, жадно и вмѣстѣ съ тѣмъ робко подкрадывающемуся къ ней. И характерно, что Іенсенъ сталъ поэтомъ людей, хотя и не написалъ ничего изобразительно-конкретнаго. Его миѳъ о первомъ человѣкѣ—при всей своей отдаленности отъ насъ по времени—совсѣмъ близокъ намъ, ибо въ немъ звучатъ стальныя пѣсни труда, дѣятельности и мощнаго обхвата всего живого. Въ его лицѣ передъ нами поэтъ, попавшій въ тонъ современному человѣку дѣла, и мы видимъ, что этотъ поэтъ не предается забвенію, но чествуется, какъ избавитель. Раньше, когда современный дѣловой человѣкъ съ его лихорадочностью еще не народился, могли предоставлять художнику слѣдовать своему истинному призванію—абсолютному претворенію жизни въ образы. Нынѣ человѣкъ дѣла, самъ стоящій въ центрѣ жизни, требуетъ—самъ этого не сознавая, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма настойчиво—такого художника, который удовлетворялъ бы его стремленію къ наиболѣе напряженной дѣятельности. „Такъ какъ дѣятельный человѣкъ самъ является творцомъ въ маломъ, онъ ищетъ творца въ великомъ“. Ибо лишь художнику по силамъ эта наивысшая дѣятельность, такъ какъ всякій другой человѣкъ касается лишь крупицъ жизни, а онъ—держитъ ее всю.

Отношеніе къ художнику подобно тому, ко-

торое установилось къ судьѣ и журналисту. Не хватаетъ близости къ жизни и судьѣ, который рѣшаетъ о жизни и смерти, о моемъ и твоемъ, и которому предоставлена въ жизни роль, почти столь же творческая, что и роль художника. Передъ нами маленькій, желчный чиновникъ, отнюдь не властная личность, которая требовалась бы для выполненія задачи. Отсюда недовѣріе къ юриспруденціи и голоса въ пользу болѣе жизненнаго суда. Малое уваженіе, даже ненависть къ журналисту проистекаетъ изъ того же источника. Видятъ газету, важничающую и изрекающую категорическіе приговоры, сознаютъ громадное вліяніе газеты на общественное мнѣніе, ея роль въ счастіи и несчастіи гражданъ, и на ряду съ этимъ наблюдаютъ человѣка, который все это пишетъ,—часто весьма темную личность, не всегда достойную того, чтобы ей протягивали руку. И въ этой сферѣ, такимъ образомъ, не рѣдко претензіи профессіи совсѣмъ не гармонируютъ съ тѣмъ, что представляютъ собою ея носители.

Такъ оказывается, что вина за холодное отношеніе къ современному искусству со стороны дѣлового человѣка—руководящихъ дѣятелей промышленности и торговли, среди чиновничества и въ наукѣ—лежитъ не на немъ самомъ и не на искусствѣ, а на художникѣ, какъ личности. Художникъ не являлся господиномъ жизни, и произведенія его поэтому игнорировались мужчинами и читались только женщинами. А между тѣмъ эти люди, т. е. такъ называемые дѣловые мужчины совсѣмъ не такъ трезвенны: подобно совсѣмъ юной дѣвушкѣ, и они часто питаютъ въ душѣ тоску по избавителѣ. Но это долженъ быть избавитель, погруженный въ самую гущу современной жизни, и творенія котораго блестятъ чудесами нашего времени.

Борьба съ книжною моралью.

Въ нашъ „вѣкъ ребенка“, по выраженію нѣмецкой писательницы Е. Кей, все чаще, настойчивѣе и опредѣленнѣе начали раздаваться голоса въ защиту тѣхъ, кто поистинѣ является „цвѣтами земли“, ея радостью, красотою и единственнымъ воплощеніемъ надеждъ будущаго. Проблемы дѣтскаго воспитанія и образованія ужъ не являются исключительнымъ достояніемъ однихъ профессіоналовъ этого дѣла, а дѣлаются предметомъ самаго жгучаго вниманія широкихъ круговъ общества. Въ данный моментъ особенный интересъ пріобрѣтаетъ одна изъ мало освѣщенныхъ педагогическихъ проблемъ—проблема дѣтскаго чтенія. Е. Елачичъ, извѣстный педагогъ и популяризаторъ естественныхъ наукъ, въ журналѣ „Педаг. Обоз.“ (№ 1) и „Что и какъ читать дѣтямъ“ (№ 4) подходитъ къ этому вопросу какъ послѣдовательный и горячій противникъ той тенденціозной морали, которой въ изобиліи переполнены почти всѣ такъ называемыя дѣтскія книги.

Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Дѣтскія книги, поясняетъ Е. Елачичъ, пишутъ взрослые люди, они не увлекаются сами содержаніемъ своего писанія, они пишутъ вѣдь не для себѣ подобныхъ, какъ это дѣлаетъ любой писатель или поэтъ, а пишутъ для совсѣмъ другого читателя, съ другимъ развитіемъ и міропониманіемъ. Они поддѣлываются болѣе или менѣе искусно подъ интересы и пониманіе этого столь отличнаго отъ нихъ самихъ читателя и слагаютъ, компануютъ книгу такъ, чтобы она непремѣнно поучала бы его чему-нибудь доброму. Для этого всю книгу стараются построить на какой-либо идеѣ. Я говорю, конечно, только о книгахъ не такъ называемой беллетристикѣ, а не о книгахъ научно-популярнаго характера. Построенныя на опредѣленной моральной идеѣ книги получаютъ характеръ своего рода притчи, а иногда даже весь повѣствовательный элементъ является лишь иллюстраціею той или иной идеи.

Требованіе непремѣнно поучать легко ведетъ автора очень далеко, и само собою образуется то, что уже давно получило справедливое названіе навязываемой книжной морали.

Предъявленіе дѣтской книгѣ непремѣннаго требованія поучать,—продолжаетъ Елачичъ,—неизбѣжно влечетъ за собою умаленіе правдивости и художественности разсказа. Но что же достигается этою дорогою цѣною? Въ какой степени оправдывается эта жертва и прививаются дѣтямъ проповѣдуемыя правила этики и идеи морали? Не берусь сейчасъ разбираться во всѣхъ различныхъ отвѣтахъ, которые обычно даются на эти вопросы, но выскажу только мое глубокое убѣжденіе, что этимъ путемъ мораль дѣтямъ прививается въ самой ничтожной степени, если вообще прививается. Значеніе книги въ развитіи этики, нравственности ребенка очень не велико и несравненно меньше, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Можно поистинѣ удивляться, какъ это до сихъ поръ еще съ такою силою вѣрятъ въ великое вліяніе книжной морали на развитіе этики ребенка. Я говорю, конечно, о ребенкѣ такъ называемаго младшаго и средняго возраста, т. е. о дѣтяхъ въ возрастѣ не болѣе 10 лѣтъ. Чѣмъ ребенокъ старше, раз-

витѣе, разумѣе, тѣмъ, конечно, и способность его подпадать подъ вліяніе книги становится все больше, а я, разумѣется, очень далекъ отъ мысли отрицать все огромное воспитательное значеніе книги. Я отрицаю только наличность сколько-нибудь существеннаго положительнаго вліянія книжной морали на душу маленькаго человѣка-ребенка до десятилѣтняго возраста. Жизнь сама, окружающая обстановка, примѣры окружающихъ ребенка лицъ,—вотъ что складываетъ, формируетъ этику ребенка, — вотъ что оказываетъ глубокое вліяніе на ея развитіе. Вся современная молодая педагогика, базирующаяся на научныхъ данныхъ психологіи ребенка, съ достаточною убѣдительностью учитъ насъ, насколько сильнѣе дѣйствуетъ на впечатлѣніе ребенка реальность, дѣйствительность, непосредственно воспринимаемая его органами чувствъ, сравнительно со всѣмъ тѣмъ, что воспринимается ребенкомъ черезъ печатное слово или даже вообще черезъ слово. Что такое для ребенка хорошія слова о добродѣтели и любви, когда онъ воочію видитъ вокругъ себя нѣчто очень далекое отъ добродѣтели! Когда кругомъ лгутъ и обманываютъ—книжныя разужденія о пользѣ правды и вредѣ лжи не произведутъ на ребенка никакого впечатлѣнія. Къ тому же жизнь такъ реальна, а въ книгѣ все написано такъ не реально, искусственно. Въ книгѣ добродѣтель неизмѣнно награждается, а въ жизни это далеко не такъ. А вся та реальная выгода, хотя бы и лишь кажущаяся или кратковременная, которая зачастую въ жизни извлекается помощью лжи и обмана, говоритъ чувству ребенка несравненно сильнѣе неминуемыхъ каръ, полагающихся въ книгѣ за каждый проступокъ. Мораль книжная,—это для ребенка гласъ вопіющаго въ пустынѣ, если ребенокъ растетъ въ средѣ неморальной. Угрозы наказанія въ книгѣ вліяютъ на воображеніе ребенка очень слабо, а постоянно причитающаяся (въ книгѣ) награда за добро несомнѣнно вліяетъ на воображеніе ребенка самымъ нежелательнымъ образомъ. Получить награду естественно хочется каждому ребенку, но ребенокъ-читатель въ личной жизни своей совсѣмъ не замѣчаетъ ниспосланія наградъ и милостей за свои добрыя дѣла или вообще за хорошіе поступки. И ему это начинаетъ казаться несправедливымъ, ему начинаетъ казаться обиднымъ, почему же именно его не награждаютъ (родители или Богъ) за то или иное его доброе дѣло. Это и есть, по моему, одна изъ главныхъ отрицательныхъ сторонъ обычной книжной морали. Если она вообще оказываетъ какое бы то ни было вліяніе на дѣтей, то вліяніе это опредѣленно нежелательное. Она пріучаетъ ребенка связывать въ умѣ своемъ проступокъ, порокъ съ наказаніемъ, а добродѣтель съ наградой. Многіе педагоги, какъ извѣстно, считаютъ именно это желательнымъ и необходимымъ и сознательно стремятся къ внѣдренію подобныхъ ассоціацій. Но на дѣлѣ эти ассоціаціи пріучаютъ ребенка избѣгать пороковъ изъ страха передъ возмездіемъ, онѣ пріучаютъ быть благонравнымъ опять таки подъ страхомъ наказанія и памятуя о наградѣ. Цѣна такой добродѣтели, такому благонравію очень невысокая. И никогда искусственная книжная мораль не заронитъ въ душу ребенка любовь къ добру ради добра, потребность дѣлать добро безъ всякихъ скрыто корыстныхъ цѣлей, привычку сторониться порока всегда и повсюду, совсѣмъ даже и не думая о возможномъ наказаніи. Любить само добро, быть дѣйствительно добрымъ и неспособнымъ на гадость, потребности въ нравственной чистотѣ можетъ научить ребенка только сама жизнь, только окружающая его здоровая нравственная атмосфера, только постоянный живой примѣръ. Если же ребенокъ самъ не чувствуетъ къ себѣ ни любви, ни ласки, ни даже простой справедливости, то, внѣ сомнѣнія, никакая книжная мораль не вольетъ въ душу его любовь къ людямъ и потребность дѣлать добро. Я вполнѣ допускаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ книга можетъ помочь воспитателю въ его трудномъ дѣлѣ нравственнаго воспитанія ребенка, но это возможно только тогда, когда ребенокъ находится въ вполнѣ здоровой въ моральномъ отношеніи атмосферѣ, и все же помощь эта очень не велика.

Очень по своему поучительна печальная судьба неудачной проповѣди морали, проводимой книгоиздательствомъ Горбунова-Посадова. Длинная серія выпущенныхъ имъ въ свѣтъ дѣтскихъ книгъ имѣетъ непремѣнною цѣлью привить дѣтямъ любовь и состраданіе къ человѣку, къ ближнему, а затѣмъ и ко всему живому. Казалось бы чего симпатичнѣе! Но для того, чтобы вдолбить черезъ книгу въ голову (въ душу этого книгой не введешь) ребенка эти высокія этическія чувства, приходится сочинять „моральные“ и поучительные разсказы. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, дѣтямъ разсказываютъ, что любовь, высокая, чистая человѣческая любовь въ природѣ имѣется всюду. И звѣри милосердны, и птицы любвеобильны, и даже насѣкомыя полны христіанскихъ добродѣтелей. Но на дѣлѣ въ мірѣ животныхъ ничего этого нѣтъ, наука ясно устанавливаетъ насколько психика различныхъ животныхъ от-

лична и даже несравнима съ психикой человѣка, а любовь, святое чувство любви—это есть нѣчто чисто человѣческое и животнымъ, даже высшимъ, несвойственное. Поэтому приходится сочинять, или, выражаясь грубо, но правильно, лгать. И дѣтямъ лгутъ систематически и планомѣрно, разсказываютъ анекдоты и нелѣпыя небасенки изъ жизни животныхъ, увѣряя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что это научная правда. Лгутъ по убѣжденію, наивно вѣруя, что съ помощью лжи можно привить ребенку что либо доброе, хорошее. Но трагизмъ всей этой ослѣпленной проповѣди морали заключается въ томъ, что она быстро и неизбѣжно ведетъ къ обратному.

Проповѣдывать мораль—дѣло достойное всякой похвалы, но это дѣло гораздо болѣе трудное, чѣмъ многимъ кажется. Мораль—это нѣчто столь деликатное, нѣжное, что съ нею и обращаться надо съ особою осторожностью. Дѣтямъ нельзя проповѣдывать, это безполезно и безцѣльно. Ихъ надо окружить чистою и здоровою въ моральномъ отношеніи атмосферою реальной жизни. И та неправда, чтобы не сказать ложь, которая неизбѣжно сопровождаетъ почти каждый поучительный разсказъ, представляется мнѣ очень вредною для ребенка. Ложь, это такой сильный ядъ, который ни въ какихъ дозахъ не долженъ касаться психики ребенка. Ядъ этотъ не только вполнѣ отравляетъ сообщаемую вмѣстѣ съ нимъ въ книгѣ чистую мораль, но даже способенъ отравить и тѣ дѣйствительные элементы этики которые уже были въ душѣ ребенка. Ядовита не только та книжная ложь, на которую указываетъ самъ ребенокъ, говоря,—„это неправда, этого не можетъ быть“, но гораздо болѣе та, которую онъ не въ силахъ распознать самъ, которую онъ только улавливаетъ своимъ чутьемъ, и въ особенности та ложь, которую онъ воспринимаетъ какъ желанную правду.

Мнѣ представляется, что единственнымъ обязательнымъ требованіемъ, которое слѣдуетъ предъявлять каждой дѣтской книгѣ—это требованіе полной правдивости, естественности, искренности и художественности. Фальшь и разнаго вида неправда недопустима ни въ какомъ случаѣ, въ какую бы парадную одежду высокой морали она ни облекалась. Надо отказаться отъ недостигающей цѣли тенденціи во что бы то ни стало непремѣнно поучать ребенка. Изъ этого, конечно, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы дѣтская книга должна была говорить только о пустякахъ. Пусть она рисуетъ ребенку доступную его пониманію картину реальной жизни, пусть она знакомитъ его съ добромъ и зломъ, но не вымышленнымъ, не схематизированнымъ, а такимъ обыденнымъ, какое оно есть въ дѣйствительной жизни. Пусть авторъ, если хочетъ и можетъ, описываетъ поступки, подсказанные моралью, являющіеся слѣдствіемъ высокой нравственности, но пусть онъ описываетъ ихъ такими, какъ они были и бываютъ въ жизни, въ чистотѣ своей, безъ проповѣди, безъ поученія и, конечно, безъ подтасовки и лжи.

Настало время, чтобы и дѣтская литература эволюціонировала впередъ. Надо и ей очиститься отъ элемента назиданія, нравоученія, навязываемой морали и рѣшительно перейти къ возможно художественному и правдивому изображенію дѣйствительности. Вліяніе на ребенка такого рода литературы можетъ сказаться гораздо сильнѣе и благотворнѣе.

Научить ребенка можно разнымъ премудростямъ, и тутъ значеніе книги можетъ быть огромнымъ. Но научить ребенка быть нравственно чистымъ, добрымъ, добродѣтельнымъ—невозможно, и тутъ значеніе книги очень не велико. Нравственность „заражаетъ“ ребенка только примѣромъ, она передается ему только путемъ „наглядnаго обученія“, если взять терминъ изъ современной педагогики. Это необходимо постоянно имѣть въ виду при предъявленіи требованій къ дѣтской книгѣ. А разъ это такъ, разъ дѣтская книга не можетъ научить нравственности, разъ книжная мораль не доходитъ до души ребенка,—то не слѣдуетъ и настаивать на ея непремѣнномъ присутствіи въ дѣтской книгѣ, тѣмъ болѣе еще, что присутствіе ея покупается въ дѣтской книгѣ дорогою цѣною умаленія художественности и жизненной правдивости, а дѣтская книга должна быть и правдива и художественна.

«Сильнѣе смерти».

(Разсказъ М. Арцыбашева).

Въ очередномъ сборникѣ „Земля“ появится, между прочимъ, новый разсказъ М. Арцыбашева, озаглавленный—„Сильнѣе смерти“.

Сюжетъ произведенія относится къ эпохѣ французской великой революціи, когда сознавшая свои права личность ярко проявляла себя въ величіи слова и дѣятельности.

Одинъ молодой, но уже пріобрѣвшій своими научными изысканіями имя ученый случайнымъ совершенно образомъ былъ приговоренъ революціоннымъ трибуналомъ къ смертной казни.

Напрасно его учитель, старый и уважаемый

всѣми знаменитый ученый, хлопочетъ передъ властями о сохраненіи молодой жизни.

Роковой приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе: гильотина не выпускаетъ обреченныхъ смерти.

Старикъ проникаетъ благодаря своимъ связямъ въ тюрьму, гдѣ томится заключенный, бесѣдуетъ съ нимъ...

И такъ какъ для нихъ обоихъ выше всего стоятъ интересы науки, передъ которой блѣднѣетъ самый призракъ страшной смерти, то происходитъ между ними такой уговоръ.

Рѣшено использовать самое смерть и произвести важный научный опытъ.

Старикъ долженъ присутствовать на эшафотѣ въ моментъ совершенія казни и самъ произвести экспериментъ, чтобы убѣдиться въ той истинѣ: дѣйствуетъ ли сознаніе у человѣка, воспринимаетъ ли онъ внѣшнія впечатлѣнія, когда голова отдѣляется отъ тѣла и въ первыя мгновенія послѣ отдѣленія.

Старый ученый долженъ будетъ тогда громко назвать молодого по имени.

Если казнимый слышитъ въ это время и что-либо чувствуетъ, то въ тотъ моментъ голова его будетъ моргать глазами извѣстное число разъ.

Передъ наступленіемъ казни старикъ волнуется и, не надѣясь на сохраненіе необходимаго для опыта спокойствія, отправляется лично въ домъ палача, которому поручена казнь.

Палачъ тоже оказывается не обыкновенный, а занимающійся, кромѣ своего ремесла, науками.

Онъ любитъ естественныя науки, изучаетъ книги и самъ принадлежитъ къ послѣдователямъ и поклонникамъ молодого ученаго, котораго собирается гильотинировать.

Старый ученый посвящаетъ палача въ свой планъ и привлекаетъ его къ участію, на что палачъ, изъ любви къ наукѣ, охотно соглашается.

Мысль объ опытѣ и объ открытіи, къ которому онъ поведетъ, настолько захватываетъ трехъ героевъ, что всѣ они, забывая о смерти, сливаются въ одномъ чувствѣ любви къ наукѣ.

Наступилъ день казни, обреченный приведенъ на эшафотъ, гильотина приготовлена, участники опыта на мѣстахъ—все это описано необыкновенно образно и живо.

Но въ самый важный моментъ, когда голова отрублена и старый ученый долженъ произнести имя казненнаго, у него не хватаетъ силъ, и онъ падаетъ въ обморокъ.

Тогда палачъ исполняетъ роль экспериментатора, громко называетъ имя своей жертвы... но все-таки опытъ не удался.

Показалось сначала, будто блѣдная голова сдѣлала знакъ мутнѣющими глазами, однако, надлежащей увѣренности въ этомъ наблюденіи не было.

Все же сильнѣе страха смерти оказалась любовь къ познанію невѣдомаго.

Оправданіе жизни въ творчествѣ Владиміра Короленко.

Подъ такимъ заглавіемъ была прочитана Л. С. Козловскимъ лекція въ Саратовѣ. Лекторъ, судя по отчету И. Лузанова („Сарат. Вѣст."), началъ свою лекцію съ указанія на то, что переживаемое нами время является временемъ обезцѣненныхъ цѣнностей. Обезцѣнена прежде всего самая элементарная цѣнность—человѣческая жизнь; обезцѣнена вѣра въ общественную дѣятельность, въ общественные идеалы; обезцѣнена литература тѣми писателями, которые выбрасываютъ на рынокъ не выношенныя произведенія; обезцѣненъ самъ обликъ современнаго писателя, который не соотвѣтствуетъ нашему старому представленію о писателѣ, какъ правдоискателѣ, готовомъ страдать за свою правду.

И вотъ въ это-то время особенно цѣненъ и дорогъ для насъ В. Г. Короленко, который въ своихъ публицистическихъ статьяхъ борется за обезцѣненную цѣнность человѣческой жизни, отстаиваетъ вѣру въ общественное дѣло и въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ показываетъ образцы творчества художника, который, высоко цѣня искусство вообще, въ высшей степени требователенъ къ своимъ собственнымъ произведеніямъ.

Короленко цѣленъ, какъ художникъ, публицистъ, мыслитель, человѣкъ. Въ произведеніяхъ Короленко нѣтъ смѣшенія публицистики съ художественностью.

Но и разсказы его, и публицистическія статьи проникнуты однѣми и тѣми же думами о жизни, озарены одной и той же вѣрой. Въ своихъ художественныхъ образахъ Короленко является мыслителемъ, по своему рѣшающимъ вопросъ о смыслѣ жизни. Своеобразіе міросозерцанія Короленко заключается въ томъ, что онъ чуткую „больную совѣсть" соединяетъ со здоровымъ утвержденіемъ жизни. Въ то время, какъ Глѣбъ Успенскій и Гаршинъ въ концѣ концовъ какъ бы застываютъ въ созерцаніи страданій и ужасовъ жизни, въ то время, какъ Иванъ Кара-

мазовъ, этотъ типичный русскій интеллигентъ, „не принимаетъ царствія Божьяго“, потому что въ немъ есть неоправданное, неискупленное страданіе—Короленко, сохраняя и сострадание и чуткость къ боли, разлитой въ жизни, все же жизнь пріемлетъ и благословляетъ. Эта особенность Короленко объясняется тѣмъ, что онъ любитъ солнце и на міръ смотритъ при свѣтѣ солнца, при дневномъ свѣтѣ, т.-е. беретъ міръ такимъ, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и радостями. Онъ знаетъ, что картина страданій, въ созерцаніи которыхъ застылъ Гаршинъ, не составляетъ всей жизни; онъ знаетъ, что кромѣ тѣхъ, истинныхъ дѣтскихъ слезъ, во имя которыхъ Иванъ Карамазовъ не принималъ міра, есть такія же невинныя дѣтскія улыбки. Не принимать міра ввиду страданій—это значитъ совершать несправедливость по отношенію къ той молодой неизжившей себя жизни, которая хочетъ жить, творить, развиваться, не боясь страданій.

Разсматривая жизнь въ дневномъ освѣщеніи, Короленко видитъ всю ея сложность. Онъ видитъ, что предъ этой сложностью жизни силы отдѣльнаго человѣка ограничены; онъ знаетъ, что зло нельзя вырвать однимъ ударомъ, какъ хотѣлъ это сдѣлать герой Гаршинскаго „Краснаго цвѣтка“, вступившій въ единоборство съ міровымъ зломъ.

Короленко вѣритъ въ жизнь, вѣритъ въ ея способность распутать самый сложный, самый спутанный узелъ человѣческихъ отношеній, и поэтому онъ не спѣшитъ осуждать жизнь.

Изъ того, что мы теперь не можемъ разгадать загадку жизни, открыть ея смыслъ, не значитъ, чтобы этого смысла не было и чтобы въ будущемъ онъ не былъ найденъ.

Вотъ въ разсказѣ „Слѣпой музыкантъ“ ребенокъ, обреченный на величайшее несчастіе: онъ лишенъ солнца, лишенъ возможности видѣть свѣтъ. Но этотъ ребенокъ все же живетъ, находитъ радости жизни. Онъ слѣпой, но зато онъ музыкантъ; онъ любитъ и встрѣчаетъ любовь; когда онъ выростаетъ, у него рождается сынъ, и этотъ сынъ зрячій. Такъ и наши дѣти увидятъ тотъ свѣтъ, который мы пока еще не видимъ.

Человѣчество въ сущности еще очень молодо и знаетъ о жизни немногимъ больше, чѣмъ тѣ дѣти, которыя въ разсказѣ „Ночью“, разсуждаютъ о тайнѣ рожденія. Мы, разсуждая о смыслѣ жизни, похожи на этихъ дѣтей, проснувшихся среди глубокой ночи. Человѣчество переживаетъ ночной періодъ человѣческой исторіи. Тѣнь легла на нашу жизнь, но эта тѣнь не вѣчна; она пройдетъ, какъ проходитъ солнечное затменіе. И Короленко вѣритъ въ эту побѣду свѣта надъ тьмой. Для него всегда огни впереди. Никакой туманъ, застилающій горизонтъ нашей жизни, не заставитъ его забыть о томъ, что за этимъ туманомъ все же сверкаетъ заря. И хотѣлось бы, чтобы въ наше время, когда туманы окутали наши дали, мы прониклись этимъ бодрымъ отношеніемъ къ жизни. Хотѣлось бы, чтобы этимъ отношеніемъ проникло прежде всего все молодое поколѣніе.

П. Д. Боборыкинъ о французскихъ писателяхъ.

П. Боборыкинъ выпустилъ пухлую книгу подъ названіемъ „Столицы міра“, гдѣ онъ „предлагаетъ русскому читателю“ итоги своихъ заграничныхъ наблюденій и впечатлѣній за тридцать лѣтъ (1865—1895) и, въ частности, своихъ знакомствъ съ выдающимися людьми XIX в. въ двухъ крупнѣйшихъ центрахъ Европы—Парижѣ и Лондонѣ. Въ поле зрѣнія автора вошли и литература, и театръ, и живопись, и музыка, и политика, и соціальные вопросы, и школьное дѣло, и семейные нравы, и еще многія другія стороны парижской и лондонской жизни.

Вниманію нашихъ читателей мы предлагаемъ только одинъ изъ этихъ „итоговъ“, касающійся типическихъ чертъ въ духовномъ обликѣ парижскихъ беллетристовъ.

Начнемъ съ отдѣльныхъ характеристикъ такихъ разныхъ писателей, какъ Золя и Мопассанъ.

„Ни одного изъ моихъ парижскихъ собратьевъ,—пишетъ П. Боборыкинъ,— не привелось мнѣ изучать, какъ Золя. Знакомство наше началось въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда Золя не былъ еще тѣмъ полнымъ, почти тучнымъ южанином, какимъ является на новѣйшихъ портретахъ. Жилъ онъ еще скромно, въ небольшой квартиркѣ, гдѣ сказывалась его страсть къ брикъ-а-браку. И нашелъ у него, въ числѣ „objets d'art“ финифтевый образокъ Митрофанія и русскій мѣдный складень. Говорилъ онъ и тогда много, менѣе увѣренно, чѣмъ впослѣдствіи, почти исключительно о себѣ, о своихъ работахъ, о парижскомъ литературномъ рынкѣ. Тогда онъ еще *снизу вверхъ* смотрѣлъ на Флобера, Гонкуровъ и Тургенева. Но когда, послѣ смерти нашего знаменитаго романиста, во французской печати огласили его мнѣніе о кружкѣ, съ которымъ онъ былъ всего ближе, то Золя, говоря объ этомъ со мною, держался уже огорченнаго тона свысока, примѣрно въ такихъ вы-

раженіяхъ:—„Nous tous, nous aimions beaucoup *ce garçon*. Et il nous arrange si vertement".

Это „ce garçon"—признаюсь—меня покоробило. Тургеневъ—какъ мы знаемъ—прямо *открылъ* Золя, носился съ нимъ, доставилъ ему работу въ „Вѣстникѣ Европы", когда онъ сильно перебивался.

И съ каждымъ годомъ натура автора „Ругоновъ" давала себя знать. Послѣ рьяныхъ нападокъ на Французскую Академію онъ сталъ добиваться чести попасть въ число сорока безсмертныхъ и до конца сравнялъ себя своими домогательствами. Точно также и къ „Societé des gens de lettres" онъ относился чуть не съ презрѣніемъ до тѣхъ поръ, пока его не выбрали въ предсѣдатели.

Юисмансъ разсказалъ мнѣ характерный случай изъ его интимной жизни. Изъ перваго большого гонорара, полученнаго имъ, Золя сейчасъ же купилъ себѣ бриллiантовый перстень въ пятьсотъ франковъ.

Золя обстранвался, ушелъ весь въ свой комфортъ, жилъ въ деревнѣ три четверти года и къ Парижу сталъ очень равнодушенъ. Свой домашній обиходъ и работу онъ описывалъ самъ въ печати или сообщалъ своимъ біографамъ и репортерамъ.

На оцѣнку парижанина и даже иностранца—Золя велъ самую однообразную жизнь, но этотъ филистерскій режимъ помогъ ему сохранить свои творческія силы.

Во вторую мою поѣздку въ Меданъ, мнѣ привелось и ночевать у Золя. Разговоръ опять исключительно вертѣлся около его работъ и авторскихъ дѣлъ, или же носилъ на себѣ самый буржуазный оттѣнокъ. Хозяинъ усадьбы преисполненъ былъ довольства своей обстановкой, садомъ, животными, покупками и планами построекъ. Съ тѣхъ поръ мы больше не видались.

Мопассанъ, въ кружкѣ своихъ товарищей по натуралистической школѣ, выдѣлялся не однимъ талантомъ, а и всей своей повадкой. На мою тогдашнюю оцѣнку, онъ похожъ былъ на многихъ студентовъ, какіе водились въ мое время въ концѣ имперіи въ Латинскомъ кварталѣ: небольшого роста, коренастый, съ круглымъ лицомъ, лишеннымъ изящества, съ нѣкоторой франтоватостью и нѣсколько военнымъ тономъ. Пріятели за глаза язвительно называли его „Un officier du train", т.-е. фурштадтскій офицеръ, по русской номенклатурѣ. Преобладающей нотой его разговоровъ было довольно циническое заявленіе о томъ, что онъ работаетъ для денегъ, а профессію писателя не цѣнитъ и не уважаетъ. Онъ любилъ это повторять и впослѣдствіи, кажется вплоть до самой своей душевной болѣзни. И тогда онъ выдавалъ себя за любителя спорта, считался отличнымъ гребцомъ, въ особенности же (и среди парижанъ), отличался своимъ необычайнымъ эротизмомъ и любилъ этимъ хвастаться. Я затрудняюсь, и по прошествіи болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ, сообщать читателямъ о нѣкоторыхъ изъ его „prouesses". Флоберъ повліялъ на него и въ смыслѣ огорченнаго пессимизма и презрительнаго взгляда на человѣчество вообще и въ особенности на ненавистныхъ ему буржуа, хотя Мопассанъ и самъ жилъ и умеръ совершеннымъ буржуа сексуалистомъ, далекимъ отъ какихъ бы то ни было возвышенныхъ порывовъ и чувствъ.

Съ Мопассаномъ сошелъ въ могилу особый видъ писательскаго фатовства. Почти всѣ теперешніе романисты, драматурги и хроникеры играли роль въ салонахъ, проникали въ Академію, окружали свою жизнь комфортомъ и свѣтскимъ изяществомъ, и при этомъ высоко ставили свое литературное положеніе; а Мопассанъ желалъ быть прежде всего дворяниномъ-спортсменомъ, эксплоатировалъ свой талантъ только за тѣмъ, чтобы богато вести жизнь тонкаго вивера съ ежегоднымъ доходомъ, позволяющимъ ему принимать на своей виллѣ и на собственной яхтѣ высшее свѣтское общество...

Въ ту весну, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ проще и забавнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда превратился уже въ знаменитость, въ самаго модnаго писателя, котораго нарасхватъ приглашали разныя великосвѣтскія „gommeuses". Позже онъ слишкомъ былъ преисполненъ своими свѣтскими успѣхами, и общая бесѣда принимала тотчасъ же довольно-таки непріятный оттѣнокъ суетнаго профессіональнаго писательства.

Романисты изъ молодыхъ способны, въ сущности, говорить только о себѣ и о томъ, за что они въ данную минуту ратуютъ, опять-таки, какъ о своемъ личномъ дѣлѣ. Но и въ Гонкурѣ, и въ Золя, и въ Додэ, и въ писателяхъ слѣдующей генераціи я находилъ, и до сихъ поръ нахожу коренныя и непріятныя французскія свойства. Внѣ себя, своей профессіи, своего Парижа и Франціи ихъ, повидимому, очень мало что интересуетъ, по крайней мѣрѣ, они никогда васъ ни о чемъ не спрашиваютъ; а о своихъ дѣлахъ, отношеніяхъ, планахъ и удачахъ могутъ говорить цѣлыми сутками.

По-моему, между стариками едва ли не одинъ Эдмонъ Гонкуръ доживалъ свой вѣкъ, какъ настоящій любитель литературы и искусства. Какъ бы ни было велико его самомнѣніе, онъ могъ сказать и про себя, и про покойнаго своего

брата, что они, съ юныхъ лѣтъ, преслѣдовали только художественно литературныя цѣли, работали неустанно надъ развитіемъ своихъ идей и талантовъ. Но тотъ же Гонкуръ въ своемъ „Журналѣ“, веденномъ сначала вмѣстѣ съ братомъ, а потомъ въ одиночку, показалъ всѣмъ намъ: до какой степени парижская литературная братія душевно разъединена, какъ она разъѣдена отсутствіемъ высшихъ идеаловъ и предана погонѣ или за кубышкой, или за шумихой суетнаго тщеславія.

У беллетристовъ, считая въ томъ числѣ и поэтовъ, страсть къ наживѣ и скопидомство—характерная французская черта, тогда какъ англичане всегда отличались тѣмъ, что, зарабатывая очень много, такъ же много и проживаютъ. Поэтъ-солнце, Викторъ Гюго—давно уже имѣлъ репутацію большого дѣльца. Онъ оставилъ состояніе въ нѣсколько милліоновъ и ограждалъ свои авторскія права съ необыкновенной ловкостью и энергіей. Такіе расточители, какими были сверстники его—Ламартинъ или Дюма-отецъ—давно уже исчезли. У прожигателя жизни, автора „Трехъ мушкатеровъ“—сынъ, авторъ „Дамы съ камеліями“—не только умѣлъ сводить концы съ концами, но постоянно копилъ, покупалъ картины и выгодно ихъ перепродавалъ. Дѣлечество Сарду вошло въ пословицу.

Русскіе писатели—беллетристы или газетные сотрудники—конечно, не безъ зависти видятъ, какъ въ Парижѣ драматурги и романисты матеріально обставляютъ себя, добиваясь очень скоро полной независимости, покупаютъ дома и дачи, отдѣлываютъ ихъ роскошно и наполняютъ произведеніями искусствъ. Эта страсть къ брикъ-абраку, къ покупкѣ всякаго художественнаго старья, овладѣвшая парижанами всѣхъ слоевъ за послѣднія десятилѣтія—есть одинъ изъ симптомовъ скопидомства и страсти къ наживѣ, а также и склонности всякаго француза тѣшить свое тщеславіе разными игрушками. Далеко не у всѣхъ есть настоящая любовь къ изящному. Попадаете вы въ квартиру или загородный домъ своего парижскаго собрата, и на васъ скорѣе непріятно дѣйствуетъ эта всеобщая погоня за *вещами*. Гостиная и кабинетъ превращаются въ лавки старьевщиковъ. Вы чувствуете—какъ во всемъ этомъ сказывается коренное себялюбіе, услажденіе своего я, или маклачество. Всѣ эти парижскіе разжившіеся драматурги, романисты и хроникеры ведутъ въ сущности очень сухую пріобрѣтательскую жизнь. Если они не клубисты, то они или строчатъ и копятъ, или же тратятъ на разные виды диллетантства. Брикъ-а-бракъ и спортъ—вотъ чѣмъ услаждаетъ себя душа дѣльца-писателя, даже когда природа дала ему крупный художественный талантъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Мопассана“.

Въ заключеніе—два слова о первыхъ успѣхахъ художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого въ Парижѣ. „Когда вышелъ первоначальный французскій переводъ „Войны и мира“, сдѣланный одной русской дамой изъ большого свѣта, Мопассанъ повторялъ часто фразу:

— Намъ всѣмъ слѣдуетъ учиться у графа Толстого, автора „Войны и мира“.

Повальное увлеченіе Толстымъ началось далеко не тотчасъ же послѣ появленія въ печати его лучшаго романа. Романъ этотъ довольно долго лежалъ у книгопродавцевъ *безъ сбыта*. Присяжные критики отозвались о немъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ и съ большими оговорками. Толкователемъ Толстого явился Мельхіоръ-де-Вогюэ, и къ тому времени, когда онъ выпустилъ свои этюды въ видѣ цѣлой книги о русскомъ романѣ, наши беллетристы завладѣли парижской публикой; переводчики стали взапуски предлагать свои рукописи редакторамъ газетъ и издателямъ книгъ. Не прошло и пятишести лѣтъ, какъ парижскій литературный рынокъ былъ уже запруженъ этими переводами.

Когда я познакомился лично съ Вогюэ, онъ мнѣ говорилъ уже о такомъ непомѣрномъ наплывѣ, находя, что это неминуемо должно повредить обаянію нашихъ писателей, что и случилось, и въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія стали всплывать признаки явнаго пресыщенія. Редакціи ежедневныхъ журналовъ и книгопродавцы-издатели, которые такъ еще недавно готовы были печатать все, что только имъ ни приносили переводчики, уже дѣлали исключеніе только развѣ для Толстого, да и то потому, что онъ выпускалъ вещи очень маленькихъ размѣровъ.

„Грѣшная монахиня Марія Толстая“.

5 апрѣля скончалась Марія Николаевна Толстая—сестра Льва Толстого. Умерла она въ Шамординскомъ монастырѣ, куда Толстой пріѣхалъ за нѣсколько дней до своей смерти, умерла отъ той же самой болѣзни—воспаленія легкихъ, что и ея братъ.

„Многолѣтняя нѣжная дружба, — пишетъ А. Хирьяковъ въ „Рѣчи“, — соединяла ее съ ея знаменитымъ братомъ, дружба, на которую не могла повліять и коренная разница ихъ религіозныхъ убѣжденій.

Отверженный православной церковью писатель, признанный ересіархомъ и безбожникомъ, и православная монахиня горячо любили другъ друга, такъ какъ оба стояли гораздо выше тѣхъ жалкихъ, условныхъ перегородокъ, которыми люди стараются раздѣлить людей.

М. Н. не могла согласиться со своимъ братомъ въ области религіозныхъ вопросовъ, но чуткимъ сердцемъ понимала, что ея Левочка особымъ своимъ путемъ приближается къ тому же Богу, которому молится и она, соблюдающая всѣ строгія правила монастырскаго устава и православной вѣры.

Левъ Николаевичъ неоднократно высказывалъ мнѣніе, что каждый человѣкъ смотритъ на міръ изъ своего окошка и что неделикатно настаивать на томъ, чтобы люди смотрѣли непремѣнно въ ваше окно, и никогда не позволялъ себѣ неуважительно относиться къ религіознымъ взглядамъ искренно вѣрующаго человѣка, тѣмъ болѣе такого, какимъ была его сестра.

Но надо полагать, что М. Н. было больно, когда представители духовнаго сословія относились съ осужденіемъ къ ея брату. И потому она особенно высоко цѣнила всякое выраженіе вниманія къ своему брату со стороны духовенства.

Я помню, съ какимъ нескрываемымъ удовольствіемъ разсказывала она, какъ одинъ почтенный старецъ сказалъ относительно отлученія Л. Н., что нельзя людямъ быть судьями между нимъ и Богомъ.

— Мудреное это дѣло,—говорилъ старецъ,— мудреное и серьезное. И не намъ, грѣшнымъ людямъ, судить объ этомъ.

Съ такимъ же удовольствіемъ описывала она, какъ однажды какой-то извѣстный старецъ Оптиной пустыни, утомившись отъ многочисленнаго пріема жаждавшихъ поученій богомольцевъ, позвалъ ее и предложилъ замѣнить его и сказать какое-нибудь душеспасительное слово двумъ богомолкамъ.

— Да что же я имъ скажу,—отказывалась М. Н.,—если вы не можете придумать, что сказать, чтобы ихъ вразумить и утѣшить.

И, дѣйствительно, ей какъ нарочно ничего не приходило въ голову, что могло бы быть полезно для богомолокъ. И она молчала. Молчалъ и старецъ. Потомъ онъ вдругъ оживился и, указывая на себя и М. Н., сказалъ богомолкамъ:

— Ну вотъ: двое насъ, двое васъ; Господи, помилуй насъ!

— Ахъ, батюшка,—воскликнули умиленныя богомолки, — вотъ спасибо, вотъ утѣшилъ, спаси, Христосъ, утѣшилъ.

— Это я твоего брата вспомнилъ,—сказалъ потомъ старецъ, обращаясь къ М. Н., намекая на извѣстный разсказъ Л. Н. „Три старца“, гдѣ описывается, какъ почти забывшіе человѣческую рѣчь отшельники молились, глядя на небо, особенной молитвой: „Трое васъ, трое насъ. Помилуй насъ“.

Далеко не вся жизнь М. Н. прошла въ монастырѣ. Въ свое время она вела обыкновенную свѣтскую жизнь своего круга. Выѣзжала, путешествовала, была близко знакома со многими выдающимися людьми своего времени.

М. Н. разсказывала, какъ она акомпанировала Тургеневу, когда онъ пѣлъ извѣстный романсъ Глинки на слова Пушкина: „Я помню чудное мгновеніе“.

— Я акомпанирую,—разсказывала М. Н.,— а Иванъ Сергѣевичъ меня пальцемъ въ плечо толкаетъ, чтобы энергичнѣе выходило: „Шли годы, бурь порывъ мятежный“. А я ему говорю: „Да откуда тутъ энергіи взять, когда вы Богъ знаетъ что поете, ни одной ноты вѣрной“.

— Ахъ, М. Н.,—со вздохомъ отвѣчаетъ Иванъ Сергѣевичъ, да что же мнѣ дѣлать? Вѣдь я и самъ знаю, что у меня не голосъ, а просто свинья.

Сама же М. Н. была очень музыкальна и обнаруживала большія способности къ музыкѣ. Но одной музыкѣ ей было мало. Одна музыка не могла удовлетворить ея душевныхъ запросовъ.

Передъ ней стоялъ неотвязный вопросъ о смыслѣ жизни, который томилъ и ея знаменитаго брата. Этотъ вопросъ привелъ М. Н. къ монастырю.

Но удовлетворилъ ли ее монастырь?

Кто знаетъ? Чужая душа потемки. Но мнѣ вспоминается, — пишетъ А. Хирьяковъ,—одна характерная фраза М. Н.

Дѣло происходило въ домикѣ Александры Львовны, гдѣ прошлымъ лѣтомъ гостила М. Н., окруженная нѣжной заботливостью своей племянницы. Піанистъ Гольденвейзеръ только что окончилъ замѣчательную пьесу Шумана, и никто не рѣшался нарушить молчаніе. И вдругъ тихо, точно она говорила сама съ собою, раздается голосъ М. Н.:

— Да, если такъ играть, то и въ монастырь не захочешь.

Невольно припоминаются слова Льва Николаевича о томъ, что если погибнетъ вся цивилизація, то и Богъ съ ней, а вотъ только музыку жалко.

И сестра и братъ страстно любили музыку,

и сестра и братъ вѣчно искали, вѣчно стремились, были вѣчно алчущими и жаждущими правды. И у сестры и у брата подъ суровой внѣшностью скрывалась неудовлетворенная потребность въ нѣжной любви и ласкѣ, въ жизнерадостномъ, молодомъ смѣхѣ...

——

Со времени ухода Льва Николаевича изъ Ясной Поляны и послѣдовавшей затѣмъ его кончины жизнь М. Н., по словамъ ея близкихъ, превратилась въ настоящую пытку.

Монахиня съ тоскою говорила окружающимъ:

— Что то испытываетъ теперь Левушка на „томъ“ свѣтѣ?.. Вѣдь онъ не вѣрилъ въ будущую жизнь. Можетъ быть, мучается теперь его душа. Буду молить о немъ милосерднаго Бога...

Но покойный старецъ Оптиной пустыни Іосифъ сурово осудилъ намѣреніе Маріи Николаевны:

— Не только молиться, но и думать не должна.

Это запрещеніе тяжелымъ бременемъ легло на душу М. Н., и она говорила по поводу этого одной изъ своихъ дочерей:

— Я должна исполнить приказаніе о. Іосифа, но это свыше силъ моихъ. Какъ же мнѣ не думать о Левушкѣ, когда сердце мое и душа полны имъ. Только и думы, что о немъ...

Незадолго до смерти духовникъ Маріи Николаевны снялъ съ нея „запрещеніе“ старца Іосифа, разрѣшивъ молиться за Льва Николаевича, но только не въ церкви, а у себя въ кельѣ.

М. Н. сразу просвѣтлѣла, но горе все-таки надломило и духовныя и тѣлесныя силы монахини.

Передъ смертью монахиня приняла схиму.

——

Интересное письмо Маріи Николаевны опубликовано въ „Нов. Вр.“:

„Переписка моя съ братомъ никому неинтересна. Мы никакого серьезнаго вопроса на почвѣ религіозной или какой другой не затрагивали по той простой причинѣ, что мы въ этомъ съ нимъ не сходились. Наши письма исключительно касались выраженій чувства любви и дружбы другъ другу, особенно его письма ко мнѣ.

„Я монахиня и безусловно вѣрую во все то, что онъ отрицалъ и во что не вѣрилъ. Но по внутреннему его чувству и любви къ Богу безбожникомъ его назвать нельзя; вся его жизнь была постоянная работа и ломка надъ собой. Онъ давно тяготился своей жизнью въ Ясной Полянѣ противъ своихъ убѣжденій; какъ часто онъ мнѣ говорилъ, когда я бывала у нихъ: „Если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело такъ жить!“

„Спросятъ: отчего же онъ *тогда* не ушелъ? Оттого, что это было нужно *тому, кого* вы, мірскіе, не признаете, и *кто* держалъ его въ своихъ рукахъ, чтобы міръ видѣлъ двухъ Толстыхъ: одного кощунника, безбожника, а другого высокой жизни, высоконравственнаго, безпощадно работавшаго надъ собой человѣка. И вотъ когда ему стало не въ моготу, онъ ушелъ и потянуло его въ монастырь къ старцамъ.

„Тогда *тотъ* злой духъ поднялъ за нимъ погоню и угналъ его подальше отъ мѣста, гдѣ бы онъ могъ найти успокоеніе и можетъ быть спасеніе своей измученной души. И вотъ онъ умеръ! Умеръ Левъ Толстой!

„Для меня не важно то, чѣмъ онъ былъ и чему училъ; для меня важно,—*какъ* онъ жилъ и *чему* онъ *могъ бы* научить, еслибъ имъ не завладѣлъ врагъ рода человѣческаго, которому вы, мірскіе, и самъ Левъ Николаевичъ не вѣрилъ. А вѣдь пора бы ему повѣрить, онъ 7000 лѣтъ работаетъ надъ міромъ! Сильные люди изъ міра уходятъ и съ Божьей помощью стараются врага побѣдить. А тѣ сильные, которые остаются и думаютъ своими силами и своимъ умомъ съ нимъ справиться, большею частью въ этомъ не успѣваютъ и, увы, погибаютъ! И ему такихъ-то и нужно, слабыхъ онъ не трогаетъ; не стоитъ рукъ марать и они живутъ себѣ припѣваючи. Мы не можемъ себѣ представить Бога, насколько Онъ вездѣсущъ и всемогущъ, также мы не можемъ себѣ представить, насколько велико Его милосердіе, какъ и всѣ остальныя Его свойства. И поэтому, когда я молюсь о моемъ несчастномъ братѣ, я чувствую нѣкоторое успокоеніе въ моей душѣ.

„Вотъ все, что я могла высказать на вашъ вопросъ. Письма же его ко мнѣ, увѣряю васъ, для васъ и для всѣхъ очень незначительны и потому не посѣтуйте на меня.

Грѣшная монахиня Марія Толстая“.

Жертва «машины».

(Воспоминанія плиссельбуржца).

Машина бездушна. И жестокость ея—безсмысленна. Такова же, увы, и государственная машина. Прочтите воспоминанія бывшаго плиссельбуржца М. Фроленко („Вѣст. Евр.“) о томъ, какъ ему съ товарищами, въ силу манифеста 17 октября, даровали свободу—и вы въ недоумѣніи остановитесь передъ тѣми стѣсненія-

ми, какими отравили человѣку первое, самое сильное и свѣтлое, чувство этой „дарованной“ свободы.

Вотъ перевезли шлиссельбургскихъ „стариковъ“ въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость. Въ первый же день, при свиданіи ихъ съ родными, преподнесена была первая ложка „дегтю“. Сестра одного изъ шлиссельбуржцевъ, спрятавъ небольшой букетикъ цвѣтовъ на груди подъ кружевами, пронесла его благополучно чрезъ всѣ заставы. На свиданіи, вынувъ, она уже протянула было его брату, какъ смотритель, сидѣвшій неподалеку и читавшій газету, быстро повернувшись, схватилъ букетъ и, нервно оторвавъ одинъ лепестокъ, замѣтилъ: „Вотъ даже этого не могу позволить передать!“..

Смятый букетикъ, какъ раненая птичка, остался лежать на столѣ.

На другой день вся картина быстро измѣняется. Прежде всего прибѣгаетъ смотритель и объявляетъ, что по его, якобы, просьбѣ комендантъ крѣпости разрѣшилъ привезеннымъ общую прогулку. На свиданія стали приноситься и открыто передаваться теперь не только букетики, но цѣлые букеты, даже короба съ чудными живыми цвѣтами, несмотря на глубокую осень, а потомъ и зиму.

Журналы, газеты, книги, разная ѣда, консервы, фрукты, сласти—все это теперь было позволено и безпрепятственно пропускалось. Все это шло съ воли, сопровождалось сердечными привѣтствіями, восторженными словами, окутывало прибывшихъ сердечно-любовной атмосферой.

Они были оправданы! Теперь ихъ называли за перенесенныя страданія мучениками, чуть не святыми.

Это было въ ихъ глазахъ уже не то, что полученіе свободы въ силу указа по манифесту, какъ бы изъ милости. Это было признаніе ихъ правоты въ прошломъ. Оно больше не порицалось, вызывало, напротивъ, похвалу.

Изъ обвиненныхъ они вдругъ обратились въ обвинителей и теперь бодро и смѣло могли смотрѣть на всѣхъ, не боясь встрѣтить укоровъ и осужденій.

Такое приподнятое настроеніе вызвала въ заключенныхъ эта рѣзкая перемѣна отношенія тюремнаго начальства. Но... „въ Питерѣ погода быстро мѣняется; скоро и на нашемъ небѣ стали появляться тучки“, — прибавляетъ М. Фроленко.

Прежде всего дали прочесть и списать точный указъ Сената. Оказалось, что безсрочныхъ, уже просидѣвшихъ отъ 20 до 25 лѣтъ, несмотря на то, что по указу каторга опредѣлялась въ 15 лѣтъ, все-таки должны отправить на 4 года въ Сибирь, какъ поселенцевъ, и продержать подъ надзоромъ полиціи сверхъ того еще три года. Сенатъ опредѣлилъ все наказаніе ограничить 22 годами, а фактически для нѣкоторыхъ оно получалось въ 35 лѣтъ почти. И когда на это было обращено вниманіе, то получился отвѣтъ:—Правительство сдачи не даетъ!—т. е. что съ возу упало, то пропало!

По случаю забастовки на Сибирской желѣзной дорогѣ везти привезенныхъ въ Сибирь начальство не рѣшалось, а потому охотно соглашалось отдать ихъ на поруки даже непризнаннымъ родными. Предполагалось къ тому же, что Дума весной все равно ихъ освободитъ окончательно. Послѣднее предположеніе скоро, однако, начало тухнуть, и тогда явилось раздумье, а съ нимъ и придирки, затяжки. Согласившись, напримѣръ, меня отдать на поруки въ Москву, теперь вдругъ объявили, что туда нельзя, надо поручителя изъ другого города. Какъ будто родные живутъ по всѣмъ городамъ, и ихъ легко тамъ найти.

Далѣе, допустивъ, одному отъѣздъ произвести открыто, другихъ уже отправляли съ предосторожностями, ночью, неожиданно, едва сообщивъ тѣмъ, кто браль на поруки. Выходила странность: освобождаемыхъ боялись показывать, боялись овацій. Ихъ какъ бы выкрадывали у самихъ себя, притомъ не разомъ, а урывками, по одному.

Время потянулось въ тягостномъ ожиданіи; наконецъ, 13-го ноября сестра съ увѣренностью заявила мнѣ: „Ну, дорогой, завтра мы ужъ навѣрно съ тобой покатимъ. Всѣ формальности покончили, и требуется лишь подпись N. Въ 12-ть часовъ я ее получу, а вечеромъ и ѣхать будетъ можно. Будь готовъ!“

Дѣйствительно, на другой день тюремное начальство подтвердило сказанное сестрою, представивъ къ этому счетъ моего забора, не забывъ взять не только за хлѣбъ и разную провизію, но даже карандашъ, бумага, лекарство были проставлены тутъ же; недоставало только платы за номеръ. Это какъ-то невольно передернуло, но деньги у меня уже были теперь, и я, не давъ даже понять о своемъ недоумѣніи, расплатился какъ бы съ готовностью. Не хотѣлось портить настроенія мелочами, хотѣлось не замѣчать дурное, гнать его отъ себя.

Вечеромъ, отворяютъ дверь и говорятъ радостное, давно жданное „пожалуйте!“

Всякій, вѣроятно, переживалъ минуты та-

кого ожиданія и легко пойметъ мое состояніе; но то, что пришлось пережить въ этотъ же день моей сестрѣ, едва ли часто случается.

Ей, какъ сказано было выше, обѣщали къ 12-ти часамъ приготовить всѣ бумаги, и она, увѣровавъ въ это, совершенно успокоилась сама, успокоила и меня наканунѣ.

Но, вотъ, наступилъ полдень.—Что, готовы бумаги?—спрашиваетъ сестра, явясь, куда велѣно было.—Еще нѣтъ! Вамъ, вѣроятно, еще придется съ недѣлю подождать! Не подписалъ N! Сегодня онъ уѣзжаетъ и вернется на той недѣлѣ!—вдругъ огорашиваютъ ее.

Ужасно! Можно на рожонъ полѣзть отъ такого извѣстія. Сестра бросилась по разнымъ учрежденіямъ. Она никакъ не предполагала, что имѣлось въ виду лишь оттянуть отвѣтъ на нѣсколько часовъ, дабы она не сообщила объ отъѣздѣ другимъ. И потому она билась, какъ пойманная птица въ клѣткѣ. Куда она ни пріѣзжала, къ кому ни обращалась, вездѣ получался одинъ лишь отвѣтъ: „Мы ничего не знаемъ, это не отъ насъ зависитъ, обратитесь туда-то“. Она ѣхала туда, но и тамъ получалось то-же, пока въ концѣ концовъ не указали опять на тотъ же департаментъ, съ котораго она начала свой объѣздъ. Въ отчаяніи она заглянула и туда. Каково же было ея удивленіе, когда ей теперь здѣсь объявили, что все дѣло кончено и что она сегодня же вечеромъ получитъ своего брата на вокзалѣ. Это было всего за часъ, не болѣе, до отхода поѣзда, но съ нея все-таки взяли слово, что она никому не сообщитъ объ увозѣ меня изъ Питера.

Меня должны были сопровождать до мѣста назначенія два гороховыхъ пальто, но сначала ихъ не было видно: они сидѣли особо, и это придавало видъ полной, якобы, свободы.

Но вотъ вечеромъ какой-то шумъ у дверей купэ прервалъ мои мысли. Неумѣлая рука пыталась отворить дверь.

— Куда вы? Зачѣмъ? Мы сейчасъ располагаемся спать!—энергично запротестовала сестра, подскочивъ ко входу...

— Никакъ не можемъ! Приказано!—слышу чьи-то голоса и вижу, какъ мои хранители настойчиво стараются протиснуться въ полуотворенную дверь. Поднялся споръ, уговоры, убѣжденія, что это нелѣпо, не имѣетъ никакого смысла. У самой двери передъ купэ въ коридорѣ было два кресла и тамъ можно было сидѣть; но на всѣ наши резоны получался лишь одинъ отвѣтъ: „Никакъ нельзя! Приказано! Мы не помѣшаемъ!..“ Пришлось уступить, и въ ногахъ у меня и сестры очутилось по стражу. Русская несуразность начала давать о себѣ знать.

Спрашивается: не курьезно ли?

Человѣка везутъ не въ тюрьму, а ва волю, и боятся, что онъ можетъ убѣжать. Убѣжать въ присутствіи поручителя и за нѣсколько часовъ раньше того момента, когда стража, довезя до мѣста, оставитъ его совершенно одного. Вѣдь, пріѣхавъ въ имѣніе, гдѣ нѣтъ ни полиціи, ни урядника, убѣжать было легче и удобнѣе!

А тутъ довольно грубовато и безцеремонно врываются въ купэ, гдѣ спитъ женщина.

Забытье, начавшее было переходить у меня въ тихій, спокойный сонъ, эта исторія сразу превратила въ сильное возбужденіе, и какъ я ни урезонивалъ себя, какъ ни уговаривалъ, что все это пустяки, не стоитъ обращать вниманія — ничто не помогало, и сна какъ не бывало.

Пріѣхали въ деревню, въ имѣніе племянника, гдѣ вынужденъ былъ поселиться „амнистированный“, „свободный“ М. Фроленко. Что долженъ былъ онъ, воскресшій къ жизни человѣкъ, испытывать здѣсь, въ монотонномъ одиночествѣ, въ навязанномъ бездѣйствіи, среди снѣжныхъ сугробовъ, тѣсно обступившихъ кругомъ, какъ только что покинутыя тюремныя стѣны?

„Дни свободы,—пишетъ М. Фроленко,—вскорѣ показались мнѣ не днями свободы, а днями новаго заключенія, днями гнетущаго ожиданія чего-то впереди нехорошаго, нерадостнаго. Рвался человѣкъ къ жизни, къ движенію, жаждалъ войти въ общеніе съ живыми людьми, слышать ихъ рѣчи, ихъ предположенія, начинанія—и вдругъ хотя и милыя, но все-таки безсловесныя коровы, лошади... и затѣмъ опять ожиданія и снова ожиданія.

Это-то выжидательное положеніе отбивало охоту къ чтенію, дѣлало равнодушнымъ къ хозяйству и вѣчно неспокойнымъ, держало на сторожѣ, заставляло тревожно биться сердце. Днемъ, еще чаще ночью, щемящая боль являлась постоянной спутницей, и тревога, боязнь что-то пропустить, куда-то опоздать, чего-то не додѣлать въ срокъ, охватили всего и стали держать въ сильно напряженномъ состояніи.

Присутствіе стѣны чувствовалось на каждомъ шагу и мѣшало дышать полной грудью. „Нѣтъ! ты еще не свободенъ!“—говорила она на каждомъ шагу и невольно заставляла ждать какихъ-то еще новыхъ бѣдъ впереди...

Въ началѣ статьи авторъ, вспоминая шлиссельбургскій періодъ, спрашиваетъ: „какъ могли такъ долго люди выжить? какъ, откуда

бралась у нихъ сила столько времени переносить всѣ ужасы безсрочнаго, т. е. безнадежнаго заключенія?“ И отвѣчаетъ:

„Да! вѣдь люди, помѣстивъ ихъ въ могилу, сказали, и не разъ повторяли, что они посажены навсегда, на всю жизнь, чтобъ о выходѣ они и не думали *). Было отъ чего прійти въ отчаяніе, но тутъ-то и сказалось стремленіе жизни биться за свое существованіе до послѣдняго, давъ человѣку надежду, какъ источникъ неизсякаемой энергіи.

И въ самомъ дѣлѣ—не будь надежды, развѣ мыслимо было бы прожить такъ много лѣтъ, и притомъ людямъ, большинство которыхъ предполагаетъ, что съ распаденіемъ тѣла распадется душа и сознаніе. Единственное, что такихъ людей можетъ удержать и удерживало отъ смерти—это то, что съ безсрочностью неохотно мирится мысль, не допускаетъ ее. Они надѣялись, что не нынче, такъ завтра, люди одумаются, найдутъ это безчеловѣчнымъ и откроютъ могилу, тѣмъ болѣе, что на безсрочное держаніе въ могилѣ нѣтъ даже и закона, и дѣлается оно вопреки ему...

Отъ машины пріятно перейти къ живымъ людямъ, къ человѣческому сердцу, которое бьется иногда и подъ грубой шинелью съ свѣтлыми пуговицами.

Когда шлиссельбуржцевъ провожала крѣпостная администрація и начальникъ произнесъ нѣчто въ родѣ торжественной рѣчи, то прежде чѣмъ онъ успѣлъ закончить ее пожеланіями счастья, успѣха въ новой жизни, изъ толпы унтеровъ быстро вышелъ одинъ сѣдой старикъ и бросился цѣловаться, какъ родной, съ тѣми, что уцѣлѣли еще отъ равелинскаго сидѣнья. Въ качествѣ надзирателя вмѣстѣ съ ними онъ находился тамъ, вмѣстѣ съ ними его перевезли въ Шлиссельбургъ, и здѣсь онъ все время оставался, только служа при крѣпостной канцеляріи, а не въ тюрьмѣ.—У меня двое сыновей пострадали также,—слышалась его жалоба.

Атмосфера нѣкоторой натянутости быстро измѣнилась. Всѣ бросились прощаться съ отъѣзжающими. Кто жалъ руки, кто просилъ о присылкѣ карточекъ; пожеланія сыпались со всѣхъ концовъ.

На пристань высыпала вся крѣпость, и здѣсь снова повторились сцены прощанья, слышались пожеланія, быстрые обмѣны словомъ-другимъ. Всѣ вдругъ какъ бы почувствовали себя близкими друзьями, кой-кто даже обмѣнялся поцѣлуями съ совершенно незнакомыми лицами. Проводы выходили на славу, необычайно сердечными! Увозимымъ, вмѣсто того чтобъ спрятать ихъ на днѣ каюты или баржи, какъ было двадцать одинъ годъ тому назадъ, позволили остаться на палубѣ пароходиковъ. Съ берега имъ кланялись, махали руками, дамы—платками.

Но ничто, конечно, не могло загладить, хоть на время, тотъ слѣдъ, какой оставляла въ душѣ покидаемая „могила“, и это выразительно показываютъ воспоминанія М. Фроленко.

Ѣдущіе на второмъ пароходикѣ оглянулись назадъ. Крѣпость сѣрымъ, прозрачнымъ пятномъ едва виднѣлась среди воды.

— Ну, прощай!—заикнулся было благодушно одинъ, находясь еще подъ вліяніемъ проводовъ; но на это раздался возгласъ другого:

— Сгинь, провались ты, проклятое мѣсто!—и къ нему присоединились всѣ, повернувъ свои спины къ призраку.

*) Чтобы чаще напоминать объ этомъ, для нихъ даже и костюмъ особенный придумали: сѣрая куртка съ черными рукавами и сѣрая шапка съ чернымъ крестомъ во все дно верха.

Судьба одного таланта.

(Эрнестъ Фанелли).

Нынѣшней весною въ одной изъ парижскихъ концертныхъ залъ трогательно сочетались необычайный праздникъ искусства и еще болѣе необычное торжество справедливости. Былъ увѣнчанъ лаврами, какъ великій художникъ, геніальный композиторъ,—вчерашній переписчикъ нотъ и таперъ, одинъ изъ тѣхъ музыкантовъ, которые по вечерамъ въ оркестрѣ позваниваютъ въ колокольчики и бьютъ въ литавры, а по ночамъ въ монмартрскихъ кабачкахъ на разбитомъ фортепіано аккомпанируютъ поддѣльнымъ румынамъ и—даже solo!—исполняютъ матчишъ передъ компаніей апашей...

Скромный музыкантъ этотъ, ставшій вдругъ знаменитостью—Эрнестъ Фанелли. Исторію его разсказалъ въ вѣнской „Neue Freie Presse“ Максъ Нордау. Правильно замѣчаетъ переводчикъ статьи (въ „Запр. Жизни“), что эта исторія, эта „сказка жизни“, волнующая теперь весь Парижъ, снова напомнитъ обществу, сколько неоцѣненныхъ талантовъ пропадаетъ при настоящихъ общественныхъ условіяхъ.

Однажды,—передаетъ намъ М. Нордау,—въ кабинетъ Габріэля Пьернэ вошла горничная и доложила, что барина спрашиваетъ пожилой, какъ будто приличный, хотя и нѣсколько обтрепаннаго вида господинъ. Пьернэ—это из-

вѣстный композиторъ и капельмейстеръ. Со смерти Колонна онъ управляетъ оркестромъ филармоническихъ воскресныхъ концертовъ въ Шателэ, представляющихъ собой наряду съ Консерваторскими и Шевильярдскими концертами самыя замѣчательныя музыкальныя предпріятія Парижа. Пьернэ, хотя и нѣсколько раздосадованный неумѣстнымъ визитомъ, принялъ посѣтителя.

— Чѣмъ могу служить?

Теребя въ смущеніи свою шляпу, незнакомецъ дрожащимъ голосомъ спросилъ: не найдется ли у господина директора работы по перепискѣ нотъ?.. И чтобы представить образецъ своего искусства, онъ вытащилъ изъ внутренняго кармана поношеннаго, подбитаго вѣтромъ пальто свертокъ бумагъ и показалъ Пьернэ свою работу. Директоръ взглянулъ на рукопись и былъ пріятно изумленъ. Ноты казались не переписанными, а выгравированными, работа поражала чистотой, изяществомъ и четкостью письма. Онъ взялъ воты изъ рукъ посѣтителя, чтобы разсмотрѣть ихъ ближе. Пробѣжавъ глазами нѣсколько тактовъ, онъ заинтересовался и сталъ читать со вниманіемъ дальше. Прочелъ страницу, перевернулъ ее и, повидимому, съ все возрастающимъ жгучимъ интересомъ читалъ дальше, забывъ о посѣтителѣ, стоявшемъ передъ нимъ и въ страхѣ ждавшемъ рѣшенія своей участи... Наконецъ, Пьернэ поднялъ голову отъ партитуры и въ волненіи спросилъ: „Чье это?“

Тотъ не отвѣтилъ на вопросъ. Пьернэ нетерпѣливо повторилъ: „Чья это вещь? Неужели вамъ неизвѣстенъ авторъ?“ Тогда онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ, словно стыдясь и опуская глаза: „я знаю его имя. Вещь принадлежитъ мнѣ“.

— „Вамъ?—воскликнулъ Пьернэ, вскакивая со своего мѣста:—Кто вы такой?“

И Фанелли разсказалъ ему о себѣ. Онъ началъ свое повѣствованіе стоя, но черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ предложилъ ему сѣсть и взялъ шляпу изъ его рукъ. Фанелли родился въ 1860 г. Онъ рано посвятилъ себя музыкѣ. Онъ былъ ученикомъ консерваторіи и бралъ у Мармонтеля уроки фортепіано, а у Лео Делиба учился композиціи, но консерваторію онъ оставилъ до окончанія курса, чтобы идти своей особой дорогой, которая отклонялась отъ пути, намѣченнаго его учителями и признаннаго современниками. 23-хъ лѣтъ, въ 1883 г. онъ написалъ ту музыкальную вещь, которую Пьернэ держалъ теперь передъ собой. И въ теченіе двадцати девяти лѣтъ партитура лежала похороненной въ ящикѣ стола. Вначалѣ онъ пытался выступить съ нею публично. Но ему ничего не удавалось. Никто не хотѣлъ выполнять его вещи, никто не желалъ ее издавать. А чтобы выпустить ее въ свѣтъ на собственный счетъ, онъ былъ слишкомъ бѣденъ. Но онъ все еще не терялъ мужества и продолжалъ компонировать. Число готовыхъ партитуръ все увеличивалось. Всѣ шкафы въ домѣ были полны его работами. Неутомимо хлопоталъ онъ о томъ, чтобы пристроить свои творенія, обивалъ всевозможные пороги, не теряя энергіи, но безуспѣшно. Не было у него ни покровителей, ни вліятельныхъ друзей, ни полезныхъ связей, и всѣ двери захлопывались передъ нимъ. Въ теченіе полутора десятка лѣтъ онъ мужественно боролся съ судьбой, но, наконецъ, убѣдился въ безнадежности своего дѣла, сложилъ оружіе и отдался на волю року. Онъ пересталъ компонировать и занялся перепиской нотъ для другихъ. Сначала онъ работалъ съ разбитымъ сердцемъ, истерзанной душой, проклиная судьбу, озлобленный и отчаявшійся; но постепенно свыкался со своей долей, и чувства его притуплялись. Вначалѣ онъ искалъ и уроковъ музыки, но не могъ найти учениковъ даже за самое жалкое вознагражденіе. Потомъ спустился еще на нѣсколько ступеней ниже, и чтобъ прокормить семью, долженъ былъ стать тѣмъ, чѣмъ видитъ его теперь передъ собой Пьернэ: тапёромъ въ ночныхъ притонахъ и переписчикомъ нотъ. Мельница жизни стерла его человѣческое достоинство въ порошокъ. У него нѣтъ теперь ничего, ни надежды, ни гордости, ни даже желаній. Юность представляется ему дикимъ, горячечнымъ бредомъ. Горящій воодушевленіемъ композиторъ, исполненный высокихъ мыслей и порывовъ, теперь кажется ему страннымъ чужимъ человѣкомъ, незнакомцемъ, съ которымъ онъ давно потерялъ связь... Если въ послѣдніе годы случайно онъ открывалъ ящикъ конторки и наталкивался на свои старыя работы, ему самому казалось немыслимымъ, что онъ писалъ такія вещи. Такое же чувство испытываетъ онъ и по отношенію къ „Симфоническимъ картинамъ“, произведенію, которое Пьернэ держитъ сейчасъ въ рукахъ...

Дальше онъ не могъ разсказывать. Прорвались долго сдерживаемыя рыданія, и голосъ его пресѣкся. И у Пьернэ глаза наполнились слезами, но онъ быстро овладѣлъ собой и сказалъ своему гостю:

— „Ваши испытанія были тяжки и продолжительны. Но теперь все это позади. Я беру ваши „Симфоническія картины“ для концерта Колонна. И черезъ три недѣли вы вый-

дете изъ подземелья на яркій свѣтъ славы".

Пьернэ долженъ былъ дважды повторить свое предложеніе, прежде чѣмъ Фанелли уразумѣлъ, въ чемъ дѣло. И когда, наконецъ, понялъ, онъ лишился чувствъ.

Фанелли пришлось ждать не три недѣли до осуществленія того, что обѣщалъ ему капельмейстеръ, а не болѣе трехъ дней. Пьернэ чувствовалъ себя призваннымъ исправить жестокую несправедливость рока. Его тревожила мысль, не свела ли судьба его слишкомъ поздно съ Фанелли. Онъ чувствовалъ, что, беря на себя роль Провидѣнья, долженъ дѣйствовать возможно быстрѣй. Быть-можетъ, въ памяти его вставала трагическая исторія Фирдуси, такъ трогательно разсказанная Гейне, исторія непризнаннаго поэта, которому послѣ долгихъ лѣтъ тщетной борьбы за славу, шахъ послалъ щедрые подарки... Верблюды, нагруженные дарами, вошли въ западныя ворота города Туса, гдѣ жилъ Фирдуси.

А на востокъ распростерлися въ Тусѣ
Тоже ворота—для трупа Фирдуси.

И Пьернэ не сталъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Онъ немедленно же устроилъ въ оркестрѣ пробную репетицію „Симфоническихъ картинъ" и убѣдился, что вещь производитъ на исполнителей столь же сильное впечатлѣніе, какое она на него произвела при чтеніи. Тогда онъ разсказалъ своимъ артистамъ исторію композитора, вещь котораго они исполняли, и всѣ сто музыкантовъ заплакали, слушая страшную сказку; плакали флейтисты и скрипачи, трубачи и барабанщики. А, вѣдь, если у всѣхъ стѣнъ есть уши, то у стѣнъ концертнаго зала уши особенно чуткія. О случаѣ сейчасъ же стало извѣстно прессѣ, и то, что произошло вслѣдъ затѣмъ, можетъ быть уподоблено только динамитному взрыву.

Когда нѣсколько дней спустя была объявлена программа концерта Колонна на ближайшее воскресенье, включавшая „Симфоническія картины", публика буквально осадила билетныя кассы.

Наконецъ, наступилъ великій день. Залъ театра Шателэ былъ переполненъ. И еще сотни желающихъ остались за дверью. Публика была въ томъ приподнятомъ настроеніи, которое нашло себѣ музыкальное выраженіе въ четвертой части девятой симфоніи Бетховена. Когда Пьернэ показался на дирижерскомъ мѣстѣ, грянулъ первый громъ аплодисментовъ. Публика чувствовала потребность излить накопившееся напряженіе, а также наградить за великодушіе человѣка, подавшаго руку помощи Фанелли и вытащившаго со дна жизни артиста, обойденнаго судьбой. И вотъ, наконецъ, слово было предоставлено Фанелли, и въ продолженіе цѣлаго часа онъ одинъ говорилъ съ публикой... И когда его вещь, заканчивающаяся словно звуками органа, извлеченными изъ инструментовъ оркестра, была сыграна, когда смолкли бой барабана, громъ трубы и шумъ тромбона, произошло нѣчто невиданное, нѣчто единственное въ исторіи музыки. Всѣ присутствующіе, мужчины и женщины, степенная публика ложъ и экспансивные завсегдатаи райка, вскочили со своихъ мѣстъ; всѣ лица горѣли, глаза сверкали, руки яростно аплодировали, стонъ и крикъ стоялъ надъ заломъ. Казалось, вѣяніе древняго діонисовскаго экстаза-безумія пронеслось надъ толпой... Въ теченіе десяти минутъ бушевала буря восторговъ... Когда въ Вѣнѣ капельмейстеръ повернулъ лицомъ къ публикѣ глухого Бетховена, чтобы тотъ увидѣлъ то, чего не могъ уже слышать, передъ глазами великаго композитора не было такого зрѣлища, какъ теперь въ концертномъ залѣ въ Шателэ. И на долю Вагнера не выпало такихъ овацій при освященіи созданнаго для него театра въ Байрейтѣ...

Значитъ, и въ наше сѣрое и трезвое время жизнь иногда можетъ внезапно превратиться въ сказку, въ чудесную исторію изъ „Тысячи и одной ночи", въ которой истощенный нуждою и голодомъ погонщикъ верблюдовъ или носильщикъ, по капризу проказника-духа, переносится вдругъ въ роскошный мраморный дворецъ и превращается въ могущественнаго визиря или даже доблестнаго халифа...

Драма въ Атлантическомъ океанѣ.

У острова Ньюфаундленда принесена искупительная жертва; у острова Ньюфаундленда столкнулись двѣ силы мірозданія, — творческая и разрушительная,—и побѣдила первая; у острова Ньюфаундленда повторился мигъ древности; у острова Ньюфаундленда человѣчество выдержало подстерегавшій его экзаменъ; у острова Ньюфаундленда природа одержала надъ культурою Пиррову побѣду; у острова Ньюфаундленда человѣчество смертью попрало смерть. О томъ, что было у острова Ньюфаундленда, надо говорить молитвенно, подъ звукъ органа, при хорѣ пѣвчихъ, говорить почти такъ, какъ говорятъ о страстяхъ Господнихъ,— просто, вдохновенно. „Въ началѣ бѣ слово..." Этимъ изначальнымъ, божественнымъ словомъ,

изъ котораго родился міръ, надо воспѣть эпосъ „Титаника“.

Такъ Баянъ въ „Рус. Сл.“ говоритъ объ океанской драмѣ у береговъ Ньюфаундленда.

И далѣе онъ продолжаетъ: какъ тонули люди на „Титаникѣ“—понемножку выясняется. Телеграфистъ не покидалъ аппарата, стоя по поясъ въ водѣ. Штурманъ ждалъ смѣны и, не дождавшись ея, погрузился въ пучину вмѣстѣ съ носомъ корабля. Престарѣлый капитанъ, подъ звуки шопеновскаго марша и вой заливавшихъ палубу волнъ, кричалъ въ рупоръ:

— Джентльмены, держите себя какъ настоящіе бритты!

Погрузившись же въ воду, когда ему предлагали спасеніе, бросилъ въ лодку чьего-то ребенка, а самъ продолжалъ спасать другихъ... Милліардеръ Асторъ, первый журналистъ Европы Стэдъ, адъютантъ президента республики и многія знатныя особы составили цѣпь, обезпечивающую спасеніе женщинъ и дѣтей.

Старуха, жена стараго Штрауса (милліонера) отказалась отъ спасенія, и чета, прижавшись другъ съ другу, встрѣтила смерть какъ праздникъ.

Переполненная лодка. Рулевой говоритъ:

— Тронъ надо сойти...

— All right!..

И три англичанина шагаютъ въ бездну.

А оркестръ, тотъ самый, который только-что слушали дамы въ брильянтахъ и мужчины во фракахъ, играетъ національный гимнъ, молитву и... похоронный маршъ! Похоронный маршъ надъ собственной могилой!.. Вдумайтесь, господа! Какое чудо объединило спазмой геройства милліардеровъ съ бѣдняками, художниковъ съ ремесленниками, людей долга, дисциплины и безпечныхъ фланеровъ? Что произошло надъ пучиной такого, что опрокинуло всѣ нормы, законы, вѣроятности, превративъ неврастениковъ XX вѣка въ титановъ древности, въ первыхъ христіанъ, въ мучениковъ? Неизбѣжность смерти??. Но у насъ, двумя днями позже, на Ленѣ, вѣроятность смерти испугала людей такъ, что они пролили рѣки крови. Смертельная опасность озвѣряетъ людей. Это—законъ. Его подтвердила французская молодежь на пожарѣ благотворительнаго базара. Его подтверждаютъ всюду. Въ этомъ законѣ—торжество духа тьмы. Когда люди „отъ страха“ стрѣляютъ или вѣшаютъ, сатана хохочетъ, а ангелы плачутъ. Такимъ адскимъ хохотомъ, такими слезами ангеловъ полна вселенная. На нихъ воздвигла тронъ капиталистическая культура XX вѣка, на нихъ держатся режимы, сословія и состоянія. Тканью этихъ смѣха и слезъ окутано человѣчество, муками жизни искупляющее страхъ смерти. И вотъ переломъ. Законъ опрокинутъ. У береговъ Ньюфаундленда поджидали земныхъ боговъ двѣ борющіяся отъ вѣка силы,—и грянулъ бой. Надъ трехверстной пучиной, среди льдовъ, въ глухую полночь, въ моментъ отдыха, наслажденія... Можно ли было придумать болѣе соотвѣтствующую этому страшному бою обстановку?! Не людское воображеніе работало надъ ней. И не людская воля гнала капитана Смита „побить рекордъ“.

Рекордъ побитъ—рекордъ человѣчности въ людяхъ. Не хохоталъ у острова Ньюфаундленда сатана, и не плакали ангелы. Полторы тысячи людей своей смертью попрали смерть полутора милліарда своихъ братьевъ. Голосъ, звучавшій въ рупоръ среди адскаго воя взбѣшеннаго чудовища, относился не къ умиравшимъ бриттамъ, а къ пережившему ихъ человѣчеству:

— Люди, держите себя какъ настоящіе люди!..

И бѣдные музыканты, погружаясь на трехверстную глубину, играли не похоронный маршъ Шопена, а пасхальное: „Аллилуіа“! И первый богачъ міра съ первымъ журналистомъ усаживали въ лодки не бѣдныхъ евреекъ, переселявшихся въ Америку, а все обездоленное человѣчество, забывшее объ обѣтованной землѣ...

Если „высказанная мысль — ложь“, тогда, понятно, о томъ,. что произошло у береговъ Ньюфаундленда, лучше помолчать. Но если хоть разъ эта истина была нарушена, — надо рвать на себѣ одежды, что некому нарушить ее теперь. Нѣтъ Гёте. Байрона, Пушкина, Толстого. Некому воспѣть побѣду жизни надъ смертью. Некому сложить гимнъ Побѣдителю. Некому увѣковѣчить тайну перерожденія людишекъ въ людей,—тайну тщетно разгадываемую войсками, школами, религіями и моралью.

Надъ мѣстомъ страшнаго боя раскинулась полночная твердь, и мигали загадочныя звѣзды. Души героевъ стремились къ загадкѣ неба, покуда тѣла ихъ опускались къ загадкѣ земли. Подъ саваномъ трехверстной водяной толщи покоятся они теперь, разгадавъ обѣ загадки. Что тамъ — въ основѣ міровданія?.. Что въ вѣнцѣ его?.. Этого они не скажутъ,—милліардеры и бѣдняки, фланеры и мыслители. Но они сказали многое, — все, что дано людямъ сказать. Они сказали мірскому богатству и мірской убогости, горю и наслажденію, силѣ и слабости, хохоту и отчаянію:

— Держите себя какъ настоящіе люди!..

У береговъ Ньюфаундленда еще разъ у Смерти было вырвано жало. У береговъ Ньюфаундленда повторена была жертва искупленія, ко-

торой такъ жаждало извѣрившееся человѣчество. Неужто мы не поймемъ ея? Неужто трауръ Англіи—не трауръ всего міра? Неужто гордость ея,—не гордость всего человѣчества?.. Жертвы „Титаника“ встрѣтились у престола Всевышняго съ жертвами Лены. Будемъ вѣрить, что имъ уготована райская обитель.

Французскіе масоны.

До сихъ поръ еще франкъ-масонство окутано дымкой загадочности: дѣятельность этой и понынѣ существующей въ разныхъ государствахъ организаціи не афишируется, сосредоточиваясь по традиціи исключительно въ тиши стѣнъ, гдѣ собираются лишь „свои“. Такъ что многіе изъ непосвященныхъ, вдали стоящихъ—особенно въ такой странѣ, какъ Россія—даже склонны недоумѣвать: да есть ли еще гдѣ нибудь масоны, масонскія ложи? или только такъ, зря, тревожатъ ихъ память г.г. Пуришкевичи, Марковы и К° своимъ недвусмысленнымъ киваньемъ на лѣвыя думскія скамьи, подобно тому какъ деревенскія бабы пугаютъ дѣтей „букой“?... Съ большимъ интересомъ поэтому читается въ апрѣльской кн. „Вѣст. Евр.“. статья Бѣлоруссова „Масоны во Франціи“, написанная по поводу поднятаго соціалистической фракціей гедистовъ антимасонскаго движенія.

Такъ какъ во Франціи въ теченіе XVIII вѣка „вольные каменщики“ силою обстоятельствъ не разъ вовлечены были въ политическую борьбу, чуждую духу Ордена, то современный типъ франкъ-масонства замѣтно отличается отъ англійскаго, по преимуществу занятаго благотворительностью, и нѣмецкаго—философскаго. Французское масонство, соединяя въ себѣ всѣ характерныя черты масонства всемірнаго, обладаетъ одной добавочной чертой: оно вполнѣ установило свою политическую физіономію и стало опредѣленно на сторону демократической и свѣтской республики.

Конечно, организація, объединенная лишь общимъ стремленіемъ къ усовершенствованію человѣчества и его жизни и признающая абсолютную свободу совѣсти и мысли *), не можетъ быть организаціей политической, такъ какъ политическія партіи всегда представляютъ или строго опредѣленные интересы, или строго опредѣленные взгляды. Вмѣстѣ съ тѣмъ политическія партіи—всегда организаціи дѣйствія. Масонство же во всѣхъ вопросахъ научнаго, философскаго, религіознаго и политическаго порядка, привлекающихъ вниманіе членовъ той или другой ложи или всего ордена въ цѣломъ, ограничивается только обсужденіемъ. Никакихъ рѣшеній оно не постановляетъ, не вотируетъ никакихъ резолюцій. Оно формально воспрещаетъ ложамъ, какъ организаціямъ, внѣшнія политическія выступленія. Да они и невозможны въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ въ составъ ложъ входятъ члены разныхъ партій, разныхъ политическихъ группъ, диктующихъ имъ тотъ или другой образъ дѣйствій. Въ настоящее время, напр., въ масонскихъ ложахъ, мы встрѣчаемъ бокъ-о-бокъ республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ, отъ умѣренныхъ до радикаловъ-соціалистовъ, чистыхъ соціалистовъ, и даже анархистовъ.

Но если масонскія ложи не занимаются активными политическими выступленіями, не принимаютъ рѣшеній по вопросамъ практической жизни, не вотируютъ постановленій, отсюда не слѣдуетъ еще заключать, что это—собранія лицъ, занимающихся академическимъ обсужденіемъ интересныхъ вопросовъ. Напротивъ: за послѣдніе сорокъ лѣтъ масонскія ложи находились въ самой гущѣ общественной жизни, и все, чѣмъ жила и интересовалась страна, дѣятельно дебатировалось въ нихъ, съ цѣлью найти наилучшее рѣшеніе, соотвѣтствующее „матеріальному, моральному, соціальному и политическому прогрессу общества“. Но такое рѣшеніе не было формально обязательно для членовъ ложи. Если оно складывалось, если ложа, или группа ложъ, или, наконецъ, весь орденъ приходилъ въ концѣ дебатовъ къ какому-либо опредѣленному выводу или взгляду на тотъ или иной предметъ, сила этого вывода заключалась въ его правильности, въ его соотвѣтствіи безспорнымъ и общимъ всему масонству принципамъ, и ни въ чемъ иномъ. И такъ какъ масонское общество въ извѣстной степени однородно, такъ какъ всякій масонъ — прежде всего свободный мыслитель и врагъ всѣхъ формъ мо-

*) Пересмотрѣвъ въ 1877-мъ году на конвентѣ (съѣздѣ представителей ложъ) свою конституцію, „Великій Востокъ Франціи“ такъ формулировалъ природу масонства: „Масонство—организація филантропическая, философская и прогрессивная; оно имѣетъ цѣлью отысканіе истины, моральное усовершенствованіе и развитіе общественности. Оно работаетъ надъ матеріальнымъ, моральнымъ, интеллектуальнымъ и соціальнымъ усовершенствованіемъ человѣчества. Принципами его являются взаимная терпимость, уваженіе къ другимъ и къ самому себѣ, абсолютная свобода совѣсти. Считая всякія метафизическія концепціи дѣломъ личнаго убѣжденія, оно отказывается отъ какихъ-либо догматическихъ утвержденій“.

ральнаго, идейнаго, соціальнаго и политическаго угнетенія, то область вопросовъ, по которымъ въ ложахъ можетъ устанавливаться и устанавливается единогласіе, далеко не ничтожна. За время существованія третьей республики масонамъ не разъ удавалось приходить къ взглядамъ, становившимся достояніемъ громаднаго ихъ большинства и оказывавшимъ вліяніе на мысль всей республиканской Франціи и на политику республиканскаго правительства. Le cléricalisme—voilà l'ennemi!—формула, окрасившая собою цѣлый періодъ жизни третьей республики, созрѣла въ масонскихъ ложахъ. Цѣлый рядъ реформъ глубокаго соціальнаго значенія, прежде чѣмъ стать вопросами дня для страны и дебатироваться въ парламентѣ, обсуждался и изучался долго и пристально въ масонскихъ ложахъ. Черезъ нихъ предварительно прошли и отдѣленіе церкви отъ государства, и сокращеніе срока военной службы, и подоходный налогъ, и страхованіе рабочихъ. Реформы эти не вотировались въ ложахъ; ими занимались, ихъ изучали, обсуждали долго, со всѣхъ сторонъ, спокойно, въ пестромъ соціальномъ и политическомъ составѣ. Въ результатѣ этого изученія и обсужденія въ масонствѣ сложилось благопріятное означеннымъ реформамъ „масонское общественное мнѣніе“, не остающееся безъ вліянія на республиканскую массу, на партіи, на правительство. На республиканскую массу оно дѣйствуетъ потому, что масоны—люди, къ мнѣніямъ которыхъ вообще привыкли прислушиваться. Вѣдь въ масонскія ложи вступаетъ, вообще говоря, только отборъ республиканской демократіи—люди умственно-живые, преданные интеллектуальнымъ и общественнымъ интересамъ, одушевленные тѣми идеями, которыя составляютъ сущность современнаго франкъ-масонства. Въ ложи они вступаютъ потому, что тамъ они находятъ сродную общественную среду, моральную и умственную поддержку, благопріятныя условія для дальнѣйшаго своего развитія и самообразованія. Эти „лучшіе люди республиканской демократіи“ и помимо ложъ пользуются вліяніемъ въ обществѣ, а принадлежа къ партіямъ—занимаютъ въ нихъ первые ряды. Они-то и переносятъ въ широкіе общественные круги и въ открытыя массовыя организаціи взгляды и идеи, разработанные, обстоятельно обдуманные и мотивированные въ тишинѣ закрытыхъ ложъ. Къ этимъ взглядамъ не можетъ не прислушиваться правительство, опирающееся на общественное мнѣніе, на партіи, на республиканскія организаціи,—тѣмъ болѣе, что масонство, какъ одна изъ крупнѣйшихъ организованныхъ интеллектуальныхъ силъ страны, является чрезвычайно цѣннымъ союзникомъ и чрезвычайно опаснымъ противникомъ.

Масонство, такимъ образомъ—не политическая партія, не дѣйственная организація, а интеллектуальный центръ или, вѣрнѣе, одинъ изъ интеллектуальныхъ центровъ націи, стимулирующихъ и организующихъ ея дѣйствія. Руководящая общественная мысль создается въ партіяхъ въ экономическихъ организаціяхъ, въ томъ безконечномъ количествѣ союзовъ и ассоціацій, изъ которыхъ слагается современное общество, въ школахъ и университетахъ, въ печати, въ кабинетахъ ученыхъ, мыслителей и публицистовъ. Но въ ряду этихъ разнообразныхъ интеллектуальныхъ центровъ, масонство занимаетъ особое мѣсто, играетъ особую роль, на которую нельзя не обратить вниманія. Эта особая роль вытекаетъ изъ внѣпартійнаго, внѣклассоваго и внѣпрофессіональнаго состава ложъ. Ложи являются мѣстомъ встрѣчи партійныхъ, классовыхъ и профессіональныхъ взглядовъ и интересовъ. Конечно, они встрѣчаются и въ жизни, но тамъ это очень часто встрѣчи враждебныя. Во время выборовъ, на агитаціонныхъ собраніяхъ, въ процессѣ экономической борьбы классовъ, между людьми различныхъ общественныхъ группъ идетъ ожесточенная полемика, разгораются страсти настолько, что иногда даже простое взаимное пониманіе становится невозможнымъ. Затѣмъ, вся жизнь современнаго человѣка, будь онъ даже наивліятельнѣйшій общественный дѣятель, проходитъ, обыкновенно, въ очень замкнутой средѣ единомышленниковъ. Депутатъ такъ занятъ, что читаетъ, большею частью, только свои газеты, а въ чужихъ ищетъ только то, что послужитъ матеріаломъ для полемики. Радикалъ не посѣщаетъ собранія соціалистовъ; членъ профессіональнаго союза знаетъ только свой синдикатъ и биржу труда; предприниматель думаетъ о барышѣ, рабочій—объ увеличеніи заработной платы. Каждый смотритъ на жизнь съ своей собственной колокольни, подъ собственнымъ угломъ зрѣнія. Сложившіяся программы, господствующіе въ данной корпораціи взгляды, наконецъ, соціальныя рамки, въ которыхъ поневолѣ вращается человѣкъ—все это шоры на его глазахъ, до чрезвычайности суживающія его поле зрѣнія. Въ современномъ культурномъ обществѣ повидимому разрушены почти всѣ границы и перегородки, дѣлившія его когда-то на замкнутые кружки; но, въ сущности, именно современная культурная жизнь въ такой степени сложна, и люди такъ фактически разобщены и разъединены, что общее мнѣніе—съ одной стороны, взгляды, соотвѣт-

ствующіе національнымъ интересамъ—съ другой, складываются съ величайшимъ трудомъ.

Однимъ изъ коррективовъ этой групповой разобщенности современнаго общества является масонство. Оно сводитъ вмѣстѣ и сближаетъ въ рамкахъ братскаго союза фабриканта и рабочаго, буржуа и соціалиста, ученаго и практическаго дѣятеля, людей разной степени образованія, разнаго жизненнаго опыта, различныхъ житейскихъ интересовъ и научныхъ взглядовъ—но объединенныхъ, въ то же время, на почвѣ основныхъ масонскихъ принциповъ. При такомъ сложномъ и разнородномъ составѣ ложа работаетъ надъ изученіемъ и разрѣшеніемъ какъ теоретическихъ вопросовъ мысли, такъ и практическихъ вопросовъ жизни, въ цѣляхъ прогресса человѣчества, собственнаго усовершенствованія и отысканія истины. Опытъ показалъ, что въ той атмосферѣ, которая царствуетъ въ ложахъ, работа эта далеко не безплодна; люди разныхъ партій, взглядовъ и профессій научаются понимать другъ друга, идеи теряютъ свою исключительность, мнѣнія—свои острые углы; различные порядки идей сближаются, взаимно проникаютъ другъ друга. Участники этихъ обсужденій несомнѣнно много выигрываютъ: ихъ пониманіе расширяется и углубляется.

Таково культурно-образовательное значеніе масонства. Его практическое значеніе не менѣе велико. Его участники, въ громадномъ большинствѣ, люди жизни, люди практической общественной работы; и въ ложахъ они теряютъ ту узкость, ту исключительность мысли, которая въ практическомъ дѣятелѣ составляетъ величайшій недостатокъ.

Отличительной особенностью масонства, какъ извѣстно, является наличность сложной символики и до мелочей разработаннаго обряда. Нѣтъ ли въ этомъ противорѣчія, по крайней мѣрѣ внутренняго? Казалось бы, что именно общества „свободныхъ мыслителей“, отрицающихъ догму, терпимыхъ, искреннихъ адептовъ личной свободы и общечеловѣческаго равенства, должны устранить изъ своей коллективной жизни и наивную символику мечей, свѣтильниковъ, молотковъ, эккеровъ, и безконечную цѣпь іерархическихъ степеней, и старомодный ритуалъ въ засѣданіяхъ ложъ. Казалось бы, масонство ничего бы не потеряло, если бы превратилось въ общество, преслѣдующее культурныя цѣли и признающее только одно правило—благопристойнаго, вѣжливаго обращенія и поведенія.

Стремленіе упростить обрядовую сторону дѣйствительно и сказалось во многихъ французскихъ ложахъ въ послѣднее время.

Подчиняясь духу времени, форма понемногу упрощается. Однако, несмотря на свою кажущуюся устарѣлость, масонскій ритуалъ едва ли будетъ когда нибудь отвергнутъ совершенно, такъ какъ онъ носитъ въ себѣ здоровое зерно жизненности: онъ не произволенъ, не случаенъ, а цѣлесообразно символизируетъ масонскія идеи, настроенія и стремленія и способствуетъ ихъ успѣху.

— Конечно, нашъ ритуалъ немножко старомоденъ, и можетъ показаться излишнимъ профану,—говорилъ Бѣлоруссову одинъ старый масонъ.—Но я думаю, что онъ служитъ намъ добрую службу. Возьмемъ, напр., засѣданія нашихъ ложъ. Они происходятъ по ритуалу, и le vénérable—предсѣдатель ложи—строго слѣдитъ за его выполненіемъ. Ритуалъ этотъ требуетъ, чтобы, обращаясь къ своимъ товарищамъ по ложѣ, масонъ называлъ ихъ „братьями“; чтобы говорить въ ложѣ онъ могъ только, испросивъ черезъ своего Surveillant,—надзирателя,—разрѣшеніе vénérable'я; чтобы, говоря, онъ держалъ правую руку на груди въ положеніи, которое носитъ названіе „эккера“, то есть прямоугольника. Вы думаете, что безъ всего этого можно обойтись? Но вы знаете, какъ легко во всевозможныхъ обществахъ, въ которыхъ обсуждаются жгучіе вопросы, пренія обостряются, вырождаются въ споры, обыкновенно безплодные, часто грубые. Теперь примите во вниманіе, что въ ложахъ встрѣчаются лица самыхъ различныхъ, иногда противоположныхъ воззрѣній. Я очень умѣренный человѣкъ; рядомъ со мной соціалистъ, а тамъ, пожалуй, и анархистъ. Намъ въ этомъ пестромъ составѣ надо вдумчиво и серьезно обсудить вопросъ. Этого можно достигнуть только при большой сдержанности, при внимательномъ и полномъ уваженія отношеніи къ мнѣніямъ противниковъ, въ дружелюбной и сердечной бесѣдѣ. И все это достигается благодаря ритуалу. Если я ворвусь въ бесѣду со своими возраженіями внѣ данной мнѣ очереди, я услышу призывъ: „mon frère, à l'ordre!“ Если сниму руку съ груди и начну ею жестикулировать, le vénérable мнѣ напомнитъ: „mon frère, à l'ordre!“ Я, такимъ образомъ, долженъ все время слѣдить за собой, за своей рукой, воздерживаться отъ жестовъ, а слѣдовательно отъ увлеченій, отъ порывовъ чувствъ. А названіе: „братъ“? Оно также не лишнее. Оно даетъ тонъ бесѣдѣ. Опытъ убѣдилъ насъ, что масонская дисциплина помогаетъ намъ продуктивно бесѣдовать и предохраняетъ насъ въ ложахъ отъ пылкихъ спо-

ровъ, мѣшающихъ выясненію истины и портящихъ отношенія между братьями.

Какъ уже сказано, одна изъ фракцій французской соціалистической партіи выступила недавно принципіальнымъ противникомъ масонства. Ее встревожило то обстоятельство, что многіе соціалисты работаютъ въ ложахъ вмѣстѣ съ представителями буржуазныхъ партій. Такое сотрудничество, по мнѣнію французскихъ соціалъ-демократовъ, является несовмѣстимымъ съ принципомъ классовой борьбы, на которомъ, по ихъ мнѣнію, должна строиться вся дѣятельность послѣдовательнаго соціалиста. Въ то же время участіе въ ложахъ признается растратой силъ, которыя могли бы продуктивнѣе быть отданы на работу въ партіи. На парижскомъ областномъ и на ліонскомъ національномъ конгрессахъ соціалистической партіи гедисты, подкрѣпляя внесенное ими предложеніе о воспрещеніи членамъ партіи состоять членами масонскихъ ложъ, пытались представить масонство въ видѣ *буржуазной* организаціи, защищающей *буржуазную* республику и, въ частности, отдающей свой моральный авторитетъ на поддержку радикальной, т. е. правительственной партіи. Всѣ эти указанія и обвиненія были опровергнуты соціалистами-масонами. Послѣдніе доказывали на съѣздѣ полезность такой совмѣстной работы и съ точки зрѣнія интересовъ партіи. Въ ложахъ, — говорили они, — происходитъ чрезвычайно серьезная и добросовѣстная умственная работа; недавно, напримѣръ, въ нихъ очень основательно изучались соціалистическія теоріи,—гораздо основательнѣе и глубже, чѣмъ въ соціалистическихъ собраніяхъ. Работа эта, конечно, можетъ совершаться и безъ участія соціалистовъ, но отъ этого проиграютъ прежде всего они сами, такъ какъ лишатся вдумчивой и въ то же время общественно-вліятельной аудиторіи.

Помимо этой точки зрѣнія, партійной и, такъ сказать, пропагандистской, существуютъ, по мнѣнію Бѣлоруссова, соображенія, которыя позволяютъ считать тѣсное внѣклассовое и внѣпартійное общеніе прогрессивныхъ элементовъ, ограничивающееся хотя бы одной интеллектуальной областью, общественно-полезнымъ. Оно сближаетъ людей различныхъ общественныхъ группъ, способствуетъ эволюціи общественныхъ идей, и если происходитъ въ средѣ, гдѣ царствуютъ не одни интересы, но и разумъ, и стремленіе къ истинѣ, приводитъ обыкновенно къ соціально-правильнымъ рѣшеніямъ. Это сближеніе въ области идей мѣшаетъ классамъ и партіямъ превращаться въ секты,—а нѣтъ ничего болѣе опаснаго для прогрессивнаго развитія коллектива, чѣмъ появленіе въ немъ духа сектантской исключительности, доктринерства, мелочности. Сотрудничество соціалистовъ съ представителями другихъ общественныхъ группъ въ масонствѣ не прошло для послѣдняго безслѣдно. Именно благодаря ему французское масонство обратило большое вниманіе на соціальный вопросъ, и поскольку взгляды его отразились въ масонской литературѣ, должно признать, что обвиненіе масонства въ буржуазности ни на чемъ не основано.

Ліонскій конгрессъ большинствомъ двухъ третей голосовъ отвергъ внесенное гедистами предложеніе. Такимъ образомъ франкъ-масонство попрежнему останется открытымъ и одинаково доступнымъ для всей прогрессивной демократіи, играя роль одного изъ духовныхъ центровъ національной жизни.

Реформаторы питанія.

Нельзя не порадоваться русскому переводу (съ послѣдняго—четвертаго, дополненнаго—изданія) книги извѣстнаго нѣмецкаго врача Зигфрида Меллера „Какъ возвратить и сохранить здоровье“, дающей популярную и вмѣстѣ съ тѣмъ научно-объективную сводку плодотворныхъ изысканій и выводовъ, къ которымъ пришли заграницей — особенно въ Германіи, Англіи и Америкѣ—представители новой медицины, отчасти подъ вліяніемъ сильно развившагося въ послѣднее время въ обществѣ стремленія къ естественнымъ методамъ лѣченія. Для широкой публики въ Россіи книга д-ра Меллера имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что много изъ сообщаемаго здѣсь почти неизвѣстно у насъ даже по наслышкѣ и, такимъ образомъ, является своего рода откровеніемъ.

Центральное мѣсто въ трудѣ Меллера отведено геніальной—по его мнѣнію—теоріи англійскаго врача Хейга, уже получившей на Западѣ широкое признаніе профессіональныхъ круговъ и вызвавшей тамъ цѣлое общественное движеніе въ пользу осуществленія діэтическихъ принциповъ Хейга, которые въ сущности представляютъ собою реформированное вегетаріанство. „Отнынѣ можно считать совершившимся фактомъ,—читаемъ мы во вступленіи къ книгѣ,—переходъ вегетаріанскаго ученія, именно въ его реформированномъ видѣ, изъ сферы почти исключительно этическихъ построеній въ область строго научной конценціи“.

О самой теоріи д-ра Хейга вотъ какъ отзывается его нѣмецкій коллега:

„Многолѣтнія изслѣдованія Хейга оказали огромныя услуги въ области медицины вообще, сильно расширивъ наши познанія о происхожденіи и теченіи болѣзней и реформировавъ патологію — ученіе о болѣзненныхъ явленіяхъ. Его изслѣдованія внесли единство въ ученіе о внутреннихъ болѣзняхъ, бывшее до сего времени очень запутаннымъ. При чтеніи хейговскихъ сочиненій у меня какъ бы съ глазъ спадала пелена; я нашелъ въ нихъ удовлетворительное объясненіе своимъ собственнымъ тѣлеснымъ и душевнымъ страданіямъ, и тьма, такъ сильно окутывавшая многія болѣзненныя явленія и служившая, разумѣется, большимъ препятствіемъ для успѣшной терапіи, стала разсѣиваться, уступая мѣсто ясному пониманію: открылись новые горизонты для лѣченія болѣзней по совершенно особому методу, чему нынѣ я нашелъ для себя подтвержденіе также и въ медицинской практикѣ".

Свое открытіе д-ръ Хейгъ сдѣлалъ очень просто — путемъ горькаго опыта, путемъ личныхъ недомоганій. Страдая постоянными мигренями, онъ въ концѣ концовъ отчаялся получить облегченіе отъ лѣкарствъ и сталъ пробовать различные способы питанія. Избавился онъ отъ своей хронической болѣзни только тогда, когда отказался совершенно отъ мяса. Опыты надъ собственнымъ организмомъ побудили Хейга признать свои головныя боли за отравленіе нецѣлесообразно выбранными пищевыми веществами. А такъ какъ клиническая картина мигрени имѣетъ много общаго съ подагрой, которая, какъ извѣстно, является ничѣмъ инымъ, какъ болѣзнью, вызываемой мочевою кислотой,—то Хейгъ и направилъ свое вниманіе на мочевую кислоту, сдѣлавъ ее изученіе задачей своей жизни. Обстоятельства ему благопріятствовали: состоя врачемъ двухъ лондонскихъ госпиталей, Хейгъ имѣлъ передъ собою обширное поле для наблюденій и опытовъ.

Въ результатѣ сложилась у него слѣдующая теорія, основанная на точныхъ научныхъ данныхъ. Большинство хроническихъ болѣзней обязано своимъ возникновеніемъ самоотравленію крови, происходящему отъ употребленія вмѣстѣ съ пищею такихъ веществъ, которыя не могутъ быть выдѣлены организмомъ [1]). Эти яды (мочевая кислота и родственные ей), постепенно образуя въ организмѣ значительныя скопленія, вызываютъ отчасти мѣстныя явленія раздраженія, отчасти закупорку системы сосудовъ, высокое кровяное давленіе, отравленіе крови, сокращеніе обмѣна веществъ въ отдѣльныхъ органахъ и во всѣмъ тѣлѣ; организмъ тогда можно бываетъ сравнить съ машиною, загрязненной шлаками и не удаленными во время отработанными веществами. Благодаря этому загрязненію усиливается треніе между отдѣльными частями человѣческой машины, непрерывно возрастаетъ расходъ энергіи на поддержаніе ея хода и, преждевременно, съ потерею работоспособности, наступаетъ тѣлесная и душевная дряхлость. Такимъ образомъ, по Хейгу, не столько ускоренный темпъ современной жизни, не дурной воздухъ городовъ и т. п., является причиною блѣдной немочи, нервной слабости и душевныхъ болѣзней, и вообще физическаго и моральнаго вырожденія культурнаго человѣчества, сколько самоотравленіе организма обусловливаетъ всѣ эти недуги, и именно эта причина главнымъ образомъ ослабляетъ организмъ, лишая его возможности удовлетворительно отвѣчать на требованія жизни, въ результатѣ чего данный человѣкъ оказывается побѣжденнымъ въ борьбѣ за существованіе.

Съ точки зрѣнія своей теоріи д-ръ Хейгъ разсматриваетъ такія бѣдствія рода человѣческаго, какъ алкоголизмъ, половая распущенность (и взрослыхъ и дѣтей), психическія разстройства, самоубійства.

Онъ убѣжденъ, что борьба съ алкоголизмомъ не будетъ имѣть ощутительныхъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнится кореннымъ образомъ наше ненормальное питаніе, которое не можетъ не способствовать потребленію всякихъ возбуждающихъ напитковъ. Точно такъ же, по его мнѣнію, обстоитъ дѣло съ душевнобольными. „Наши психіатрическія лѣчебницы всегда бываютъ переполнены, и мы бываемъ вынуждены строить все новыя и новыя. Развѣ не было бы разумнѣе—истрачиваемыя такимъ образомъ большія суммы употребить на уничтоженіе зла съ корнемъ? И не слѣдовало ли бы намъ держать и душевно-больныхъ на такой діэтѣ, которая, по крайней мѣрѣ, не ухудшала бы ихъ состоянія?"

Самоотравленіе организма посредствомъ мочевой кислоты и другихъ ксантиновыхъ веществъ зачастую имѣетъ своимъ послѣдствіемъ засореніе кровеносныхъ сосудовъ и закупорку капилляровъ (коллэмія), а это влечетъ за собою высокое кровяное давленіе, раздражающее, между прочимъ, нервы половой сферы. А благо-

[1]) Хейгъ утверждаетъ, что почти 70% всѣхъ болѣзней, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, въ качествѣ больничнаго врача, имѣли своимъ основаніемъ вышеприведенную причину, и что этихъ болѣзней можно было бы избѣжать исключеніемъ изъ діэты пищевыхъ ядовъ или, по меньшей мѣрѣ, своевременнымъ удаленіемъ ихъ изъ организма.

даря послѣднему обстоятельству, мы наблюдаемъ рѣзко повышенную половую возбудимость, которая ведетъ къ всевозможному распутству, къ стремленію во что бы то ни стало удовлетворить свою потребность. Эта легкая возбудимость половой сферы можетъ появиться уже въ раннемъ возрастѣ, и тогда мы имѣемъ на лицо то широко распространенное зло цивилизованныхъ народовъ, которое называется онанизмомъ. Дальше говоритъ самъ Хейгъ: „Вѣдняга, обращающійся къ онанизму, подъ дѣйствіемъ коллэміи и высокаго кровянаго давленія, ни въ коемъ случаѣ не отвѣтственъ за свои поступки, такъ какъ онъ временно помѣшанъ и въ этомъ случаѣ безполезно взывать къ mens insana (нездоровому духу), являющемуся лишь слѣдствіемъ болѣзненнаго состоянія, и не обращать при этомъ вниманія на вызвавшую причину— corpus insana (нездоровое тѣло)“.

Результатомъ мозговой коллэміи, болѣе обычнымъ, чѣмъ ясно выраженныя психическія заболѣванія, въ родѣ слабоумія, безумія, истеріи, эпилепсіи, бываетъ умственная депрессія—угнетенное состояніе духа, — тоже страшное зло культурнаго человѣчества. „Хроники самоубійствъ,—говоритъ д-ръ Хейгъ,—часто показываютъ намъ, какъ бываютъ ничтожны тѣ причины, которыя сокрушаютъ несчастныхъ, одержимыхъ коллэміей. Но подверженнымъ умственной депрессіи онѣ не кажутся таковыми; наоборотъ,—являются для нихъ какъ ужасная дѣйствительность, окруженная чернымъ отчаяніемъ. Въ страшной тьмѣ умственной депрессіи гаснутъ звѣзды любви, вѣры и надежды, и не остается никакого просвѣта.

Въ такомъ состояніи человѣкъ можетъ не вспомнить о самомъ дорогомъ ему на свѣтѣ; онъ невмѣняемъ, временно помѣшанъ, отличаясь отъ тѣхъ, кого сажаютъ въ домъ умалишенныхъ, лишь степенью силы болѣзни.

Отъ людей, которые въ такомъ состояніи кончаютъ съ собой, требовать отвѣтственности за свои поступки—это значитъ быть къ нимъ жестоко несправедливыми, и стараться удержать ихъ отъ быстро принятаго ими рѣшенія, путемъ нравственнаго воздѣйствія—это было бы то же самое, какъ если бы ребенокъ вздумалъ запрудить пескомъ бурный потокъ.

Предупрежденіе самоубійствъ, путемъ соотвѣтствующей діэты, для будущихъ поколѣній не можетъ считаться неважнымъ дѣломъ, такъ какъ часто случается, что именно лучшіе люди, страдающіе депрессіей, лишаютъ себя жизни, тогда какъ умственно убогіе выживаютъ, чтобы оставить послѣ себя потомство; ибо, какъ правильно замѣтилъ Карлейль,—„при умственной тупости и съ хорошимъ желудкомъ, человѣкъ можетъ многое перенести“ [1]).

Этой „соотвѣтствующей діэтой“, которую такъ рекомендуетъ д-ръ Хейгъ и больнымъ и здоровымъ, надо считать въ общемъ то же, что предлагаютъ вегетаріанцы, но со включеніемъ молока и сыра, и съ изъятіемъ яицъ, стручковыхъ плодовъ, спаржи, грибовъ, кофе, чая и какао.

Въ основу оцѣнки пищевыхъ веществъ Хейгъ кладетъ признакъ содержанія или отсутствія въ нихъ мочевой кислоты. Но можно, однако, при этомъ исходить и изъ другой — тоже весьма важной въ дѣлѣ практики — точки зрѣнія, именно, изъ сужденія о накопленной въ нихъ химической энергіи; съ этой стороны разсматриваетъ данный вопросъ цюрихскій докторъ Бирхеръ-Беннеръ. Ходъ его мысли слѣдующій. Всѣ формы и проявленія жизни на нашей планетѣ обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію солнца. Благодаря вліянію солнечнаго свѣта, зерно растенія искусно создаетъ изъ неорганической матеріи органическія молекулы. Животный организмъ сдѣлать этого не въ состояніи; напротивъ, для своихъ строительныхъ работъ, онъ пользуется непосредственно или косвенно растительной пищей, разлагая ея сложныя молекулы на болѣе простыя химическія тѣла, пока эти послѣднія не будутъ вновь приведены къ неорганическимъ исходнымъ формамъ.

Этому круговороту матеріи соотвѣтствуетъ и круговоротъ энергіи. Растенія являются какъ бы скопленіями солнечнаго свѣта и солнечной теплоты, и поэтому они представляютъ собой большіе источники силы. Д-ръ Бирхеръ сравниваетъ ихъ съ аккумуляторами, которые вполнѣ насыщены электрической энергіей, и поэтому называетъ ихъ аккумуляторами перваго разряда. Животный, въ томъ числѣ человѣческій организмъ не въ состояніи вовсе или въ болѣе-менѣе значительной степени превращать непосредственно энергію солнца въ работу. Онъ можетъ этого достигнуть лишь только окольными путями, употребляя для этихъ цѣлей въ формѣ пищи скопленную въ растеніяхъ солнечную энергію. Во все время работы, которую производитъ въ животномъ или человѣческомъ

[1]) Воззрѣніе англійскаго врача на самоубійства можно было бы подкрѣпить тѣмъ знаменательнымъ явленіемъ, что именно Англія—страна энергичныхъ и уравновѣшенныхъ дѣльцовъ-спортсменовъ—именно эта страна, гдѣ мяса, чая и другихъ ядовитыхъ продуктовъ потребляютъ гораздо больше, чѣмъ на континентѣ, стала родиной болѣзни, извѣстной подъ названіемъ сплина, которая уноситъ изъ жизни ежегодно такую массу жертвъ.

организмѣ заключенная въ растеніяхъ химическая энергія, растительная молекула отдаетъ живую силу; напряженность этой силы при прохожденіи черезъ животный организмъ все уменьшается, пока не дойдетъ до того минимума, который не въ состояніи уже будетъ производить какую-либо работу. Такимъ образомъ, аккумуляторъ высшаго разряда превращается въ аккумуляторъ низшаго, который затѣмъ долженъ совершенно разрядиться. Если же растительная молекула пойдетъ, напримѣръ, на образованіе животнаго бѣлка, то она при этомъ потеряетъ извѣстную часть своей энергіи. Слѣдовательно, животный бѣлокъ по заключающейся въ немъ энергіи стоитъ ниже, чѣмъ произведшій его растительный бѣлокъ. Также и тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергаются пищевые продукты, напримѣръ, при варкѣ, жареніи или броженіи, вызываютъ уменьшеніе ихъ химической энергіи.

Такимъ образомъ, различные съѣстные продукты съ энергетической точки зрѣнія являются различными. Чѣмъ къ болѣе высшему разряду аккумуляторовъ они принадлежатъ, тѣмъ на большую работу они способны, и, наоборотъ, чѣмъ меньше ихъ скрытая энергія, тѣмъ меньшую и работу они могутъ выполнить. При питаніи аккумуляторами низшаго разряда потокъ энергіи въ организмѣ будетъ столь же медленнымъ, какъ медленны тихія волны въ мелкомъ ручьѣ, ложе котораго занесено пескомъ, и который поэтому не можетъ производить значительной работы. Въ результатѣ получаемъ усталость, неохоту къ работѣ, угнетенность психики, затрудненія въ кровообращеніи и обмѣнѣ веществъ, словомъ, всѣ описанныя Хейгомъ болѣзненныя явленія. Наоборотъ, при введеніи пищи со значительной высотой паденія энергіи, энергетическій потокъ съ силой проложитъ себѣ путь, всѣ препятствія имъ будутъ сокрушены, никакого запруживанія русла не можетъ произойти, и онъ будетъ производить равномѣрную и сравнительно большую и полезную работу. Энергетическое питаніе, какъ его называетъ докторъ Бирхеръ, въ указанномъ направленіи было испытано имъ на практикѣ и оказалось вполнѣ дѣйствительнымъ. Бирхеръ дѣлитъ всѣ пищевые продукты, согласно вышеприведеннымъ принципамъ, на три класса: на аккумуляторы перваго, второго и третьяго порядка.

Къ аккумуляторамъ перваго порядка относятся сырые и не подвергавшіеся варкѣ продукты: плоды, орѣхи, рѣдиска, рѣдька, морковь, салатъ, въ сыромъ видѣ мучные блюда (овсяная и рисовая крупы, размягченныя въ холодной водѣ и смѣшанныя съ другими пищевыми веществами), свѣжее молоко (однако, послѣднее болѣе подходитъ для организма, находящагося въ періодѣ роста).

Къ аккумуляторамъ второго порядка относятся хлѣбъ и другія печенія (надо полагать, что они не слишкомъ много теряютъ въ своей энергіи при процессѣ печенія, если при этомъ, по возможности, избѣгать дрожжей), вареные растительные продукты, кипяченое молоко, творожный свѣжій сыръ и, условно, яица.

Аккумуляторы третьяго порядка, т.-е. болѣе вредные, чѣмъ полезные: выдержанный сыръ и мясо.

Чтобы облегчить выборъ и составленіе блюдъ изъ растительныхъ продуктовъ въ сыромъ видѣ, д-ръ Бирхеръ составилъ рецепты различныхъ смѣсей изъ размельченныхъ питательныхъ веществъ перваго порядка и назвалъ ихъ „діэтическими блюдами“ (Diätspeise); напримѣръ:

Составныя части:	Количество для 1 чел. на 1 разъ:
1. Овсяная крупа, размачивавшаяся въ водѣ въ теченіе 12 часовъ. . .	Отъ 2 до 4 столовыхъ ложекъ.
2. Яблоки съ кожицей и съ сердцевиною мелко натертыя.	Отъ 1—3 штукъ.
3. Свѣже выжатый лимонный сокъ.	$^1/_2$ лимона.
4. Сгущенное молоко, сливки, медъ или фруктовое желе и т. п. . . .	1 столовая ложка.
5. Орѣхи или сладкій миндаль мелкоистертые и т. п.	Отъ 1 до 2 стололожекъ.
6. Морковь, мелко натертая	1 столовая ложка.

Итакъ, мы видимъ, что и докторъ Бирхеръ при сужденіи объ энергетикѣ пришелъ въ общемъ къ діэтѣ Хейга, и что мясо также и съ этой точки зрѣнія является малоцѣннымъ продуктомъ при человѣческомъ питаніи.

Тоже съ большимъ успѣхомъ, какъ оказывается, выступаетъ (уже нѣсколько лѣтъ) реформаторомъ питанія американскій физіологъ Горацій Флетчеръ, но совсѣмъ въ иномъ духѣ, чѣмъ упомянутые англичанинъ и швейцарецъ. Флейтшеръ остается при старой, смѣшанной, пищѣ; зато центръ тяжести переносится у него на способъ ея принятія: все вниманіе сосредоточиваетъ онъ на актѣ жеванія, являющемся, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ главныхъ условій правильнаго пищеваренія.

Вотъ важнѣйшее предписаніе его, какъ оно изложено у д-ра Меллера:

Всякую твердую пищу пережевывай основательно столько времени, пока она совершенно не сдѣлается жидкой и потеряетъ всякій вкусъ; тогда рефлекторной дѣятельностью глоточныхъ мышцъ она будетъ проглочена совершенно автоматически. Та же часть пищи, которая тѣмъ не менѣе не могла быть превращена въ жидкое состояніе, какъ-то: волокна мяса, шелуха отъ хлѣбныхъ зеренъ и клѣтчатка овощей и плодовъ—должна быть старательно задержана природнымъ фильтромъ, образованнымъ изъ зубовъ, языка, нёба и глотки и затѣмъ—удалена изо рта, такъ какъ эта непереваримая часть доставила бы кишкамъ лишь только лишнюю работу. Предписаніе старика Гладстона: „жуй каждый кусокъ по меньшей мѣрѣ тридцать разъ“—являются достаточнымъ для печенья и сухарей, но хлѣбная корка требуетъ около 40, хлѣбныя сухія крошки—50, другія же пищевыя вещества даже 80—100 жевательныхъ движеній челюстями, тогда какъ, наоборотъ, мягкая, хорошо проваренная пища уже черезъ 5—10 жевательныхъ движеній въ достаточной степени смачивается слюной, разжижается и тогда рефлекторно проглатывается. То же относится и къ жидкостямъ: безвкусную воду можно сразу выпивать большими глотками, но молоко, супъ, вино, пиво и т. д. нужно брать въ ротъ лишь маленькими порціями, такъ сказать, лишь только отхлебывая, чтобы она, какъ и твердая пища, при смѣшеніи со слюною потеряла бы вкусъ и только послѣ этого проглатывалась бы. Также надо поступать и съ сочными фруктами.

Разъ это и другія условія выполнены, то автоматическій процессъ пищеваренія и усвоенія пищи будетъ совершаться надлежащимъ образомъ, и будетъ образовываться лишь весьма незначительное количество кишечныхъ отбросовъ, при чемъ потребуется каждый разъ весьма незначительное мускульное усиліе для того, чтобы вывести ихъ изъ организма. Въ виду же того, что при этомъ почти 90% пищи, представляющихъ вполнѣ переваренную массу, всасывается стѣнками кишекъ, то при опорожненіяхъ кишечника, вслѣдствіе отсутствія бактеріальнаго разложенія, не бываетъ никакого гнилостнаго запаха; запахъ испражненій въ этомъ случаѣ напоминаетъ запахъ сырой глины или горячихъ бисквитовъ. Опорожненія кишечника при такихъ условіяхъ происходятъ лишь только черезъ 3—8 дней и даже еще рѣже, въ зависимости отъ тщательной обработки пищи. Количество экскрементовъ равняется приблизительно $^1/_{10}$ того количества, которое бываетъ при обычныхъ условіяхъ, и оно даетъ въ день 10—30 грамм. и, даже при вегетаріанской діэтѣ, не превышаетъ 40—50 грамм.

Поразительно мала при этомъ методѣ потребность въ пищѣ. Forster, профессоръ физіологіи въ Кембриджѣ, изучая обмѣнъ веществъ на двухъ лицахъ, которыя практиковали подобный способъ питанія, нашелъ, что для поддержанія потребностей организма является достаточнымъ такое количество пищи, которое, по содержащейся въ немъ энергіи, соотвѣтствуетъ $^1/_2$ обычной и которое заключаетъ въ себѣ бѣлковъ немного болѣе $^1/_3$ того количества ихъ, какое употребляется средней силы человѣкомъ.

Chittenden, профессоръ физіологической химіи въ Yale University въ Соединенныхъ Штатахъ, сообщаетъ, что Fletcher былъ подвергнутъ двукратному болѣе или менѣе продолжительному наблюденію, и что количества и составъ вводимой пищи и выдѣляемыхъ продуктовъ точно опредѣлялись. Пища, которая принималась имъ дважды въ день, содержала 44,9 грамм. бѣлка, 38 грамм. жиру и 253 гр. углеводовъ, что соотвѣтствовало 1606 калоріямъ и 7,19 грамм. азота. Количество азота, выдѣляемаго черезъ мочу и калъ, равнялось 6,9 грамм. Слѣдовательно, происходило то, что физіологи называютъ азотистымъ равновѣсіемъ. Такимъ образомъ вводившаяся пища вполнѣ отвѣчала потребностямъ организма; поэтому и вѣсъ тѣла во все время опыта оставался безъ измѣненія.

При этихъ незначительныхъ пріемахъ пищи и тѣло и умъ оказываются способными не только къ обычной повседневной дѣятельности, но также къ необычайной работоспособности и выносливости, что засвидѣтельствовано опытами при томъ же университетѣ.

Заодно съ работоспособностью, общее состояніе здоровья испытываетъ измѣненія къ лучшему и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Тучные дѣлаются худощавыми, а худощавые прибываютъ въ вѣсѣ.

Можетъ показаться, что этотъ способъ пріема пищи представляетъ большое затрудненіе и неудобства для лицъ, его практикующихъ; но этого, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ. Правда, вначалѣ приходится строго слѣдить и постоянно заботиться о томъ, чтобы не возвращаться къ старой, практиковавшейся много лѣтъ привычкѣ ѣсть съ нервной торопливостью и жадностью; но скоро старательная обработка во рту пищи и питья превращается въ привычку и производится почти автоматически. При этомъ и времени на ѣду идетъ не только не болѣе, чѣмъ раньше, но даже менѣе, такъ какъ при-

ходится имѣть дѣло съ гораздо меньшимъ количествомъ пищи. Общая продолжительность времени, требующаяся на всѣ пріемы пищи за день, не превышаетъ 30—45 минутъ, что при трехкратномъ въ день пріемѣ пищи составитъ менѣе четверти часа на каждый отдѣльный пріемъ. Во время опыта въ Yale University, Fletcher'y для полнаго насыщенія при двухъ пріемахъ пищи требовалось времени 24—26 минутъ, и его организмъ при этомъ питался достаточнымъ образомъ.

Голодъ какъ факторъ здоровья.

Люди — въ особенности мы, русскіе — привыкли воспринимать слова „голодъ, голодающіе“ съ чувствомъ ужаса и скорби. И дикимъ кажется нашему слуху соединеніе понятій: „голодъ - благодѣтель, цѣлебная сила голода“. Однако, возможенъ и *такой* голодъ. Только, къ сожалѣнію, большая часть общества—не народа, а именно такъ называемаго общества—ничего про этотъ благодѣтельный голодъ не знаетъ, даже и не догадывается. Книга, съ которой знакомился читатель въ предыдущей замѣткѣ, удѣляетъ вопросу о лѣченіи голоданіемъ почетное мѣсто.

Д-ръ З. Меллеръ въ своей работѣ излагаетъ сущность и дѣйствіе всѣхъ вообще новѣйшихъ лѣчебныхъ методовъ, дающихъ изумительные результаты, какъ, напр., шротовское лѣченіе, бауншейдтовскій способъ, пользованіе катофорезомъ. Мы здѣсь задержимъ вниманіе только на одномъ изъ нихъ—на примѣненіи голода: это, входящее теперь въ моду, средство наиболѣе просто, общедоступно и наиболѣе важно въ житейскомъ обиходѣ, особенно если имѣть въ виду нѣкоторые наши закоренѣлые предразсудки.

Если припомнить,—говоритъ авторъ книги,—что огромное число болѣзней обязано своимъ происхожденіемъ неумѣренности въ ѣдѣ и питьѣ, то станетъ яснымъ, что противоположное этому—строгая умѣренность, и даже временное полное воздержаніе отъ пищи—должно, обратно, устранить возникшее разстройство. Несмотря на то, что этотъ ходъ мысли ясенъ и логиченъ, мы видимъ, что въ повседневной жизни повсюду идутъ противоположнымъ путемъ. Ѣсть и пить—вотъ общій лозунгъ для поддержанія силъ въ трудныя минуты жизни, и особенно въ случаѣ болѣзни родные и сидѣлки всячески стараются заставить больного принимать пищу. А также, вѣдь, и среди врачей господствуетъ мнѣніе, что больной долженъ во что бы то ни стало поддерживать свои силы пищею, и если паціентъ не имѣетъ аппетита, если ѣда ему прямо нейдетъ въ горло, то на это смотратъ какъ на нежелательное осложненіе, которое надо преодолѣть всѣми средствами врачебныхъ ухищреній и кухни. Въ острыхъ болѣзняхъ, когда естественно больной худѣетъ и чувствуетъ себя плохо, тогда особенно усердствуютъ въ поддержаніи силъ больного, путемъ возможно концентрированной ѣды. Долго длящуюся въ этихъ случаяхъ болѣзнь и ея возможные рецидивы приписываютъ тогда на счетъ слабой конституціи паціента, на счетъ злокачественнаго характера бактерій, и все время стараются соотвѣтствующимъ питаніемъ поднять у больного способность противостоять болѣзни. И какъ разъ такимъ путемъ достигаютъ обратнаго: болѣзнь затягивается и ослабляетъ больного не только временно, ненадолго, но часто на весьма продолжительное время. Тотъ же самый режимъ господствуетъ и въ случаѣ хроническихъ болѣзней и часто даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ его несостоятельность должна бы быть ясна даже и для близорукаго, если бы не предубѣжденіе, которое не позволяетъ видѣть вещи въ ихъ правильномъ свѣтѣ.

Однако требованіе ограниченія питанія, особенно же полное воздержаніе отъ пищи на долгое время для поправки здоровья, звучитъ настолько неслыханно, что для подкрѣпленія своихъ взглядовъ я хочу привести мнѣнія еще другихъ свѣдущихъ авторовъ.

Собственно леченіе голодомъ появилось лишь въ новѣйшее время, и дорогу къ нему проложилъ экспериментъ американскаго врача д-ра Таннера, который въ 1880 году, подъ строгимъ наблюденіемъ врачей, голодалъ въ теченіе 40 дней. Мужчина, вѣсившій 71,4 килограмма, за періодъ голоданія потерялъ въ вѣсѣ 15,3 килограмм. Этотъ экспериментъ въ то время былъ сочтенъ за опасную смѣлость, и о немъ, какъ о чудѣ, печатали всѣ газеты; предполагали даже, что д-ръ Таннеръ обладаетъ какимъ-то тайнымъ средствомъ, которое и дало ему возможность столь долго воздерживаться отъ пищи. Передъ голоданіемъ пищеварительная система Таннера была не въ порядкѣ, но послѣ того у него исчезли всякія въ этой области недомоганія. Д-ръ Таннеръ считаетъ голоданіе за универсальное средство противъ всѣхъ болѣзней, которое въ состояніи молодить не только тѣлесныя, но также и душевныя силы. Голоданіе является очистительнымъ леченіемъ, освобождающимъ кровь и органы отъ отложившихся и затвердѣвшихъ нечистотъ;

особенно же благотворно и укрѣпляюще дѣйствуетъ оно на пищеварительные органы. При приближеніи болѣзни голоданіе является незамѣнимымъ средствомъ; отнимая у болѣзни необходимую для ея развитія питательную почву, оно подавляетъ ее въ самомъ зародышѣ.

Интересныя данныя по вопросу о голодѣ мы находимъ въ „Biologisches Centralblatt“ за 1887—88 г., принадлежащія перу русскаго доктора Зееланда.

Къ производству опыта далъ самимъ собой побудили Зееланда періодически наступающія боли, мучившія его уже съ ранняго дѣтства и съ годами усилившіяся и участившіяся, а также еще съ большимъ трудомъ переносившаяся тоска, нападавшая на него временами и подавлявшая его духъ и тѣло.

„Одинъ день въ недѣлю или, вѣрнѣе говоря, около 36 часовъ я абсолютно ничего не ѣлъ и не пилъ, и такъ тянулось съ полгода. Какъ и слѣдовало ожидать, въ дни голода боли сначала ухудшались, но потомъ наступило видимое улучшеніе. Что же особенно меня порадовало и укрѣпило въ моемъ намѣреніи, такъ это замѣчательное улучшеніе моего настроенія: каждый разъ на другой день послѣ голодовки я чувствовалъ себя такимъ живымъ и исполненнымъ надеждъ, какъ 15-лѣтній мальчикъ. Въ самую же знойную лѣтнюю пору я часто предписывалъ себѣ, вмѣсто дней голода, дни жажды, причемъ намѣренно усиливалъ жажду соленными купаньями и продолжительными прогулками на солнцѣ. Дѣйствіе было такое же. Когда я замѣтилъ, что мое здоровье все улучшается, я перешелъ тогда къ болѣе легкой формѣ воздержанія, именно я воздерживался отъ пищи и питья до 8—9 часовъ вечера, а впослѣдствіи до 5—6 часовъ, и на этомъ остановился. Еще и теперь, по прошествіи 15 лѣтъ, я имѣю обыкновеніе одинъ разъ въ недѣлю выпивать по утрамъ одинъ стаканъ чаю или какао безъ хлѣба и послѣ этого до 5 часовъ вечера ничего не ѣсть.

Благодаря этому леченію произошла радикальная перемѣна не только въ состояніи нервной системы, но также улучшились мое общее самочувствіе, пищевареніе и составъ крови.

Я увѣренъ, что ни одинъ изъ принятыхъ въ научной медицинѣ способовъ леченія не въ состояніи произвести на нервную систему даже и половины подобнаго эффекта.

Слѣдствіемъ моего опыта и личнаго наблюденія явилось постепенное убѣжденіе, что голоданіе заслуживаетъ вниманія не только съ точки зрѣнія терапіи, но, возможно, что оно имѣетъ еще большую цѣну и съ точки зрѣнія гигіены и педагогики“.

Въ послѣдніе годы врачи часто стали подавать голоса за болѣе или менѣе продолжительные періоды голоданія. Первымъ изъ нихъ числя я назову престарѣлаго д-ра Вебера, консультанта нѣмецкаго госпиталя въ Лондонѣ.

Въ защиту абсолютнаго воздержанія отъ пищи особенно энергично выступаетъ д-ръ Адольфъ Майеръ, который въ 1901 году въ написанной имъ книгѣ: „Лѣченіе голодомъ—чудодѣйственное лѣченіе“—указываетъ, правда, прежде всего лишь теоретически,—что голоданіе есть самое дѣйствительное и лучшее средство почти отъ всѣхъ болѣзней. По его мнѣнію, чувство насыщенія притупляется, благодаря тому, что на него такъ часто не обращается вниманія; оно уже перестаетъ быстро и энергично давать о себѣ знать, нервы притупляются подобно тому, какъ они притупляются по отношенію къ никотину и морфію, и начинаютъ переносить гораздо большія количества этихъ ядовъ, противъ которыхъ они сначала упорно боролись.

И онъ старается объяснить законами физіологіи—какъ и почему выздоровленіе наступаетъ. Благодаря голоданію, главнымъ образомъ, уменьшаются застои крови и соковъ въ отдѣльныхъ органахъ. Подобно тому, какъ временами человѣкъ подъ давленіемъ чувства голода иногда прибѣгаетъ для его утоленія къ самымъ дурнымъ и необычнымъ питательнымъ средствамъ, наприм., къ мясу крысъ, собакъ и всевозможнымъ отбросамъ, къ которымъ въ обыкновенное время онъ питаетъ отвращеніе,—такъ и голодающій организмъ принимается за застоявшіе въ тѣлѣ непереваренные остатки пищи, за патологически видоизмѣненныя ткани, продукты распада веществъ, которые онъ выводитъ изъ ихъ мѣстъ отложенія, разлагаетъ ихъ, годное въ нихъ обращаетъ въ питательный матеріалъ, а негодное—выдѣляетъ вонъ.

По глубокому убѣжденію д-ра Майера, противъ всѣхъ душевныхъ болѣзней самымъ дѣйствительнымъ изъ всѣхъ средствъ служитъ лѣченіе голодомъ. Противъ закончившихся процессовъ перерожденія, разумѣется, и оно безсильно, хотя въ подобныхъ состояніяхъ оно все же временно можетъ облегчить обостреніе болѣзни.

Къ ранѣе перечисленнымъ авторамъ мы должны еще присоединить д-ра C. H. Dewey изъ Meadville'я въ Пенсильваніи, скончавшагося три года тому назадъ отъ удара и обладавшаго огромнымъ опытомъ въ своей 26-лѣт-

ней практикѣ по леченію полнымъ воздержаніемъ отъ пищи.

Принуждать къ ѣдѣ больного, не имѣющаго аппетита, будетъ когда-нибудь, въ болѣе просвѣщенный вѣкъ, разсматриваться какъ варварство; таково мнѣніе американскаго врача.

Д-ръ Девей сообщаетъ о результатахъ, возбуждающихъ удивленіе, при лѣченіи не только острыхъ болѣзней, но и всѣхъ тѣхъ хроническихъ, которыя сопровождаются плохимъ аппетитомъ, т.-е. такихъ, гдѣ лѣченіе голодомъ особенно умѣстно.

Вотъ наиболѣе поразительный случай.

65-лѣтній крѣпкій мужчина предпринялъ голоданіе въ виду страданій гортани и бронховъ. Недѣли проходили, а аппетитъ не возстановлялся; даже казалось, что въ органахъ пищеваренія развилась какая-то болѣзнь. Д-ръ Девей уже самъ началъ опасаться за дурной исходъ опыта. По прошествіи 50 дней обнаружилась тошнота и рвота; знакомые больного уже давно начали упрекать д-ра Девея, и къ паціенту былъ приглашенъ другой врачъ—„знаменитость“. Прописанныя имъ пища и лекарства однако извергались со рвотой, и каждый новый пріемъ пищи вызывалъ сильныя боли; поэтому голоданіе было предоставлено своему собственному теченію. Въ день послѣдней рвоты явился нормальный позывъ на ѣду, и это было шестидесятымъ днемъ голодовки! Полное выздоровленіе и юношеское чувство силъ явилось результатомъ леченія. Все время леченія паціентъ сохранялъ ясное сознаніе и, будучи убѣжденъ въ дѣйствительности и безопасности голоданія, противостоялъ натиску со стороны своихъ знакомыхъ.

Въ дополненіе къ такимъ фактамъ, докторъ Девей сообщилъ, что онъ наблюдалъ два случая добровольнаго голоданія и возстановленія при этомъ здоровья, и — одинъ случай, когда при остромъ заболѣваніи, окончившемся выздоровленіемъ, питаніе было невозможно въ теченіе цѣлыхъ 70 дней.

Точно такъ же, какъ докторъ Майеръ, докторъ Девей убѣжденъ въ огромномъ значеніи голоданія при леченіи душевныхъ болѣзней. Также и пьянство Девей думаетъ излечить систематическимъ примѣненіемъ голоданія въ теченіе отъ 4 до 6 недѣль.

Эти сообщенія различныхъ авторовъ достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Они побудили меня испробовать въ своей практикѣ методъ леченія голодомъ, и я доводилъ продолжительность этого леченія при хроническихъ болѣзняхъ до 60 дней, получая хорошій результатъ.

Кратко резюмируя, мы должны сказать, что при голоданіи проявляются со стороны организма такія усилія освободиться отъ ядовъ и очиститься, сильнѣе которыхъ нельзя себѣ ничего и представить. Такимъ способомъ достигается проявленіе организмомъ въ полномъ объемѣ своей цѣлебной способности, которая раньше, введеніемъ ежедневно неумѣренныхъ количествъ нецѣлесообразной пищи, была, такъ сказать, закрѣпощена.

Далѣе, на основаніи тѣхъ же фактовъ, мы должны заключить, что небольшіе часто повторяемые періоды голоданія или ограниченія числа ежедневныхъ пріемовъ пищи могутъ смягчить или совершенно предотвратить вредное вліяніе ядовъ, принимаемыхъ вмѣстѣ съ пищею.

«Міръ долженъ быть оправданъ весь».

(По поводу обезпложиванія).

Читатели „Бюллетеней“ уже знакомы съ тѣми „радикальными“ мѣрами, которыми пользуются въ борьбѣ съ „соціальною преступностью“ практическіе янки *). Тому же вопросу, большой принципіальной важности котораго, несомнѣнно, отрицать не приходится, посвящены двѣ статьи—pro и contra—въ „Вѣстникѣ Знанія“. Д-ръ Куртъ фонъ-Сури въ статьѣ „Обезпложиваніе и его соціальная роль“. (Янв. 1912 г.) является принципіальнымъ сторонникомъ американской мѣры, и даже больше—онъ проповѣдуетъ расширеніе рамокъ примѣненія этой мѣры. „На основаніи опыта извѣстно,—говоритъ онъ,—что цѣлый рядъ болѣзней и соціальныхъ условій пагубно отзывается на нарождающемся плодѣ или же препятствуетъ дальнѣйшему развитію ребенка уже послѣ его рожденія. Нашей обязанностью является удалить всѣ возможныя вредныя воздѣйствія на нарождающееся поколѣніе. Законъ, запрещающій душевнобольнымъ вступать въ бракъ, слѣдовало бы на одинаковомъ основаніи примѣнить и къ больнымъ съ ярко выраженнымъ туберкулезомъ, а также къ неизлѣчившимся сифилитикамъ. Запрещеніе вступать въ бракъ все же не достигаетъ цѣли во всѣхъ случаяхъ. Необходимо лишить возможности зачатія тѣхъ индивидовъ, которые опасны въ смыслѣ болѣзни или въ соціальномъ отношеніи. Примѣненіе стерилизаціи (обезпложиванія) является единствен-

*) См. № 14—15 „Бюл.“ „Радикальныя мѣры борьбы съ вырожд. и преступностью“.

нымъ способомъ, могущимъ оградить государство отъ размноженія больныхъ людей".

Нѣтъ, отвѣчаетъ на такую проповѣдь сторонникъ діаметрально-противоположной идеологіи г. Лебедевъ („Въ защиту рождаемости", апр., „В. З." 1912)—кромѣ небесъ Курта фонъ-Сури существуютъ другія небеса. На нашъ взглядъ, наука по самому существу своему гуманитарна; она выработалась исторически, какъ орудіе борьбы за существованіе, и потому выводы ея не могутъ приводить къ разрушающимъ жизнь построеніямъ.

Д-ръ Куртъ фонъ Сури предлагаетъ въ качествѣ мѣры, представляющей выводъ изъ научныхъ предпосылокъ въ цѣляхъ оздоровленія будущаго человѣчества обезпложиваніе душевнобольныхъ, неизлѣчившихся сифилитиковъ, туберкулезныхъ, преступниковъ и проститутокъ. Только здоровые имѣютъ право на потомство, только имъ должна быть предоставлена возможность участвовать въ процессѣ созиданія будущаго поколѣнія, только имъ однимъ наука можетъ дать привилегію на наслѣдственную передачу прирожденныхъ качествъ. Повидимому, д-ръ Куртъ фонъ-Сури предъявляетъ вполнѣ основательныя требованія, но отчего послѣ прочтенія его статьи на сердцѣ становится холодно, а на память приходятъ слова поэта: „Любовь, какъ мысль, не можетъ заблуждаться", отчего въ душѣ рождается болѣзненное, тревожное чувство, которое никогда не возникаетъ при познаніи научной истины? Не является ли это чувство продуктомъ страха передъ новизной, того животнаго страха, который заставляетъ стаю обезьянъ забрасывать каменьями, яблоками и орѣхами свою одноплеменницу, одѣтую въ бутафорскій мундиръ, или, можетъ быть, это страхъ ребенка передъ пріемомъ горькаго лѣкарства? Думается, что ни то, ни другое. Думается слѣдующее. Всякая теорія сѣра. Всякое жизненное явленіе полнѣе и ярче теоретическихъ схемъ. На свѣтѣ не существуетъ безусловно здоровыхъ людей. Право на потомство, по теоріи Курта фонъ Сури, особенно, если примѣнить добрачное медицинское изслѣдованіе, могли бы получить лишь очень немногіе. Авторъ базируется на законѣ наслѣдственности, но законъ этотъ вовсе не дѣйствуетъ съ точностью хронометра. Развѣ отъ лысаго всегда рождается лысый, отъ хромого—хромой, развѣ геніальность наслѣдственна, развѣ наука не сдѣлала ни одного шага впередъ со времени Галена и знаменитаго одесскаго профессора, собиравшагося произвести поколѣніе безхвостыхъ крысъ путемъ урѣзыванія хвостовъ у производителей, развѣ атавизмъ не такой же законъ, какъ и наслѣдственность, развѣ атавистическія черты бываютъ всегда порочными и не могутъ являться коррективомъ существующихъ наслѣдственныхъ предрасположеній? Далѣе, каждое явленіе жизни, въ томъ числѣ болѣзни и преступность, представляется продуктомъ не одной, а нѣсколькихъ причинъ или, вѣрнѣе, безконечнаго множества причинъ рядовъ, производящихъ явленіе. Наслѣдственность въ ряду этихъ причинъ имѣетъ, конечно, свое значеніе, но далеко не первенствующее. Соціально-экономическія условія, климатъ, возрастъ, геологическій періодъ, переживаемый нашей планетой, играютъ въ данномъ случаѣ руководящую роль. Разъ это такъ, самъ собою возникаетъ вопросъ: заслуживаетъ ли законъ наслѣдственности тѣхъ жертвъ, которыя ему собирается принести д-ръ Куртъ фонъ Сури, да и самыя явленія, противъ которыхъ онъ борется, не заключаютъ ли они нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ?

„Міръ долженъ быть оправданъ весь, чтобы можно было жить",—говоритъ поэтъ и въ этихъ словахъ—истина. Болѣзнь—зло, но при отсутствіи болѣзней не могла бы развиться научная медицина и вѣнецъ ея—гигіена, а вѣдь отъ этихъ научныхъ дисциплинъ въ значительной мѣрѣ зависитъ оздоровленіе будущаго человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, распространеніе оспы дало людямъ открытіе Дженнера и Пастера, ростъ сифилиса — Эрлиха, ростъ чахотки — Коха, Ламана, Турбана и множество гигіенистовъ и діэтетиковъ...

Явленія преступности, точно такъ же, какъ и болѣзни, представляютъ одно изъ сложившихся исторически условій общественнаго быта. Они служатъ тѣмъ бродильнымъ началомъ, которое заставляетъ общество вырабатывать новыя нормы, новые законы. Въ писаніи сказано: „Что убо законъ? преступленія ради приложися". Законъ воспитываетъ. Онъ служитъ защитой высшихъ потребностей общежитія, но для осуществленія этой цѣли онъ не долженъ впадать въ противорѣчіе съ высшими общественными цѣнностями.

Главенство духа—это высшая, непререкаемая цѣнность. Эта цѣнность утверждена наукой и религіей. Вспоминаются лекціи профессора П. Ф. Лесгафта и та энергическая отповѣдь, которую встрѣчало въ его изложеніи увлеченіе хирургіей. Онъ былъ убѣжденнымъ и страстнымъ апологетомъ тѣлесной неприкосновенности, горячо возставалъ противъ всякаго сокращенія „поверхности воспріятія". Въ подтвержденіе своихъ мыслей онъ часто ссылался на кажущуюся безобидность оперативнаго удаленія щитовидной железы, приводящее, въ

конечномъ счетѣ, къ идіотизму паціента. Онъ ясно и широко понималъ законы природы и утверждалъ неприкосновенность человѣческаго тѣла во имя господства духа.

Христіанскій святой Симеонъ Столпникъ не лѣчилъ открывшихся у него на ногахъ отъ долгаго стоянія язвъ, чтобы доказать господство духа надъ плотью. Язвы зажили. Это великій символъ. Чтобы понять все его значеніе, надобно вспомнить англійскаго врача Голя Эдварса, который нашелъ въ себѣ мужество искалѣчить свои руки подъ лучами Рентгена, чтобы изслѣдовать дѣйствіе этихъ лучей въ качествѣ врачебнаго средства.

Д-ру Курту фонъ Сури ничего не говоритъ этотъ символъ. Соціальному злу онъ прописываетъ хирургическій рецептъ, и ни одинъ скрупулъ его сердца не дрогнетъ. Онъ готовъ принести въ жертву молоху общественности буржуазнаго характера все потомство изломанныхъ этой общественностью организмовъ. Гекатомба поистинѣ чудовищная. Сколько ученыхъ, философовъ, художниковъ, музыкантовъ не родилось бы на свѣтъ, будь примѣненъ этотъ рецептъ, хотя бы на сотню лѣтъ раньше появленія въ печати статьи д-ра Куртъ фонъ Сури! Какъ обѣднѣлъ бы человѣческій духъ, какъ опустѣлъ бы Пантеонъ современности! Сколько именъ, которыя произносятся теперь съ благоговѣніемъ и любовью, не существовало бы! Между прочимъ, не жилъ бы С. Я. Надсонъ, какъ потомокъ душевно-больного и чахоточной. Вѣдь его мать, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже „выдѣляла туберкулезныя бациллы“, когда подъ ея сердцемъ билась и трепетала жизнь будущаго поэта.

Въ подражаніе промышленной Америкѣ, гдѣ милліардерши нарушаютъ основные законы государства, отказываясь платить подоходный налогъ, д-ръ Куртъ фонъ Сури требуетъ обезпложиванія преступниковъ и проститутокъ. Не все, что признано и учреждено въ Америкѣ, достойно подражанія. Вѣдь высшая, установленная наукой, провозглашенная обширнѣйшей литературой, цѣль наказанія—это исправленіе преступника, а государство уродуетъ его организмъ, понижаетъ степень его воспріимчивости, лишаетъ его навсегда нравственной опоры для духовнаго возрожденія въ любви къ дѣтямъ. Д-ръ Куртъ фонъ Сури предлагаетъ обезпложиваніе съ высоты ученаго авторитета во имя соціальнаго блага, во имя будущаго здороваго человѣчества. Онъ думаетъ, что разрубаетъ Гордіевъ узелъ великой проблемы оздоровленія массъ; но знаетъ ли онъ, можетъ ли онъ съ увѣренностью сказать, въ чемъ заключается здоровье будущаго; какой именно физіологическій типъ человѣка произрастетъ „на цвѣтущемъ и прекрасномъ деревѣ жизни“. Это цвѣтущее дерево полно неисчерпаемыхъ силъ, оно неустанно творитъ, и вѣтви, которыя окажутся ему ненужными, отпадутъ и безъ участія ножа хирурга, способнаго только изуродовать новый, можетъ быть, плодоносный побѣгъ.

Послѣдній изъ могиканъ.

(Анекдоты о П. А. Зеленомъ).

Пресловутый адмиралъ Зеленой, печальной памяти одесскій градоначальникъ, еще при жизни сталъ легендарной личностью и прослылъ анекдотическимъ градоправителемъ щедринскаго типа. Вся его дѣятельность въ Одессѣ была, дѣйствительно, сплошнымъ фарсомъ, какой-то вереницей курьезовъ. Поэтому и воспоминанія о Зеленомъ, время отъ времени появляющіяся въ печати, обыкновенно состоятъ изъ однихъ только анекдотовъ. Особенно много ихъ собрано въ очеркѣ А. Кауфмана, въ апр. кн. „Ист. Вѣст.“.

Еще на морской службѣ П. А. Зеленой выдавался своимъ вольнымъ нравомъ, крайней вспыльчивостью и стремленіемъ держать своихъ подчиненныхъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

Мичманомъ онъ плавалъ на знаменитомъ фрегатѣ „Паллада“, вмѣстѣ съ И. А. Гончаровымъ, который и увѣковѣчилъ его. На всѣхъ публичныхъ торжествахъ и обѣдахъ,—а таковые въ Одессѣ при Зеленомъ устраивались довольно часто за счетъ обывателя по всякому поводу и безъ всякаго повода,—бывшій мичманъ любилъ вспоминать о своемъ путешествіи съ Гончаровымъ.

— А читали ли вы, милостивыя государыни и милостивые государи, „Фрегатъ Палладу“ нашего знаменитаго писателя Гончарова? Тамъ говорится о мичманѣ З., который услаждалъ слухъ всѣхъ моряковъ своимъ пѣніемъ? Этотъ мичманъ З., господа,—я! Да-съ!..

Если Зеленой на какомъ-либо торжествѣ забывалъ упоминать о Гончаровѣ, объ этомъ вспоминалъ преданный градоначальнику полицеймейстеръ Бунинъ.

Бывшій мичманъ быстро подвигался впередъ по служебно-морской іерархической лѣстницѣ. Когда на судахъ находились высокопоставленныя особы, Зеленому приходилось тогда дѣлать надъ собою, по его собственнымъ словамъ, невѣроятныя усилія, чтобы не пускать въ ходъ при обращеніи къ матросамъ обычныхъ не-

цензурныхъ выраженій. Онъ ограничивался тогда междометіями и разными комбинаціями изъ своихъ пальцевъ.

Получивъ назначеніе въ Одессу, Зеленой нѣкоторое время былъ подчиненъ временному одесскому генералъ-губернатору Х. Х. Роопу. Между обоими начальниками города происходили часто недоразумѣнія по самымъ различнымъ поводамъ.

Генералъ-губернаторство скоро было упразднено; генералъ Роопъ остался командующимъ войсками, а П. А. Зеленой былъ облеченъ всею полнотою власти.

Когда отсутствовавшая тогда градоначальница возвращалась изъ Ялты, Зеленой еще до причала парохода поспѣшилъ во всеуслышаніе обрадовать ее пріятной вѣстью въ самыхъ нелестныхъ для Роопа выраженіяхъ, сочинивъ тутъ же неудобную для печати рѣчь къ фамиліи своего предшественника.

На пріемахъ своихъ Зеленой не стѣснялся въ выраженіяхъ, когда разговаривалъ не только съ вызывавшимися имъ содержательницами пансіоновъ безъ древнихъ языковъ, но и съ интеллигентными дамами. Иногда онъ попадалъ впросакъ.

Къ градоначальнику является Кандыба, начальница института благородныхъ дѣвицъ, со слѣдующей просьбою.

Институтокъ, въ виду окончанія каникулъ, надо было перевезти съ институтской дачи въ городское зданіе. Обыкновенно городовые сопутствовали институткамъ, во избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ.

— Ваше превосходительство, — обратилась княгиня Кандыба къ Зеленому: — прошу дать мнѣ охрану, чтобы перевезти дѣвочекъ въ городъ.

— Какъ! Охрану для твоихъ дѣвицъ! (градоначальникъ выразился болѣе нецензурно). Вотъ еще что выдумала! Вонъ отсюда! — кричалъ благимъ матомъ Зеленой, которому померещилось, что княгиня — содержательница веселаго дома, вызванная въ тотъ день въ канцелярію по какому-то дѣлу.

Княгиня Кандыба была внѣ себя и чуть не упала въ обморокъ.

Съ трудомъ удалось успокоить Зеленого и объяснить ему, въ какую ошибку онъ впалъ.

На улицѣ П. А. Зеленой велъ себя не лучше, чѣмъ дома.

Вотъ сидитъ на скамьѣ въ такъ называемомъ Дюковскомъ садикѣ, углубленный въ свои мысли, заслуженный профессоръ и славистъ, нынѣ покойный А. А. Кочубинскій.

Мимо проходитъ П. А. Зеленой.

— Ты чего, жидъ, мнѣ не кланяешься? — раздается дикій окрикъ.

— Извините, я такое же превосходительство, какъ и вы: я дѣйствительный статскій совѣтникъ и профессоръ здѣшняго университета.

— Вотъ противный городъ, гдѣ не отличишь профессора отъ жида! — сострилъ Зеленой, удаляясь.

Сопровождавшіе градоначальника чины полиціи подобострастно улыбались, а градоначальникъ, довольный своей остротою, хохоталъ.

На улицѣ Зеленой велъ себя, какъ дома, а въ публичныхъ собраніяхъ — какъ на улицѣ. Я никогда не забуду бурнаго собранія тысячи заемщиковъ городского кредитнаго общества. Предстояли выборы уполномоченныхъ и избраніе кандидатовъ на тепленькія мѣста съ хорошими окладами. Зеленому доложили, что въ засѣданіи неспокойно, и онъ отправился туда для водворенія порядка. Еще съ улицы сталъ доноситься его зычный голосъ. Но едва градоначальникъ показался на порогѣ и сталъ на ходу изрыгать нелестные эпитеты, какъ въ огромномъ залѣ воцарилось гробовое молчаніе. А въ собраніи были и богатые домовладѣльцы, имѣвшіе большіе чины и занимавшіе немаловажные посты.

Въ другой разъ на концертѣ четы Фигнеръ въ думской залѣ, за отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ, отвели мѣста для почитателей концертантовъ въ сосѣднемъ залѣ, гдѣ ровно ничего ни слышать, ни видѣть нельзя было. Тысячная толпа шумѣла, протестуя противъ неудобныхъ мѣстъ. Чины полиціи не могли справиться съ нею. Но едва показался въ залѣ Зеленой, изъ устъ котораго полились не совсѣмъ музыкальные звуки, какъ все стихло.

Даже съ собственной супругой своею градоначальникъ обращался совершенно безцеремонно на глазахъ посторонней публики.

Замѣтивъ, что городовой отдалъ П. М. Зеленой честь, онъ вскинулся на него:

— Какъ ты смѣешь юбкѣ отдавать честь, такой-сякой!..

Градоначальница поспѣшила удалиться.

То же пришлось ей сдѣлать и въ другой разъ.

Зеленой гулялъ съ женой на улицѣ. Шедшая впереди градоначальница замѣтила разсѣяннаго гимназиста, не снявшаго шапки. Ему угрожала расправа.

— Удирай, голубчикъ, а то достанется тебѣ... —заявила Зеленая гимназисту.

Градоначальникъ въ это время искалъ глазами городового, но, замѣтивъ вдругъ отсутствіе гимназиста, накинулся на жену.

— Это все твои штуки, такая сякая! Городовой, взять ее...—обратился онъ къ приблизившемуся городовому.

Н. М. Зеленая сѣла на перваго попавшагося ей навстрѣчу извозчика и уѣхала домой.

Съ представителями печати П. А. Зеленой обращался особенно строго.

Истымъ мученикомъ былъ скончавшійся въ прошломъ году издатель „Одесскаго Листка“ В. В. Навроцкій. Частыя приглашенія къ градоначальнику наводили на него ужасъ и страхъ.

Начальнической улыбки было достаточно, чтобы многострадальный издатель чувствовалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Когда на торжество освященія новопостроеннаго дома для газеты изволили пожаловать самъ градоначальникъ съ супругой и даже произносили благосклонныя рѣчи, восторгъ бѣднаго, измученнаго зеленинскими издѣвками Навроцкаго былъ безграниченъ. Когда одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ газеты, извѣстный адвокатъ Куперникъ, на прощаніе облобызалъ руку П. М. Зеленой, издатель приложился было къ рукѣ градоначальника, но тотъ отдернулъ ее... Вотъ въ какомъ рабскомъ подчиненіи были „газетчики“ у свирѣпаго градоначальника, который могъ ихъ казнить и миловать, могъ добиться закрытія газеты и высылать ея сотрудниковъ!

Говоря о газетныхъ репрессіяхъ, А. Кауфманъ приводитъ такой случай—случай съ В. М. Дорошевичемъ, работавшимъ тогда въ одесской печати.

Градоначальникъ пригрозилъ ему высылкой за вполнѣ цензурный фельетонъ о городскомъ головѣ Г. Г. Маразли и двухъ банковскихъ дѣльцахъ. Впрочемъ, Зеленой сообразилъ, что онъ тутъ хватилъ черезъ край, и поспѣшилъ послать къ популярному журналисту своего чиновника Стефанскаго съ просьбою пожаловать къ нему для объясненій.

— Павелъ Алексѣевичъ кланяется вамъ и очень желалъ бы съ вами побесѣдовать,— заявилъ чиновникъ.

— Скажите Павлу Алексѣевичу, — былъ отвѣтъ,—что я лишенъ возможности это сдѣлать, такъ какъ генералъ Зеленой меня выслалъ, и я сегодня же уѣзжаю изъ Одессы.

Когда исполнилось десятилѣтіе градоначальнической дѣятельности П. А. Зеленого въ Одессѣ и одесситы, волею или неволею, собирались его чествовать, издатель болѣе независимыхъ „Од. Нов.“ Старковъ приготовилъ довольно ядовитую замѣтку ко дню юбилея: она гласила, что „десятидѣтняя дѣятельность градоначальника слишкомъ хорошо извѣстна гражданамъ, чтобы надо было о ней распространяться“. Цензоръ Л—тъ направилъ двусмысленную замѣтку къ Зеленому, а тотъ прислалъ на другой день въ редакцію мѣстнаго пристава, который заявилъ, что градоначальникъ тронутъ добрымъ отзывомъ о немъ и проситъ замѣтки не печатать; не желаетъ, дескать, юбилейнаго шума.

Конечно, Зеленой не могъ не отдавать себѣ хоть нѣкотораго отчета въ своихъ поступкахъ. Когда мѣстный поэтъ изъ зеленинской свиты П—нъ воспѣлъ его въ стихахъ, какъ рыцаря безъ страха и упрека:

> Онъ на флагѣ своемъ начерталъ лишь слова:
> Справедливость, законъ, человѣка права!..

самъ Зеленой призналъ эти славослонія нѣсколько преувеличенными и въ своемъ отвѣтномъ спичѣ на одномъ изъ банкетовъ откровенно сознался, что „въ рѣзкой формѣ“ обращался къ подчиненнымъ, и что отъ его крика—„кто дрожалъ, а кто смѣялся“...

Въ лицѣ П. А. Зеленого одесситы, безъ сомнѣнія, имѣли дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ, нервно-больнымъ, лишеннымъ того чувства самообладанія, которое требуется для всякаго занимающаго отвѣтственный постъ. У него былъ крупный физическій дефектъ, надъ которымъ онъ самъ трунилъ обыкновенно, когда въ пасхальные дни обмѣнивался яичками съ подчиненными...

Знали ли въ Петербургѣ о зеленинской системѣ управленія четвертымъ въ Россіи городомъ? Безъ сомнѣнія—знали. „Анекдоты о Зеленомъ и его чудачествахъ—писалъ мнѣ издатель „Одесскихъ Новостей“ А. И. Старковъ изъ Петербурга—переходятъ здѣсь изъ устъ въ уста и вызываютъ у всѣхъ смѣхъ“...

Но однимъ было смѣшно, а другимъ—грустно...

Справедливость требуетъ отмѣтить и плюсы въ дѣятельности анекдотическаго администратора. И авторъ воспоминаній ихъ указываетъ.

Когда въ Одессѣ вспыхивали эпидеміи, градоначальникъ самолично обходилъ дворы и наводилъ порядокъ, свирѣпо расправляясь съ нарушителями санитарныхъ правилъ.

— Холеры при мнѣ въ Одессѣ не будетъ,— заявилъ во всеуслышаніе Зеленой:—я вышлю ее въ 24 часа.

И надо сказать правду, что съ холерою градоначальникъ боролся энергично.

Не менѣе энергично боролся Зеленой съ погромными вспышками въ пасхальные дни. Въ первый годъ вступленія его въ должность произошли антиеврейскіе безпорядки, и даже самъ градоначальникъ едва не поплатился жизнью: ему въ догонку бросили камень.

Безпорядки при Зеленомъ болѣе не повторялись, и свѣтлые дни праздника не омрачались уличными дебошами и грабежами...

Отзывы о книгахъ.

639. **Лопатинъ, Л. М.** 1(04)
Философскія характеристики и рѣчи. Изд-во „Путь“. М. Стр. 393. Ц. 3 р.

...Раціонализмъ, т.-е. утвержденіе автономіи философіи, ея независимость какъ отъ частныхъ наукъ, такъ и отъ религіозной вѣры,—вотъ тотъ общій фонъ, на которомъ выросло все зданіе философіи Л. М. Особенно тщательно прослѣживаетъ Л. М. это основное и необходимое для всякаго философскаго творчества умонастроеніе въ системахъ западныхъ, а также русскихъ мыслителей (Вл. Соловьева и С. М. Трубецкого). Отсюда борьба Л. М. на два фронта: противъ матеріализма и „философіи вѣры“, столь рѣзко выраженная въ первомъ томѣ „Положительныхъ задачъ“. Эта сторона философіи Л. М. представляется особенно цѣнной, если принять во вниманіе тѣ умственныя условія, которыя окружали и продолжаютъ еще и нынѣ окружать русское философское творчество. Если Соловьевъ впервые рѣзко формулировалъ, а С. М. Трубецкой пытался слѣдовать требованію автономіи философіи, то изъ московскихъ философовъ Л. М. Лопатину принадлежитъ заслуга дать наиболѣе полное его осуществленіе.

Въ полномъ согласіи съ названными мыслителями находится и другая черта Л. М., его пониманіе кантіанства, какъ антрополого-психологической теоріи. Для эмпиристовъ и матеріалистовъ такое пониманіе естественно, понятно оно также съ точки зрѣнія пессимизма Шопенгауэра. Но что защитникъ идеи автономной философіи просмотрѣлъ въ кантіанствѣ эту основную питающую его идею, объясняющую всю его своеобразную позицію,—можно приписать только силѣ традиціи. Борясь на два фронта: противъ славянофильства съ его мистицизмомъ и эмпиризма съ его скептицизмомъ, т.-е. противъ недовѣрія къ разуму въ двухъ крайнихъ его видахъ, Л. М. усвоилъ однако всецѣло то общее обоимъ этимъ теченіямъ пониманіе кантіанства, какъ какого-то половинчатаго скептицизма. Отсюда несправедливое отношеніе Л. М. къ современной нѣмецкой философіи, игнорированіе того внѣшне быть можетъ мало замѣтнаго, но отъ этого не менѣе глубокаго переворота, который подготовляется на нашихъ глазахъ и который дѣлаетъ вчерашнихъ эпигоновъ провозвѣстниками новаго философскаго дня.

Въ связи съ этимъ феноменалистически-психологическимъ пониманіемъ кантіанства стоитъ спиритуализмъ Л. М. Лопатина.

...Изъ спиритуализма Л. М. вытекаетъ, наконецъ, и его теизмъ. Проблема абсолюта—это проблема основъ смысла, цѣлесообразности и творчества въ мірѣ. Но разъ психическое есть подлинное мѣсто реализаціи смысла въ мірѣ, то очевидно и основа разумности должна мыслиться по аналогіи съ нимъ. Отсюда пониманіе абсолюта, какъ свободной, разумной, цѣлесообразно дѣйствующей личности, а въ связи съ этимъ игнорированіе тѣхъ мистически религіозныхъ проблемъ, которыя отличаютъ всякій глубокій пантеизмъ и сгущаются въ проблемѣ образованія личнаго Бога изъ сверхличнаго Божества, т.-е. въ проблемѣ Богочеловѣчества. (С. Гессенъ. „Логосъ“ кн. 2—3. 1912).

640. **Дейссенъ, Пауль.** 11
Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Перев. М. Сизова. Стр. 42. К-ва „Мусагетъ“. М. 1911 г.

Содержаніе этой, интересно написанной, прекрасно переведенной брошюры но таково, чтобы съ нимъ можно было вполнѣ и до конца согласиться. Авторъ, извѣстный знатокъ индусской философіи и убѣжденный послѣдователь Шопенгауэра, анализируя Веданту и Платона, на ихъ примѣрѣ стремится показать, что кантовское различіе міра „вещей въ себѣ“ и міра явленій есть величайшее и вѣчное достояніе истинно философской, метафизической мысли. „Атманъ“ индусовъ—„идея“ Платона—„вещь въ себѣ“ Канта—„Міровая воля“ Шопенгауэра, съ одной стороны; соотвѣтствующія имъ эмпирическія ихъ видимости, т.-е. „Майя“, „міръ тѣней“ и „явленіе“, „мое представленіе“,—съ другой.—вотъ схема историческаго и въ то же время систематическаго развитія и рѣшенія онтологической проблемы по Дейссену. Но, къ сожалѣнію, авторъ не столько доказываетъ, сколько показываетъ, и это въ значительной степени умаляетъ, по нашему мнѣнію, цѣнность его взглядовъ. Прежде всего совершенно догматически утверждается истинность основной точки зрѣнія Дейссена — Шопенгауэровской метафизики воли; далѣе, безъ всякихъ доводовъ принимается такое пониманіе „вещей въ себѣ“ у Канта, которое подвергалось всегда особенно сильнымъ нападкамъ и въ настоящее время никѣмъ почти не раздѣляется; наконецъ, чрезвычайно произвольно сближенъ міръ „вещей въ себѣ“ съ „міромъ идей“, при чемъ толкованіе этого платоновскаго термина также не можетъ считаться безспорнымъ. Но, все же, настоящая брошюра заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ, кто интересуется онтологической проблемой: сближеніе западно-европейской мысли съ греческой и индійской интересно, какъ попытка подойти къ вопросу со стороны его внутренней религіозно-метафизической, а не внѣшней, случайно-исторической сущности. Кромѣ того, изложеніе глубокаго и проникнутаго особенной, несравненной красотой ученія Веданты привлекаетъ у Дейссена своей ясной трактовкой и сравнительной новизной для русскаго читателя, неизбалованнаго философскими произведеніями, посвященными индусской мудрости. (Г. Гордонъ. „Логосъ“. Кн. 2—3. 1912).

641. **Кантъ. Иммануилъ.** 11
Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ. Перев. Л. Д. Б. подъ редак. В. М. Хвостова. М. 1912.

Русская философская литература небогата переводами классиковъ. Кромѣ того, изъ суще-

ствующихъ далеко не всѣ могутъ быть признаны удовлетворительными. Не говоря уже о томъ, что по большей части переводчики мало задаются цѣлью передать своеобразіе стиля оригинала, нѣкоторые изъ русскихъ переводовъ грѣшатъ порою грубыми ошибками противъ смысла и терминологіи подлинниковъ. Тѣмъ большей благодарности заслуживаютъ поэтому тѣ переводчики, которые разсматриваютъ свое дѣло, какъ подлинно культурную, въ высшей степени отвѣтственную работу. Русское общество должно быть благодарно проф. В. М. Хвостову, редактировавшему, и Московскому Психологическому обществу, издавшему переводъ „Основоположенія“. Извѣстно, что переводъ Канта это своего рода искусъ для переводчика: тяжеловѣсный строй бесконечныхъ періодовъ, обиліе терминовъ, съ трудомъ поддающихся адэкватной передачѣ, иногда двусмысленность синтаксическихъ построеній,—таковы преграды, стоящія на его пути. Проф. Хвостовъ блестяще преодолѣлъ указанныя трудности. Переводъ „Основоположенія“ настолько близокъ къ подлиннику, что почти фотографически передастъ его своеобразіе. Такъ же при чтеніи „Пролегоменъ“ въ перев. Вл. Соловьева, вы забываете, что передъ вами переводъ, а не оригиналъ. Термины переведены со всею возможною тщательностью.

Будемъ надѣяться, что за первымъ переводомъ послѣдуютъ и другіе, столь-же совершенные. Русская философская культура только еще нарождается. Образцовые переводы классиковъ философской мысли какъ нельзя лучше способствуютъ росту. (Г. Гордонъ. „Логосъ“. кн. 2—3 1912).

642. **Грузенбергъ, С. О.** 149.6

Артуръ Шопенгауэръ. Личность, мышленіе и міропониманіе. Критика нравственной философіи Шопенгауэра. Второе заново переработанное изданіе. Изданіе „Шиповника“, 1912.

Въ настоящее время „дѣятельнаго пессимизма“, когда не шутя многіе „уходятъ“, полагая, что „жить не стоитъ“, книга хорошаго нашего знатока шопенгауэровской философіи, С. О. Грузенберга, пришлась какъ разъ ко двору.

Пессимизмъ и оптимизмъ, какъ двѣ сильныя струи, постоянно протекаютъ въ умственной жизни человѣчества, и каждый, желающій познакомиться въ подробностяхъ со всѣми оттѣнками пессимизма, найдетъ въ г. Грузенбергѣ знающаго и добросовѣстнаго гида: онъ ему и укажетъ, и сократитъ путь.

Интересно общее заключеніе автора о значеніи пессимизма. Здѣсь мы находимъ слѣдующій его отвѣтъ:

„Доколѣ пессимизмъ почерпаетъ свое обоснованіе въ авторитетныхъ и властныхъ догматахъ вѣры,—безполезно, конечно, защищать или оспаривать правоту его мрачнаго взгляда на жизнь: субъективное исповѣданіе вѣры въ преобладаніе зла надъ добромъ напередъ предрѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о цѣнности міра и дѣлатъ, поэтому, невозможнымъ, да и ненужнымъ объективное рѣшеніе этого вопроса. Но,—доколѣ пессимизмъ покоится на вѣрѣ въ несовершенствѣ соціальнаго міропорядка и печалуется объ обновленіи соціальнаго типа человѣчества,—его недовольство земнымъ удѣломъ человѣка разрѣшается въ единственный непреходящій типъ пессимизма—въ соціальную міровую скорбь“. Соціальный пессимизмъ разрѣшается въ проповѣдь соціальной любви къ человѣку и не мирится съ отрицаніемъ міра и культуры.

Авторъ говоритъ затѣмъ: „Предвосхищеніе грядущаго царства соціальной любви—этого града Божія на землѣ—прокладываетъ мостъ къ соціальному безсмертію человѣка, какъ это художественно высказалъ Джорджъ Эліотъ устами пророка Мардпея: „Я вѣрю въ эту грядущую жизнь и люблю ее такъ, что готовъ принести на ея алтарь мою жалкую жизнь и сказать: „Сгорай, сгорай, мое сердце и превратись въ то, что есть моя любовь, а не я самъ“. (Проф. Л. Е. Владимировъ. „У. Рос.“ 1912—81).

643. **Абрагамъ, К., д-ръ.** 15

Сонъ и мифъ. Очеркъ народной психологіи. Пер. съ нѣм. М. Кадишъ. М. 1912 г. Ц. 60 к.

Въ этой небольшой книжкѣ, авторъ знакомя читателя съ психологическими теоріями З. Фрейда, замѣчаетъ: „Мой очеркъ представляетъ собою попытку сопоставить мифъ съ феноменами индивидуальной психологіи, главнымъ образомъ со сномъ“. По Фрейду выходитъ, что „сновидѣнія образуются не во снѣ, а предварительно, въ состояніи бодрствованія“.

Указывая на общность содержанія нѣкоторыхъ сновидѣній и мифовъ, авторъ анализируетъ мифы „о Прометеѣ“, и „о происхожденіи божественнаго напитка“; разбираетъ библейскія сказанія о „Моисеѣ и Самсонѣ“, говоритъ о „вторичной переработкѣ въ сновидѣнія мифа“, который онъ, основываясь на Фрейдовскомъ ученіи о снѣ, опредѣляетъ такъ: „Мифъ есть отрывокъ пережитой духовной жизни народа. Онъ содержитъ (въ замаскированной формѣ) дѣтскія желанія народа“.

Со многими положеніями Фрейда и толкованіями автора можно и не соглашаться, но въ общемъ книжка эта представляетъ, дѣйствительно, интересную попытку связать мифы со сновидѣніями. Переводъ сдѣланъ довольно гладко. (В. Д-цевъ. „Гол. М.“ 1912—87).

644. **Фрейдъ, З.** 15

Психологическіе этюды. Библіотека „Психотерапіи“, № 1, изд. 2-е.

Первый опытъ изданій библіотеки „Психотерапіи“, подъ редакціей д-ра Н. А. Вырубова, очень удаченъ. Его оцѣнила уже и публика, и въ короткое время потребовалось 2-е изданіе этюдовъ З. Фрейда, хотя книжку и нельзя назвать очень доступной для широкихъ круговъ читателей. Это я говорю только объ изложеніи, потому что вопросы, затронутые З. Фрейдомъ, интересны для всякаго.

Въ книжкѣ три этюда: „Навязчивыя дѣйствія и религіозные обряды“. „Поэтъ и фантазія“ и „Культурная сексуальная мораль и современная нервозность“. Послѣдній этюдъ—наиболѣе животрепещущаго интереса.

Авторъ держится того взгляда, что при господствѣ „культурной“ сексуальной морали здоровье и жизнедѣятельность гражданъ страдаютъ, и что „вредъ для людей отъ принесенной жертвы можетъ достигнуть такого размѣра, что сама культурная цѣль подвергается опасности“. Все возрастающая нервность въ нашемъ современномъ обществѣ, неврастенія, неврозы—все это распла-

та за эту же „культурную“ мораль. Воздержаніе, столь прославленное аскетами и фарисеями, несетъ серьезныя и опасныя послѣдствія и для самихъ субъектовъ, и для ихъ потомства, и для брака, такъ какъ „не можетъ быть и рѣчи, что брачная жизнь въ состояніи уничтожить вредъ, причиненный добрачнымъ воздержаніемъ“.

Надъ выводами З. Фрейда нельзя не задуматься. (С. Б. „Стол. Молв.“ 1912—238).

645. **Дюркгеймъ, Э.**, проф. 179.7

Самоубійство. Перев. съ франц. А. Н. Ильинскаго, подъ ред. В. А. Базарова, съ предисловіемъ и библіографич. указ. русской литературы о самоубійствѣ, д-ра Г. И. Гордона. Изд. Н.П. Карбасникова. Спб. 1912 г. Ц. 3 р. 50 к.

Настоящій обширный трудъ Э. Дюркгейма посвященъ самому острому и самому больному явленію нашихъ дней—самоубійству.

По вопросу объ общихъ причинахъ этого грустнаго явленія въ наукѣ въ наше время царитъ пестрота взглядовъ. Эта неопредѣленность и разнообразіе взглядовъ на причины самоубійства находятся въ тѣсной зависимости отъ способа изученія этого явленія. Одни ученые изучаютъ самоубійство въ зависимости отъ біологическихъ, другіе—отъ космическихъ законовъ, третьи—отъ соціальныхъ факторовъ и т. д. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Дюркгеймъ. Онъ смотритъ на индивидъ, какъ на частицу общаго коллектива, и потому и самоубійство онъ изучаетъ, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ факторовъ, управляющихъ человѣческимъ общежитіемъ. Самоубійство, по мнѣнію проф. Э. Дюркгейма, является результатомъ „разрыва связи, естественно существующей между индивидомъ и коллективомъ“, благодаря чему нарушаются вѣчные законы подчиненности отдѣльной единицы общей массѣ. Конечно, соціологическое изученіе самоубійства многое дѣлаетъ яснымъ въ изученіи самоубійства, но одинъ соціологическій методъ безсиленъ охватить это явленіе въ его цѣломъ. Самоубійство, какъ и сама жизнь, безконечно разнообразно по своимъ формамъ, причинамъ и поводамъ; оно не представляетъ собою строго ограниченнаго, отдѣльнаго явленія и потому не можетъ быть изучаемо въ какой нибудь одной опредѣленной плоскости.

Эта односторонность изученія и выводовъ даетъ себя знать въ книгѣ проф. Э. Дюркгейма.

Но въ общемъ книга Дюркгейма основана на большомъ количествѣ строго провѣренныхъ данныхъ, глубоко интересна, и появленіе ея на русскомъ языкѣ можно только привѣтствовать. (С. К-въ. „Гол. М.“ 1912—81).

646. **Философовъ, Д. В.** 2(04)

Неугасимая лампада. Статьи по церковнымъ и религіознымъ вопросамъ. М.1912. Стр. 203. Ц. 1 р.

Небольшая по объему книга г. Философова представляетъ собою сборникъ статей, раньше, какъ видно изъ ихъ содержанія, печатавшихся въ періодическихъ изданіяхъ и являвшихся своего рода откликомъ автора на различныя злобы дня. Темы статей довольно разнообразныя... Если въ статьяхъ г. Философова и есть какая-нибудь связующая, всѣмъ имъ равно общая мысль, то развѣ только мысль о рѣшительномъ первенствѣ религіознаго начала въ жизни русскаго народа. Эту мысль авторъ выдвигаетъ уже въ своемъ, написанномъ съ претензіей на художественность, предисловіи, рисуя „нелѣпое русское село“, въ которомъ „нѣтъ ни христіанства, ни язычества, ни первобытности, ни культуры“, но теплится у церкви „неугасимая лампада“.

...Нельзя отрицать за г. Философовымъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній, хотя наличность этихъ знаній не мѣшаетъ ему подчасъ дѣлать непростительно грубыя ошибки, нельзя отрицать за нимъ и извѣстной литер. талантливости. И тѣмъ не менѣе его статьи представляютъ собой не что иное, какъ бѣглые фельетоны, одинаково лишенные и строгой послѣдовательности мысли, и заразительности горячаго убѣжденія. Въ нихъ можно найти отдѣльныя вѣрныя замѣчанія, но врядъ-ли кто, однажды ихъ пробѣжавшій, вздумаетъ когда-нибудь снова перечитать ихъ. Собранные вмѣстѣ, они производятъ поэтому впечатлѣніе какой-то странной и ненужной случайности, ненужной, пожалуй, даже для тѣхъ, кто склоненъ, говоря словами Герцена, интересоваться спорами о томъ, откуда происходятъ вѣдьмы: изъ Кіева или Чернигова. („Рус. Бог.“ 1912—3).

647. **Экхартъ, М.** 2(04)

Проповѣди и разсужденія. Переводъ со средне-верхне-нѣмецкаго и вступительная статья М. В. Сабашниковой. Издательство „Мусагетъ“. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р.

Книгоиздательство „Мусагетъ“ выпустило первую книгу проповѣдей и разсужденій „Божьяго рыцаря, смиреннаго Мейстера Экхарта, отъ котораго Богъ никогда ничего не скрывалъ“.

Родился М. Экхартъ въ Тюрингіи въ 1.260 году.

Онъ пришелъ въ міръ, чтобы освободить человѣческія души отъ всего мертвящаго, условнаго, и въ продолженіе всей своей, болѣе чѣмъ полувѣковой, жизни огненнымъ словомъ боролся со схоластикой, такъ пышно расцвѣтшей среди германскихъ доминиканцевъ.

Въ лучшіе годы торжества разсудочной религіозности Экхартъ сталъ звать людей къ сокровенному подвигу, къ таинственно-углубленному пониманію христіанства.

Вступивъ въ эрфуртскій доминиканскій орденъ, пройдя весь кругъ идей великихъ схоластовъ—Альберта Великаго и ученика его Фомы Аквинскаго, М. Экхартъ не застылъ въ дѣтской наивности средневѣковья, не направилъ могучихъ силъ своей души въ узкую область холоднаго разума.

Въ его душѣ господствовалъ живой творческій духъ. Смѣло выступивъ противъ аскетизма среднихъ вѣковъ и противъ папства, М. Экхартъ неуклонно шелъ на осужденіе и признаніе своего ученія еретическимъ, свято вѣруя въ чистоту этого ученія и въ его согласованность съ истиннымъ ученіемъ церкви.

Не отъ земли, а къ ней, къ припятію ея въ себя, къ слитію съ ней стремился М. Экхартъ, расходясь въ основѣ съ господствовавшими въ его время ученіями.

Въ то время, когда кругомъ него вещи постигали только внѣшними чувствами, М. Экхартъ проповѣдывалъ внутреннее прозрѣніе сути вещей. Не разсудочно, а „искоркой души“ надо познавать непознаваемое.

Большую роль въ душевной жизни М. Экхар-

та сыграла его встрѣча съ сестрой Катрей, которая стала величайшимъ мистическимъ центромъ его переживаній.

Съ „искоркой души“ среди непепелимыхъ,живой среди сознательно умирающихъ, М. Экхартъ черпалъ свои мысли не только изъ священныхъ книгъ, но и изъ внутренняго опыта.

Оттого и волновали его проповѣди, и оживляли его огненныя, творческія слова, которыя у М. Экхарта были не утонченною игрою ума, а жизненнымъ дѣломъ, освобождающимъ душу, зовущимъ ее къ новому, болѣе чистому бытію.

Эти творческія проповѣди и выпустило теперь отдѣльнымъ томомъ книгоиздательство „Мусагетъ“.

Онѣ не производятъ на насъ такого же впечатлѣнія, какъ 500 съ лишнимъ лѣтъ назадъ на современниковъ и ближайшихъ послѣдователей М. Экхарта, но это вовсе не умаляетъ интереса и цѣнности, представляемыхъ ихъ переводомъ и изданіемъ на русскомъ языкѣ. (Ол. Л—овъ, „Гол. М.“ 1912—87).

648. [. . . . .] 2:1(Т)

О религіи Льва Толстого. Книгоиздательство „Путь“. Сборникъ второй. Москва, 1912 г. III+248 стр. Ц. 1 р. 70 к.

Въ предисловіи къ данному сборнику авторы его говорятъ, что ими при написаніи его „руководилъ исключительно религіозный интересъ“, именно, „потребность прежде всего понять религіозное самосознаніе Толстого изъ него самого, съ тѣмъ, чтобы далѣе измѣнить его при свѣтѣ собственнаго религіознаго міровоззрѣнія“.

Однако, если судить не по словамъ авторовъ, а по самымъ ихъ дѣламъ, т.-е. по заключающимся въ сборникѣ статьямъ, то въ немъ гораздо осязательнѣе и виднѣе выступаетъ не чисто религіозный, а скорѣй полемическій интересъ—полемика съ самимъ Толстымъ и съ принявшимъ его „просвѣщеннымъ“обществомъ, „погрязающимъ,--по отзывамъ авторовъ,—въ безпросвѣтномъ религіозномъ индифферентизмѣ“. Это—все та же, хорошо извѣстная, борьба„вѣхистовъ“съ прогрессивными общественными элементами,- борьба„принявшая,къ сожалѣнію, еще болѣе узкую, по мѣстамъ, чуть не клерикальную окраску.

Исходя изъ такой полемической тенденціи, авторы сборника не могли, конечно, сколько нибудь удовлетворительно справиться съ первой изъ поставленныхъ ими себѣ задачъ—дать объективное толкованіе Толстого, отправляясь отъ него же самого. Задача эта всецѣло поглощена у нихъ второй задачей—стремленіемъ къ субъективной оцѣнкѣ Толстого. Получилось такимъ образомъ, что не только оцѣнка, но и интерпретація Толстого въ разсматриваемомъ сборникѣ всецѣло субъективны. Подлинная фигура Толстого и существо его религіозно-моральныхъ идеаловъ здѣсь все время заслоняется фигурами Булгакова, Андрея Бѣлаго, Бердяева, Эрна и съ ихъ собственными, достаточно опредѣлившимися и получившими надлежащую оцѣнку взглядами.

Пріятнымъ исключеніемъ являются двѣ объективно-здравыхъ статьи кн. Е. Н. Трубецкого и проф. В. И. Экземплярскаго.

Въ статьѣ Трубецкаго „Споръ Толстого и Соловьева о государствѣ“ дается посмертное примиренія этихъ двухъ прижизненныхъ полемистовъ. Авторъ указываетъ нѣкоторыя односторонности ихъ взглядовъ и выводитъ ихъ къ высшему единству—идеалу царствія Божія, лишь постепенно и послѣдовательно осуществляемаго на землѣ.

Статья проф. Экземплярскаго „Гр. Л. Н. Толстой и св. Іоаннъ Златоустъ въ ихъ взглядѣ на жизненное значеніе заповѣдей Христовыхъ“—та самая, за которую онъ только что на-дняхъ былъ уволенъ изъ духовной академіи. Она даетъ объективно-вѣское сопоставленіе моральной проповѣди Толстого съ древне-церковной традиціей, въ лицѣ одного изъ ея лучшихъ представителей, и подчеркиваетъ замѣчательное духовное родство обоихъ моралистовъ. Тѣмъ самымъ она, конечно, произноситъ краснорѣчивый судъ надъ позднѣйшей церковной традиціей, отступившей отъ завѣтовъ Іоанна Златоуста, а потому и не понявшей мучительныхъ религіозныхъ исканій Толстого. (Прив.-доц. А. Покровскій. „У. Рос. 1912—87).

Въ сборникѣ этомъ представлена вся fine fleur нашего литературнаго „церковничества“—Бердяевъ, Булгаковъ, Волжскій, Эрнъ, А. Бѣлый, и пр. И, тѣмъ не менѣе, въ немъ есть рядъ интересныхъ мыслей и замѣчаній, съ которыми можетъ согласиться и обыкновенный здравомыслящій человѣкъ, если только онъ не отложитъ книги, отпугнутый и общими взглядами авторовъ сборника, и крикливо-претенціозной формой изложенія многихъ изъ нихъ. Для посторонняго читателя, читателя—„варвара“, послѣднее препятствіе, пожалуй, даже наиболѣе серьезное. Вѣщанія Бердяева, ломанье и парадоксальничанье Бѣлаго,глубокомысленничанье Эрна, потуги на оригинальность Волжскаго, всѣ эти разнообразные литературные гримасы и тики, преподнесенные сразу въ такомъ большомъ количествѣ, вещь дѣйствительно непереносная.

Въ сборникѣ затронуты различныя стороны религіозной дѣятельности Толстого. Въ немъ говорится и о проблемѣ безсмертія у Толстого (В. Зѣньковскій), и объ отношеніи его къ государству (кн. Трубецкой),къ церкви (Булгаковъ, Бердяевъ), къ культурѣ (Бѣлый, Булгаковъ),и о борьбѣ въ немъ художника и религіознаго мыслителя (Эрнъ) и пр. Различные авторы разно подходятъ къ Толстому, но въ общемъ всѣ статьи объединены одной религіозно-ортодоксальной точкой зрѣнія, формулированной въ предисловіи къ сборнику: „Религія Толстого не есть наша религія. Отверженіе имъ вѣры во Христа, какъ сына Божія, Спасителя и Искупителя, и въ Его церковь, живое тѣло Христово, проводитъ непроходимую грань между религіей Толстого и нашимъ пониманіемъ христіанства... Но насколько безспорно то, что религія Толстого не есть христіанство, столь же неоспоримо, что онъ жилъ этой своей религіей, и, надо сказать больше, жилъ только религіей, и это въ наши дни, въ нашемъ„просвѣщенномъ“ обществѣ,погрязающемъ въ безпросвѣтномъ религіозномъ индифферентизмѣ.Это, конечно, не была жизнь во Христѣ, но это была хотя и съ болѣзненными вывихами,все-таки жизнь въ Богѣ... Онъ есть живой свидѣтель религіи,стоящій предъ лицомъ всего міра, носитель нѣкоего, хотя и низшаго, „естественнаго“, но все-же религіознаго откровенія, подобно тѣмъ великимъ мужамъ, которымъ дано было возвѣщать людямъ о Богѣ внѣ христіанскаго откровенія.

Любопытно, между прочимъ, отмѣтить попытку нѣкоторыхъ авторовъ (Бердяевъ, Эрнъ) истолковать уходъ Толстого въ смыслѣ намѣчавшагося поворота его въ сторону церковнаго христіанства. (П. Юшкевичъ. „Запр. Ж.“ 1912—89).

649. **Колосовъ, Е. Е.** 301

Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго. Теорія раздѣленія труда, какъ основа научной соціологіи. (Схема и анализъ). Спб. 1912. Стр. 434. Ц. 2 р.

...Горячій поклонникъ Михайловскаго, г. Колосовъ хорошо сознавалъ всю трудность этой задачи и вложилъ въ свою книгу много напряженнаго труда, много стараній и усилій. И, тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы основная ея задача была выполнена вполнѣ удовлетворительно. Въ книгѣ г. Колосова читатель найдетъ слѣды тщательнаго изученія авторомъ многочисленныхъ произведеній Михайловскаго, найдетъ отдѣльныя вѣрныя замѣчанія и мѣткія сопоставленія, встрѣтитъ, наконецъ, временами удачное парированіе кое-какихъ полемическихъ выпадовъ литературныхъ противниковъ и критиковъ Михайловскаго. Но какъ попытка систематизаціи основныхъ воззрѣній покойнаго писателя, книга г. Колосова далеко не стоитъ на уровнѣ тѣхъ требованій, какія могутъ и должны быть предъявлены къ подобной попыткѣ. Начать съ того, что во многихъ случаяхъ авторъ излишне осложнилъ свое изложеніе. Онъ, съ одной стороны, безъ нужды вводитъ въ послѣднее большое количество тѣхъ частныхъ иллюстрацій, какими Михайловскій сопровождалъ развитіе своихъ общихъ взглядовъ, и подробно останавливается на рядѣ частныхъ литературныхъ эпизодовъ, которые были бы умѣстны и интересны въ литер. біографіи Михайловскаго, но, будучи вставлены въ попытку систематическаго изложенія его взглядовъ, только развлекаютъ вниманіе читателя, съ другой—удѣляетъ черезчуръ много мѣста и силъ полемикѣ съ критиками Михайловскаго, полемикѣ часто мелочной и далеко не всегда удачной. Къ тому же г. Колосовъ не скупится на многократныя и утомительныя повторенія, и читатель его книги часто бываетъ вынужденъ вмѣстѣ съ авторомъ долго топтаться на томъ мѣстѣ, не извлекая изъ такого топтанія никакихъ существенныхъ выгодъ. Рядомъ съ этимъ въ книгѣ г. Колосова имѣется и др. недостатокъ, не менѣе, если не болѣе серьезный. Ничего какъ будто не привнося къ Михайловскому, на всемъ протяженіи своей книги оперируя исключительно однимъ Михайловскимъ, его понятіями и терминами, безъ конца повторяя, въ ковычкахъ и безъ ковычекъ, его фразы и цѣлыя тирады, г. Колосовъ на дѣлѣ однако оперируетъ не столько надъ Михайловскимъ, сколько надъ выдержками и цитатами изъ него, подчасъ насильственно вырванными изъ живого контекста и благодаря этому сильно обезцвѣченными. Это придаетъ всему изложенію книги какой-то схоластическій—мы готовы были бы даже сказать—мертвенный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ порою отводитъ автора въ сторону отъ того мыслителя, взгляды котораго онъ взялся систематизировать. Когда г. Колосовъ обращаетъ Михайловскаго изъ мыслителя, признававшаго и изслѣдовавшаго громадную и многообразную силу классовыхъ дѣленій общества, въ проповѣдника классовой точки зрѣнія, онъ совершаетъ несомнѣнное насиліе надъ своимъ учителемъ и можетъ не замѣчать этого только благодаря усвоенному имъ способу работы, который помогъ ему отойти отъ подлиннаго живого Михайловскаго. Въ конечномъ счетѣ среди той небогатой литературы о Михайловскомъ, какая имѣется у насъ, книга г. Колосова не можетъ быть названа безполезной, но въ дѣлѣ систематизаціи взглядовъ покойнаго писателя она, благодаря указаннымъ особенностямъ, мало поможетъ своему читателю и подчасъ даже направитъ его на невѣрный путь. („Р. Бог." 1912—3).

650. **Гредескулъ, Н. А.** 323(47)

Терроръ и охрана. СПБ. 1912 годъ. Цѣна 30 к.

Вопросъ о террорѣ до послѣдняго времени былъ однимъ изъ самыхъ скользкихъ. Стоялъ на перепутьи камень, и на немъ была надпись: поѣдешь вправо—потеряешь честь и коня, влѣво—не снесешь, пожалуй, и головы... Еще такъ недавно Пуришковичъ, наступя на горло, требовалъ отъ к.-д-товъ отвѣта: „Како вѣруеши о террорѣ?"—и чувство естественной брезгливости подсказывало отвѣтъ сдержанный, уклончивый. Сейчасъ, когда примолкались самыя ужасныя „бытовыя явленія", русская политическая литература въ формѣ и публицистической (книга Богучарскаго о „Народной Волѣ", Струве—„Patriotica", Изгоева—„Русское общество и революція"), и въ беллетристической („Конь Блѣдный"—Ропшина, „Ночью"—Тырковой и др.)—болѣе свободно трактуетъ этотъ вопросъ.

Имя Н. А. Гредескула, „перводумца" и „выборжца", товарища предсѣдателя 1-ой Думы, достаточно извѣстно русскому политическому міру. Самъ онъ проситъ смотрѣть на его брошюру не какъ на „публицистику, а какъ на политическое заявленіе".

Содержаніе брошюры вкратцѣ таково:

Политическій терроръ народился у насъ въ ту эпоху, когда правильное и нормальное развитіе и движеніе политическихъ идей сдѣлалось, благодаря абсолютизму и реакціи, въ Россіи невозможнымъ. Путь борьбы съ реакціей былъ „совершенно ясенъ": надо было бороться съ преслѣдованіями за идею „силою самой идеи"—такъ, какъ боролся, напр., Л. Толстой. Семидесятники избрали иной путь... Въ глазахъ общества, страдавшаго „своего рода нравственнымъ и политическимъ дальтонизмомъ", терроръ представлялся способомъ борьбы съ абсолютизмомъ, а съ другой стороны—„былъ самопожертвованіемъ въ лицѣ тѣхъ, кто на него рѣшался". Отмѣтивъ, что, съ точки зрѣнія морали, всякое лишеніе жизни является „нравственно презрѣннымъ" и что политическая неправда террора заключается въ томъ, что „онъ хочетъ дѣйствовать за народъ (т.-е. вмѣсто народа) и притомъ посредствомъ насилія и устрашенія", которыя никого не устрашали и вызывали лишь еще большія вспышки реакціи,—авторъ переходитъ къ другому, параллельному явленію русской жизни—къ охранѣ. „Подобно тому, какъ противъ мины ведутъ подъ землей контръ-мину, — такъ противъ систематическаго тайнаго заговора дѣлается необходимымъ такой-же систематическій тайный контръ-заговоръ"... „Террористы всегда имѣли своихъ агентовъ въ средѣ охраны, а охрана всегда стремилась имѣть такихъ-же агентовъ въ средѣ террора". Тѣ и другіе агенты должны были фактами заслуживать довѣріе той среды, въ которую проникали,—и отсюда „азефовщина съ богровщиной".

Переходя къ настоящему, авторъ говоритъ: „Вопросъ этотъ (объ устраненіи террора) надо

было бы считать безнадежнымъ, если бы мы все еще оставались въ тѣхъ политическихъ условіяхъ, какія у насъ существовали до 1904—5 гг. Однако—послѣ событій 1905—6 гг. Россія безконечно перемѣнилась... Мы на опытѣ убѣдились, что внѣ широкой и—непремѣнно—открытой, закономѣрной политической борьбы нѣтъ прочнаго прогресса... Мы пріобрѣли спокойствіе и увѣренность въ неизбѣжномъ поступательномъ ходѣ дѣйствительнаго политическаго процесса... Террористическій актъ пріобрѣлъ въ глазахъ общества характеръ простого происшествія, которое ничего не прибавляетъ въ борьбѣ, какая ведется въ странѣ реальными политическими силами"... „Терроръ, какъ методъ политической борьбы, умеръ въ Россіи, къ счастью, безвозвратно... И только при дѣйствительномъ прекращеніи террора можетъ найти свой конецъ и нынѣшняя охрана, фатально превратившаяся въ сверхполномочное учрежденіе, которому позволялось все, и которое ради корыстныхъ и карьерныхъ цѣлей сближалось съ терроромъ и переплеталось съ нимъ въ одинъ неразрывный клубокъ". (С. Лисенко „Запр. Ж." 1912—12).

651. **Устиновъ, В. М.** 342.53

Ученіе о народномъ представительствѣ, т. I (XXXIX+653). 1912. Ц. 5 р.

Недавно вышедшая книга В. М. Устинова представляетъ изъ себя только часть обширнаго труда, предпринятаго авторомъ. Первый томъ онъ исключительно посвящаетъ изслѣдованію развитія идеи народнаго представительства въ Англіи и Франціи, превращая его такимъ образомъ въ историческое введеніе къ предпринятому имъ государственно-правовому изслѣдованію. Къ сожалѣнію, эта часть работы г. Устинова даетъ намъ мало новаго. Авторъ дѣлаетъ простую сводку обширной литературы по данному вопросу, не внося ничего новаго въ то, что дали уже Jenks, Stubbs, Esmein, Ковалевскій и другіе изслѣдователи народнаго представительства Англіи и Франціи. Интереснѣе вторая часть, посвященная Франціи. Здѣсь больше ссылокъ на свѣжіе источники, больше самостоятельной работы. Нельзя въ частности не отмѣтить главы, посвященной Сійесу. Существеннымъ недостаткомъ книги г. Устинова является чрезмѣрное увлеченіе автора реформирующей формой изложенія, благодаря чему его собственные взгляды часто отодвигаются на задній планъ. Тѣмъ съ большимъ интересомъ ждемъ появленія втораго тома, который обѣщаетъ ближе познакомить насъ со взглядами автора и тѣмъ самымъ разъяснить отношеніе его къ разбираемымъ въ первомъ томѣ политическимъ ученіямъ. Но если книга г. Устинова, названная авторомъ „Изслѣдованіемъ хода развитія идеи народнаго представительства" въ Англіи и Франціи, и не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ, которыя, основываясь на словахъ самого автора, мы въ правѣ къ ней предъявить, то, съ другой стороны, ее можно безусловно рекомендовать желающимъ лишь ознакомиться съ исторіей народнаго представительства и политическихъ ученій Англіи и Франціи. (Б. П. „Рус. Вѣд." 1912—83).

652. **Саатчіанъ, А. Л.** 342.8

Положеніе о выборахъ съ Гос. Думу, съ разъясненіями Сената, Мин. вн. дѣлъ и пр. Изд. юрид. кн. маг. „Законовѣдѣніе". Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Весьма кстати, въ виду предстоящихъ въ этомъ году выборовъ въ Гос. Думу, изданъ вышеозначенный справочникъ. Помимо сложности и запутанности самого „положенія", благодаря чему ориентированіе въ немъ представляетъ немало затрудненій, эти послѣднія еще увеличиваются въ силу безчисленныхъ сенатскихъ разъясненій и министерскихъ циркуляровъ. Предметный указатель облегчаетъ пользованіе справочникомъ и позволяетъ быстро найти тѣ статьи положенія и комментаріи къ нимъ, которыя должны отвѣтить на тотъ или иной практическій вопросъ. Недостатокъ работы—несистематизированность комментаріевъ и отсутствіе примѣчаній и разъясненій самого составителя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣднія были бы болѣе чѣмъ умѣстны и могли-бы помочь выясненію многихъ неясныхъ пунктовъ.

Къ справочнику добавленъ рядъ приложеній: бюджетныя правила, правила о порядкѣ изданія законовъ для Финляндіи, инструкція м-ва вн. дѣлъ о порядкѣ производства выборовъ, учрежденія Госуд. Думы и Госуд. Совѣта. Выборъ этихъ приложеній, до извѣстной степени, случаенъ. Ихъ можно было-бы и даже слѣдовало увеличить; такъ, пробѣломъ, безусловно, является отсутствіе думскаго наказа, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ примѣнялся 3-й Гос. Д.

При всѣхъ указанныхъ оговоркахъ, работа г. Саатчіана вполнѣ можетъ служить удовлетворительнымъ справочникомъ для всѣхъ имѣющихъ то или иное отношеніе къ выборамъ. И это тѣмъ болѣе, что другихъ нѣтъ: сборникъ, который должно было издать м-во вн. дѣлъ, пока еще не вышелъ въ свѣтъ. Цѣна справочника высока. (В. „Запр. Ж." 1912—12).

653. **Гольденвейзеръ, А. С.** 343

Преступленіе—какъ наказаніе, а наказаніе—какъ преступленіе. (Мотивы Толстовскаго „Воскресенія"). Кіевъ. 1911, стр. 75. Ц. 30 к.

Книжка эта замѣчательна и даетъ больше многихъ толстыхъ книгъ по уголовному праву и въ то же время это—вавилучшая характеристика Толстого, какъ борца за идеи права и правды.

Суть книжки въ той мысли, что нынѣшнія преступленія являются наказаніемъ обществу въ лицѣ того или иного преступника, съ которымъ ему приходится бороться, за господствующія въ обществѣ своекорыстіе, безучастіе къ ближнему и общее нравственное растлѣніе; нынѣшнія же наказанія въ видѣ казней, тюрьмы и ссылки—самое вопіющее изъ преступленій всего человѣческаго общества, преступленіе не только безполезное въ смыслѣ предупрежденія новыхъ преступленій, но и вредное, потому что нынѣшнія наказанія содѣйствуютъ усиленію преступности.

Авторъ полагаетъ, что Толстой „окажется сдѣлавшимъ больше своимъ романомъ, чѣмъ самые гуманнѣйшіе изъ курсовъ тюрьмовѣдѣнія, чѣмъ самые людные пенитенціарные конгрессы". Что Бичеръ-Стоу сдѣлала для упраздненія невольничества своей „Хижиной дяди Тома", то сдѣлаетъ Толстой своимъ „Воскресеніемъ" для упраздненія нынѣшняго уголовнаго рабства, воплощаемаго господствующей у насъ системой наказаній.

Книжка изобилуетъ примѣрами изъ исторіи уголовнаго права и ссылками на спеціалистовъ теоріи права, пришедшихъ къ тѣмъ же взглядамъ на наказаніе, что и Толстой, но не сдѣлавшихъ его выводовъ. То обстоятельство, что книжка написана юристомъ-практикомъ, хорошо знакомымъ съ изображаемымъ Толстымъ міромъ преступниковъ и ихъ судей и защитниковъ, придаетъ ей особливую цѣнность. Хотя и напечатанная первоначально въ видѣ статьи въ спеціальномъ юридическомъ журналѣ, она была замѣчена и переведена на нѣмецкій, французскій, англійскій, испанскій и польскій языки. Къ книжкѣ приложенъ автографъ Толстого, выразившаго автору благодарность за высказанныя имъ мысли. Гольденвейзеръ своей книжкой, какъ и Толстой своимъ „Воскресеніемъ“, содѣйствуетъ воспитанію въ читателѣ высшихъ чувствъ, просвѣтляя умъ и сердце и очищая ихъ отъ неразумія и злобы, скрывающихся во всякомъ современномъ судѣ. (И. Книжникъ. „Запр. Ж.“ 1912—14).

654. **Рогсвинъ, Л. М.** 351(003)

Законы объ обществахъ, союзахъ и собраніяхъ. Съ разъясненіями Сената и М-ва вн. дѣлъ и т. д. Изд. „Законовѣдѣніе“, Спб. 1912. Ц. 1 р.

Составитель втиснулъ въ небольшую (104 стр.) книжку какъ правила 4 марта, такъ и статьи закона, относящіяся къ обществамъ благотворительнымъ, пенсіоннымъ кассамъ, ученымъ обществамъ, сельско-хозяйственнымъ, народнымъ чтеніямъ; не удовлетворяясь перечисленнымъ, онъ добавилъ сюда и правила о богослужебныхъ и молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ. Благодаря такому стремленію объять возможно больше, ему не удалось достаточно полно и несесторонне выполнить главную свою задачу дать правила 4 марта въ ихъ современномъ видѣ, т.-е. съ исчерпывающимъ перечнемъ всѣхъ рѣшительно разъясненій, рѣшеній и доступныхъ ему циркуляровъ. Опущенъ цѣлый рядъ сенатскихъ рѣшеній по жалобамъ на дѣйствія присутствій объ обществахъ, имѣющихъ важное значеніе. По натумѣвшему дѣлу объ „обществахъ обывателей и избирателей“ сообщено лишь, что жалобы этихъ обществъ оставлены сенатомъ безъ послѣдствій, но не указаны мотивы, и не приведенъ министерскій циркуляръ, обосновавшій закрытіе этихъ обществъ. Точно также не находимъ мы и извѣстнаго циркуляра м-ва внутр. дѣлъ о проф. обществахъ, сыгравшаго, можно сказать, роковую роль для профессіональнаго движенія (о преслѣдованіи обществъ въ виду участія въ нихъ соціалъ-демократовъ). Составитель хорошо бы сдѣлалъ, если бы строго ограничилъ свою задачу правилами 4 марта, но зато въ этихъ предѣлахъ далъ бы исчерпывающій матеріалъ. Теперь же его сборникъ страдаетъ существенными пробѣлами и не освобождаетъ отъ необходимости разыскивать въ другомъ мѣстѣ сенатскія рѣшенія и пр. (В. Е. „Запр. Ж.“ 1912—14).

655. **Оболенскій, В. В., кн.** 355

Записки о войнѣ офицера запаса. Москва. 1912 г. Ц. 1 р.

Живымъ языкомъ, безыскусственно и правдиво разсказываетъ авторъ обо всемъ пережитомъ имъ за время послѣдней тяжелой войны. Горячая любовь къ солдату водитъ его перомъ при описаніи боевыхъ подвиговъ, покорности судьбѣ и безконечной выносливости этихъ несчастныхъ людей, оторванныхъ отъ семей и заброшенныхъ на далекую окраину. Авторъ—убѣжденный поборникъ дисциплины разума; рядъ горькихъ примѣровъ иллюстрируетъ кулачную дисциплину, такъ позорно провалившуюся во время боевыхъ испытаній. Возмутительное интендантское хищеніе, постыдное бѣгство генералитета и штабовъ во дни мукденскихъ бѣдствій, разореніе китайскаго населенія, безтолковщина россійскихъ канцелярско-военныхъ порядковъ, страданія раненныхъ, паденіе дисциплины въ послѣдній періодъ войны, безобразно поставленная эвакуація запасныхъ и возвращеніе въ объятую пламенемъ революціи Россію—все нашло свое отраженіе въ прекрасныхъ „Запискахъ офицера запаса“. Настоятельно рекомендую прочесть ее всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ арміи. Не дисциплиною кулака сильна современная армія, а внутренней спайкой, тѣсной духовною связью между солдатомъ и офицеромъ,—дисциплиною разума. Это ясно каждому, кто, какъ и мы, видѣлъ русскаго солдата на боевомъ полѣ и научился цѣнить въ немъ человѣка и брата. (Шт.-кап. Мамонтовъ. „У. Рос.“ 1912—81).

656. **д'Удинъ, Ж.** 701

Искусство и жестъ. Пер. кн. Сергѣя Волконскаго. Изд. „Аполлонъ“. СПБ. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Говорить по существу въ маленькой замѣткѣ о книгѣ Ж. д'Удина невозможно: эта книга и сложна и значительна. Наша цѣль—обратить на нее вниманіе русскихъ читателей. Ж. д'Удинъ—авторъ изслѣдованія о Глюкѣ и ряда сочиненій по вопросамъ общей эстетики. Предлагаемая работа, по признанію самого автора, находится въ прямой зависимости отъ научныхъ изысканій Феликса Ле-Дантэка и отъ эстетической методики уже извѣстнаго русской публикѣ Жака Далькроза.

Формальная наука, однимъ изъ представителей которой является Ж. д'Удинъ, все пристальнѣе и настойчивѣе изучаетъ общую подоснову искусства, открывая въ нашей психологіи эстетическую синэстезію. Сумасбродный другъ Верлена Рэмбо, сочинившій когда-то сонетъ, въ которомъ онъ приписываетъ каждой гласной опредѣленный цвѣтъ, не такъ былъ далекъ отъ истины, какъ это казалось его современникамъ. Всѣ области искусства подчинены одному принципу—ритму. Немудрено, что мы находимъ поразительныя аналогіи въ сферѣ музыки, поэзіи и искусства пластическаго.

Книга „Искусство и Жестъ“ написана съ энергіей и остроуміемъ, присущими гальскому характеру. Она представляетъ интересъ не только для ученыхъ спеціалистовъ. Ея несомнѣнное достоинство опредѣляется прежде всего тѣмъ, что научный методъ, которымъ пользуется авторъ, служитъ не къ умаленію искусства (какъ это случается нерѣдко, когда имъ злоупотребляютъ вульгарные „ученые“ въ родѣ Макса Нордау), а, напротивъ, къ утвержденію свободнаго творчества и къ оправданію крайнихъ дерзаній художника. Переводъ этой книги, добросовѣстно исполненный кн. С. Волконскимъ, долженъ еще разъ напомнить русскому обществу, что культура въ основѣ своей одна и что наука въ своихъ послѣднихъ выводахъ не противорѣчитъ самымъ высокимъ и таинственнымъ движеніямъ человѣческой души.

Возможно „алгеброй повѣрить гармонію“ и музыку „разъять, какъ трупъ“.. Но, разумѣется, даже совершенный и безусловный анализъ нашего творчества ничего не прибавитъ къ синтезу жизни и искусства: ковачи цѣнностей, художники, снимутъ шляпу передъ ученымъ и пойдутъ къ горну ковать свои мечи въ опасномъ огнѣ (Г. Чулковъ „У. Рос.“ 1912—81).

657. **Готфридъ, А.** 792(04)

Письма о театрѣ, ц. 25 к.

Авторъ книжки „Письма о театрѣ“ пользуется большой популярностью въ акторской массѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ союзѣ сценическихъ дѣятелей; на первомъ режиссерскомъ съѣздѣ г. Готфридъ былъ избранъ членомъ президіума съѣзда и выступалъ съ докладомъ, въ которомъ онъ горячо обличалъ невѣжество и ремесленничество артистовъ и требовалъ образовательнаго ценза для театральныхъ дѣятелей... И. уйдя со сцены, г. Готфридъ продолжаетъ борьбу „съ спекулянтами“ и „торгашами“...

Въ отдѣлѣ „Театръ будущаго“ г. Готфридъ рисуетъ формы „грядущаго свободнаго театра“.

Много мѣста въ своей книжкѣ авторъ удѣляетъ также вопросамъ крестьянскаго театра. Вся книжка проникнута глубокой любовью къ родному искусству, вѣрой въ лучшее будущее и горячимъ призывомъ къ возрожденію... (А. В. „Стол. Молва“ 1912—238).

658. [. . . .] 8—8

XXXVIII Сборникъ т-ва „Знаніе“ за 1912 г., Спб. Ц. 1 р.

По временамъ жизнь какъ-будто совсѣмъ оставляетъ сборники „Знанія“. На всемъ матеріалѣ печать застоя и обыденности. Ничто не волнуетъ, не затрагиваетъ и не возбуждаетъ надеждъ. Въ глубинѣ души даже мелькаетъ опасеніе: не умираетъ ли вся наша литература, если могутъ появляться такія мертвыя книги, безъ души, безъ физіономіи?.. Таковъ настоящій сборникъ. И отъ стиховъ, и отъ прозы его, съ хорошими, даже почтенными именами, вѣетъ безсиліемъ и непереваримой скукой.

Наиболѣе горестное впечатлѣніе производитъ стоящая на первомъ планѣ коротенькая „сказка“ Горькаго. Что-то она должна символировать, но что именно, докапываться не хочется, такъ она вымучена... Да и плоха та аллегорія, къ которой надо подыскивать ключи! Въ этомъ, не только не яркомъ, но и съ внѣшней стороны нескладномъ произведеніи, словно совсѣмъ нѣтъ Горькаго. Нѣтъ тѣхъ свѣжихъ бодрыхъ нотъ, которыми онъ сталъ дорогъ русской литературѣ и русской жизни.

Большую часть сборника занимаетъ жидкая растянутая повѣсть Гусева-Оренбургскаго: „Въ глухомъ уѣздѣ“. Она неплоха, даже для средняго читателя занимательна, но блѣдна и слишкомъ длинна. Авторъ хорошо знаетъ поповскую среду; отцы духовные всегда обрисованы у него ярко и правдиво (а въ прежнихъ произведеніяхъ даже съ огонькомъ). Въ новой повѣсти цѣлый рядъ разнообразныхъ типовъ. Авторъ затрагиваетъ всѣ обычно интересующія его проблемы въ жизни духовенства: „проблемы пола“—не только у идовствующихъ, но и женатыхъ, трагизмъ невѣрія и соотношеніе науки и религіи. Все это уже было въ его прежнихъ произведеніяхъ, а здѣсь сильно разбавлено и потому меньше интересуетъ. Можетъ быть, что поблѣдѣніе и посѣрѣніе хорошаго бытописателя духовенства—явленіе временное и объясняется его недавними экскурсіями въ чужую для него область „модернизма“. Хорошо, что онѣ кончились.

Въ сборникѣ еще есть выразительный, но скучноватый разсказъ Бунина: „Захаръ Воробьевъ“, написанный въ обычномъ стилѣ его деревенскихъ разсказовъ (Е. Колтоновская. „Рѣчь“ 1912—96).

659. **Шекспиръ, В.** 82

Собр. соч. въ двухъ томахъ. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изд. «Окто». Т. I. Стр. 362. М. 1912 Ц. 2 р. 50 к.

Лучшимъ изданіемъ сочиненій Шекспира у насъ считается 5 томное, вышедшее въ 1901—1903 гг., подъ ред. С. Д. Венгерова. Но это прекрасное изданіе по своей цѣнѣ (40 руб.) доступно очень немногимъ. Изд. подъ ред. А. Е. Грузинскаго являются вполнѣ удачной попыткой дать хорошее, сравнительно недорогое, популярное собраніе лучшихъ и главнѣйшихъ произведеній Шекспира. Онъ представленъ съ разнообразныхъ сторонъ и въ лучшихъ переводахъ. Кромѣ того, въ первомъ томѣ даны двѣ статьи общаго характера—„Шекспиръ. Очеркъ жизни и дѣятельности“. проф. И. И. Стороженки и „День въ англійскомъ театрѣ временъ Шекспира“. С. Э. Вормса. Изданіе снабжено довольно хорошо исполненными многочисленными снимками съ картинъ извѣстныхъ европейскихъ художниковъ. („Соврем.“ 1912—III).

660. **Кроммелинкъ, Ф.** 84 (493)

«Ваятель масокъ». Трагическій символъ въ одномъ дѣйствіи. Переводъ К. Бальмонта. М. 1912. Ц. 50 к.

Имя бельгійскаго драматурга Кроммелинка ничего не говоритъ русскому читателю; да и въ Бельгіи ему не было до сихъ поръ посвящено обстоятельныхъ критическихъ этюдовъ. Между тѣмъ „Le sculpteur de masques“—оригинально задуманное, полное неподдѣльнаго трагизма произведеніе, которое дѣйствуетъ сильно именно потому, что оно отличается такою краткостью и сжатостью, и многое остается недоговореннымъ, едва намѣченнымъ. Хотя у Кроммелинка есть нѣчто свое, самобытное, отличающее его отъ предшественниковъ, можно все-же указать ту литературную традицію, къ которой онъ восходитъ: это—ранняя манера Метерлинка. Въ своей символической, полной жуткаго настроенія драмѣ Кроммелинкъ также передаетъ нервныя переживанія, инстинктивный страхъ, безотчетное ощущеніе близости чего-то ужаснаго, пользуется иногда полунамеками, отрывистыми фразами, лихорадочнымъ шопотомъ, стонами и болѣзненными возгласами; извлекаетъ извѣстную пользу для основного сюжета даже изъ того, что дѣйствіе происходитъ вечеромъ и ночью. Въ сосѣдней комнатѣ умираетъ женщина, заставшая однажды своего мужа, ваятеля масокъ Паскаля, у ногъ своей родной сестры Мадлэны, узнавшая, такимъ образомъ, тайну ихъ любви и зачахнувшая отъ горя. На протяженіи всего акта доносятся только стоны и хрипъ несчастной женщины, она не произноситъ ни слова,—и все же она является важнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой драмы, въ которой на первомъ планѣ стоятъ духовныя переживанія и угрызенія совѣсти Мадлэны и Паскаля. Въ пьесѣ есть нѣсколько безусловно сильныхъ мѣстъ, въ родѣ, на-

примѣръ,сцены между Мадлэной и прокаженнымъ; наряду съ этимъ нельзя однако отрицать и того, что Кроммелинкъ порой отводитъ слишкомъ много мѣста элементу болѣзненному, кошмарному(это въ особенности чувствуется ближе къ концу пьесы) и что нѣкоторыя детали, даже изъ числа наиболѣе существенныхъ, производятъ впечатлѣніе извѣстной вычурности и погони за необычными эффектами. (Ю. В. „Рус. Вѣд.“ 1912-83).

661. **Гливенко, Н. И.** 85.09

Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Изслѣдованіе. Т. I. Спб. 1912. Стр. XX+346+4 +108. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Напрасно извиняется авторъ, что избралъ для своего изслѣдованія иностраннаго писателя. Несмотря на скудость русской литературы о западныхъ авторахъ, русскіе кое-что сдѣлали для изученія послѣднихъ. Напомнимъ хотя бы труды М. Розанова о Руссо, Александра Веселовскаго о Боккаччіо, А. И. Стороженко о Шекспирѣ. Что касается до великаго итальянскаго трагика,то онъ имѣетъ особыя права на вниманіе въ Россіи,такъ какъ вліялъ на русскую литературу и идейной стороною своихъ произведеній и своими теоретическими взглядами.Съ послѣдними считался самъ Пушкинъ (переведшій монологъ королевы изъ трагедіи Альфьери „Филиппъ“). Баратынскій называлъ Альфьери „величайшимъ поэтомъ“. Его„Филиппъ“ былъ переведенъ на русскій языкъ нѣсколько разъ; впервые, въ прозѣ, еще А. С. Шишковымъ, но г. Гливенко хорошо сдѣлалъ,что приложилъ къ книгѣ свой переводъ, въ стихахъ и притомъ чрезвычайно близкій къ подлиннику. Въ первый томъ изслѣдованія вошли жизнеописаніе Альфьери и изложеніе его поэтики. По отношенію къ біографіи задача г. Гливенко была особенно трудна,такъ какъ здѣсь ему пришлось соперничать съ такимъ строгимъ критикомъ-біографомъ, какъ Эмиліо Бертана и такимъ художникомъ-біографомъ, какъ самъ Альфьери, оставившій исторію своей жизни, но знаніе всѣхъ источниковъ, не исключая бумагъ Альфьери, помогло г.Гливенко прекрасно справиться со своей задачей. Изложеніе поэтику Альфьери, авторъ очень остроумно провелъ границу между его теоретическими воззрѣніями и практическимъ осуществленіемъ ихъ. Въ приложеніи помѣщены нѣсколько неизданныхъ произведеній Альфьери. Вообще, книга г.Гливенко — хорошій образецъ ученой работы. (Н. Л. „Рѣчь“ 1912—70.).

662. **Ахматова, А.** 891.7

„Вечеръ“. Съ предисловіемъ М. Кузмива. Съ фронтисписомъ въ 3 краски. Е. Лансере. Спб. 1912. Цѣна 90 к. Изд.Цеха поэтовъ.

Голосъ, запѣвшій въ стихахъ А. Ахматовой, вѣщаетъ свою женскую душу. Здѣсь все женское: зоркость глаза, любовная память о милыхъ вещахъ, грація—тонкая и чуть капризная. Эта грація, эта не столько манерность, столько видимость манерности, кажется нужной, чтобы закрыть раны, потому что подлинный лирикъ всегда раненъ, а А. Ахматова—подлинный лирикъ. „Я была, какъ и ты, свободной, но я слишкомъ хотѣла жить. видишь, вѣтеръ, мой трупъ холодный, и некому руки сложить“... Въ этомъ и многихъ подобныхъ почти „прозаическихъ“ и потому глубоко лирическихъ признаніяхъ теплится самое сердце лирики. Не трудно найти литературную генеалогію А.Ахматовой.Конечно, должны вспомниться (изъ русск. поэтовъ)И. Анненскій и Кузминъ, Сологубъ и Блокъ.Но неострая горечь Анненскаго, не меланхолія Кузьмина, не мистическое томленіе Сологуба, не взрывы восторга и отчаянія Блока слышны въ этой книгѣ. Это скорѣе сдавленная боль, сжатые губы и глаза, готовые заплакать. Рядомъ съ этою лирическою обнаженностью — причудливыя загадки и изысканные образы. Въ разсказахъ нарядныхъ и ироническихъ, тонко стилизованныхъ и чуть жеманныхъ стихъ и голосъ Ахматовой крѣпнетъ. Но намъ жаль ея другого, не крѣпкаго голоса. Въ уклонѣ къ подобнымъ темамъ для автора соблазнъ и опасность; опасность не потому, что въ поэзіи могутъ быть темы запретныя, но только потому, что тема Ахматова—больше. (В. Гиппіусъ.„Нов. Ж.“. 1912—3.)

663. **Егоровъ, П.** 891.7

Холера. Повѣсть. Кн-во. „Порывы“, В. П. Португалова. Москва, 1912 г. Ц. 50к.

Помощникъ капитана Петръ Васильевичъ,герой повѣсти П. Егорова „Холера“,страдаетъ отъ вѣчно зіяющей мучительной пустоты въ сердцѣ, отъ навязчивыхъ мыслей объ одиночествѣ и безсиліи въ мозгу.

Онъ начитался Ницше и, объятый жаждою подвиговъ, хочетъ смѣло и гордо рвануться впередъ къ новой красивой жизни, завоевать эту жизнь и найти сверхчеловѣка.

Не зная, чѣмъ и какъ помочь ближнему, онъ рѣшаетъ, наконецъ, отправиться къ покинутому всѣми умирающему холерному больному. Но его, конечно, не спасаетъ. А, заразившись, умираетъ и самъ.

Передъ кончиною онъ диктуетъ письмо своему другу, о. Варсонофію, гдѣ отказывается отъ всѣхъ своихъ прежнихъ исканій, во всемъ видитъ только тьму и ложь, безпощадную, нелѣпую ложь.

„Если передъ тобою когда-нибудь выростетъ стѣна, за которой тебѣ рисуется могучее, вѣчное солнце,—пишетъ онъ,—ты не вѣрь, не вѣрь“.

Мало-ли такихъ Петровъ Васильевичей на святой Руси?

Мало-ли людей, не умѣющихъ примѣнить своихъ силъ на что-нибудь нужное и полезное, очертя голову, безцѣльно бросающихся въ пропасть и передъ паденіемъ проклинающихъ весь пройденный путь!

Но, вѣдь, средства — одно, а цѣль другое. И несостоятельность первыхъ еще не доказываетъ несостоятельности второй.

Неправда, Петры Васильевичи, солнце есть—вѣчное, ликующее солнце. Итти къ нему надо. Но только не такъ, какъ идете вы.

Выросла стѣна на пути, нельзя ее преодолѣть: сверните въ сторону. Много есть еще другихъ путей и перепутій. Много есть еще дорогъ.И всѣ онѣ ведутъ „въ Римъ“.

А вы бросаетесь напроломъ и, конечно, разбиваете головы о кирпичи.

Написана повѣсть хорошо, безо всякихъ претензій и лишнихъ умствованій. („Г. М.“ 1912-81).

664. **Зенкевичъ, М.** 891.7

Дикая порфира. Спб. 1912. Изд. Цеха поэтовъ.

Книга М. Зенкевича оставляетъ впечатлѣніе большихъ возможностей, большой борьбы и рав-

но частыхъ пораженій и побѣдъ. Значительно и ново прежде всего его ощущеніе міра, проникновеніе въ то, что Баратынскій назвалъ „дикой порфирой" природы, а Вл. Соловьевъ—грубою корою вещества. Пропитанный научнымъ натурализмомъ, видящій въ „радостномъ мірѣ" человѣческаго тѣла прежде всего „алое мясо и розовый жиръ", г. Зенкевичъ обладаетъ тѣмъ-же „кровожаднымъ нюхомъ", какъ и герой его Коммодъ, который любилъ, „какъ конюхъ, паръ конюшенъ и запахъ бойни, какъ мясникъ". Въ этихъ пѣснях о плоти звучитъ возможность гимна какому-то еще „сумрачному" богу. Будь онъ не сумрачнымъ, а свѣтлымъ, и плоть стала-бы для поэта не только „алымъ мясомъ", но воистину „радостнымъ міромъ", стала-бы тѣломъ, душою, духомъ. Естественно—научное отношеніе къ міру, населяющее вселенную Зенкевича вымершими чудовищами, придастъ книгѣ новизну и значительность, но опредѣляетъ и ея недостатки. Стихъ его напыщенъ и грубъ, часто намѣренно грубъ, но именно потому онъ иногда достигаетъ большой изобразительности, иногда же его почти нельзя преодолѣть. На насъ не дѣйствуютъ ни „всѣхъ возможностей жуткихъ іоны", ни „стремительный геній", ни „распаленные электроны". (В. Гиппіусъ. „Нов. Ж." 1912—3.

665. **Крашенинниковъ, Н. А.** 891.7

Барышни. Романъ. Изд. „Московскаго Кн-ства". М. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Названіе романа врядъ-ли подходитъ къ такому эскизному, незаконченному произведенію, какъ „Барышни". Оно оставляетъ странное двойственное впечатлѣніе, какъ и другія, довольно многочисленныя произведенія того же автора, наприм., „Двѣ жизни", или „Дѣти". Въ немъ есть очень привлекательныя черты. Мѣстами „Барышни" чаруютъ своею искренностью, задушевностью, непосредственностью. Интимностью тона, глубиной переживаній и умѣньемъ проникать въ самыя затаенныя области человѣческаго духа. Крашенинниковъ выгодно выдѣляется среди современныхъ авторовъ, фабрикующихъ романы на модныя темы. Нѣтъ въ его произведеніяхъ никакой „литературщины"... Но зато нѣтъ въ нихъ и кой-чего общеобязательнаго, необходимаго для настоящей литературы: нѣтъ того, что обыкновенно опредѣляетъ писательскую физіономію. Крашенинниковъ пишетъ давно, пишетъ неплохо—снѣжно и литературно; онъ успѣлъ пріобрѣсти технику и умѣетъ справляться съ своими темами, а яснаго, ярко очерченнаго писательскаго облика у него нѣтъ. И это—не природный его недостатокъ. Писатель, просто, слишкомъ во власти собственныхъ переживаній, не можетъ ихъ преодолѣть и хоть немного объективировать ихъ для творчества. Онъ безпомощно тонетъ въ нихъ...

Нѣжныя и изящныя, дышащія искренностью непосредственныхъ признаній произведенія Крашенинникова немного напоминаютъ женскіе романы, тѣ романы-исповѣди, которые заключаютъ въ себѣ проникновенный разсказъ о пережитомъ. Они пишутся разъ въ жизни, а если и не разъ, то все объ одномъ и томъ же съ точнымъ воспроизведеніемъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ, положеній и характеровъ.

Въ каждомъ изъ романовъ Крашенинникова—приблизительно одна и та же картина: затхлая затворническая жизнь и запуганный человѣкъ, трепещущій передъ проблемой бытія, передъ проблемой пола (трактуемой очень осторожно и изящно). Среди женскихъ образовъ, вообще, жутко интригующихъ автора, онъ облюбовалъ одинъ: образъ хрупкой, неприступно-мѣломудренной и затаенно-страстной Таси. Она и фигурируетъ въ его романахъ, иногда даже безъ перемѣны имени. Тася—ярко выраженная женственность, почти символъ женственности, и потому въ основѣ своей природы она пассивна, безпомощна передъ загадками жизни. Впрочемъ, въ отношеніи пассивности не отстаетъ отъ нея и самъ авторъ. И оба они безплодно трепещутъ, какъ двѣ жалкія рыбки, попавшія въ большую сложную сѣть...

Романистъ—не лирикъ. Онъ не можетъ безпрестанно вращаться въ кругѣ однихъ и тѣхъ же переживаній и черпать пищу для творчества только изъ себя: онъ зачахнетъ. Гибельно отражается такая тѣснота и односторонность и на Крашенинниковѣ. Его литературное будущее всецѣло зависитъ отъ того, научится ли онъ господствовать надъ своими настроеніями и претворять сырой матеріалъ своихъ мыслей и чувствъ въ творчество. Было бы жаль, если бы этого не случилось. У Крашенинникова хорошія писательскія данныя: талантъ, художническая впечатлительность и большая, искренняя любовь къ литературѣ. (Е. Колтоновская. „Рѣчь" 1912—89).

666. **Русовъ, Н. Н.** 891.7

Озеро. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Книгоиздательство „Звѣзда". 1912 г. Ц. 1 р.

Этотъ романъ, прежде всего,—не романъ. Въ немъ отсутствуетъ стройность композиціи громоздкаго типа, къ которой пріучены читатели сочиненій, озаглавленныхъ романомъ. Романъ есть все же обязывающая форма, и ея-то и не соблюлъ писатель, задумавшій этотъ романъ. Это—долгая и очень искренняя исповѣдь героя „Озеро" Ильи Топоркова и затѣмъ отраженная исповѣдь того же героя въ душѣ Анны Рюминой,—дѣвушки, стихійно полюбившей Илью, отъ имени которой написана вторая часть романа. Въ чемъ сюжетъ? Рядъ яркихъ картинъ, рисующихъ провинціальную жизнь, жизнь „мѣщанъ", разбогатѣвшихъ около фабрики. Яркія картины лѣса, ночи, туманнаго озера, рабочихъ поселковъ и осеннихъ рощъ. Авторъ сильно чувствуетъ и живо передаетъ „среду": природу или людей—все равно. Въ чемъ содержаніе „Озера"?

Человѣкъ—въ пустынѣ, человѣкъ не знаетъ ни себя, ни другого. Онъ не знаетъ, почему онъ любитъ, кого онъ полюбитъ. Нарисованъ типъ умнаго, нервнаго, приложеннаго къ „дѣлу" и совсѣмъ молодого еще человѣка. Въ студенчествѣ, въ ранней юности была сумбурная жизнь, полупьяная, полусчастливая въ городѣ. Теперь—онъ нашелъ путь. Онъ работаетъ на фабрикѣ отца, онъ—инженеръ. Но кругомъ нѣтъ той жизни, о которой мечтаетъ душа, которой жаждетъ воображеніе. Рабочіе, мужики, господа, чиновники, интеллигенты пьютъ, развратничаютъ, топятъ тоску. И вотъ у него загорается любовь. Сначала онъ любитъ Марѳушку. Это—первая, искренняя, сильная любовь, но она элементарна. Онъ интеллигентенъ, онъ слишкомъ аналитикъ, онъ отходитъ отъ нея. И на глазахъ у него, на его же фабрикѣ Марѳушка становится дѣвкой. Это ярко написано. Тогда наступаетъ новая пора для героя. За озеромъ въ старой усадьбѣ живетъ тонко сотканная, интеллигентная дѣвушка, это—она.

Вокругъ озера, на берегахъ его—всѣ эти сладкія и мучительныя свиданія. Сколько разсказываетъ каждый,—и онъ, и она,—своего самаго дорогого, самаго глубокаго, чтобы добиться пониманія одинъ другого. И въ результатѣ—разрывъ, катастрофа не отъ стеченія обстоятельствъ, а отъ того, что и они—чужіе другъ другу. И герой Илья Топорковъ бросается въ озеро. Таковъ конецъ, такъ рѣшаетъ проблему жизни и смерти за любовь авторъ. (В. Сахновскій. „У. Рос." 1912—81).

667. **Чумаченко, А.** 891.7

Стихи. М. 1912. Ц. 60 к.

Читая съ глубокимъ увлеченіемъ стихи г-жи Чумаченко, забываешься и не замѣчаешь, гдѣ кончается художникъ, влюбленный въ жизнь и природу и воспѣвающій ихъ, и гдѣ начинается поэтъ съ мятущейся душой, ищущій новыхъ красотъ міра и идущій все выше и выше, къ вершинамъ, высотамъ свободнымъ, гдѣ вѣтеръ обвѣваетъ лицо...

Въ стихахъ талантливой поэтессы нѣтъ ни звука отчаянія, ни слова ропота, ни одной гримасы, которые-бы давали намъ хотя косвенный намекъ на то, что жизнь страшна, что „смерть и сѣрое время царятъ на землѣ"... Словомъ, все то, что мы видимъ почти въ каждой книгѣ современнаго поэта и писателя. Даже мысль о смерти, и та не страшитъ жизнерадостную поэтессу. Она говоритъ:

Если свѣтлой милой жизни смерть нужна,
какъ завершенье,
Какъ размахъ послѣдній крыльевъ,
уносящихъ къ высотѣ,
То свободной сильной птицей, полной
страстнаго стремленья,
Я хочу уйти изъ жизни, отъ земли къ
иной чертѣ.....
. . . . . .
Умереть хочу я въ бѣгѣ, на тропѣ,
ведущей въ горы,
Умереть, оставивъ жизни пѣсни - сказки,
пѣсни-сны.
Какъ, отхлынувъ, оставляютъ волны
раковинъ узоры,—
Даръ послѣдній, даръ вскипѣвшей
и разбившейся волны...

Среди безчисленнаго хаоса книгъ со стихами, выброшенныхъ на рынкахъ поэтами всѣхъ оттѣнковъ и направленій,--бушующая волна исканій, порывовъ и разочарованій, дѣйствительно, выбросила намъ самоцвѣтную раковинку! Это—книжечка „пѣсенъ-сказокъ" „пѣсенъ юношескихъ словъ" г-жи Чумаченко. (С. Фоминъ. „Волгарь" 1912—93).

668. **Шмелевъ, Ив.** 891.7

Разсказы. Т. II Издательское т-во писателей. Спб. 1912. Стр. 288. Ц. 1 р. 25 к.

Ободренный успѣхомъ „Человѣка изъ ресторана", г. Шмелевъ выступилъ со вторымъ сборникомъ своихъ разсказовъ—и, кажется, сдѣлалъ это напрасно. Не потому, чтобы разсказы, собранные во второмъ томѣ произведеній г. Шмелева, были совсѣмъ плохи, но потому, что когда писатель начинаетъ выдвигаться въ общемъ вниманіи, ему нѣтъ нужды какъ разъ въ это время напоминать о старыхъ своихъ произведеніяхъ, которыя ему на это особое вниманіе права не давали. Среди разсказовъ сборника есть недурные, есть неудачные, но, кажется, и тѣ и другіе съ одинаковою отчетливостью рисуютъ довольно существенный недостатокъ литературной физіономіи г. Шмелева: ея отсутствіе. Хороши или плохи разсказы г. Шмелева, худо то, что плохіе изъ нихъ могъ написать Баранцевичъ, хорошіе—Купринъ, а на долю собственно Шмелева ничего бы не осталось, впрочемъ нѣтъ: Купринъ или Сергѣевъ-Ценскій запечатлѣли-бы свой разсказъ своею индивидуальностью, у г. Шмелева этого не видно, а вѣдь только это важно. Непонятно, какъ человѣкъ, несомнѣнно не лишенный дарованія, можетъ такъ плохо разбираться въ своемъ собственномъ творчествѣ. Рядомъ печатаетъ г. Шмелевъ разсказы „Подъ небомъ" и „Надъ горами": первый ясенъ, простъ и правдивъ, второй—натянутое сочинительство, каждая строчка котораго кричитъ, что авторъ разсказываетъ о вещахъ, ему безконечно чуждыхъ"...

„За нѣсколько лѣтъ до г. Шмелева эту-же „зададачу трехъ тѣлъ" въ той-же Ялтѣ, въ той же комбинаціи проводникъ+татарка+пріѣзжая барыня—пытался поставить г. Купринъ, но бросилъ своего „Меджида". Г. Шмелевъ пошелъ дальше, потратилъ много выдумки, а еще больше этнографической наблюдательности, которая у него, несомнѣнно, есть—и ничего важнаго, интереснаго, *своего* сообщить читателю не сумѣлъ. Не сумѣетъ онъ, кажется, сообщить что-нибудь существенное также о жизни интеллигентовъ, которая какъ будто ему чужда, какъ жизнь ялтинскихъ проводниковъ. Совершенно иные результаты выноситъ г. Шмелевъ изъ наблюденій надъ русскими низами. Здѣсь онъ можетъ видѣть и обобщать, здѣсь онъ набирается силъ, здѣсь мѣняется его языкъ, пріобрѣтая звонкость и выразительность подлинной народной рѣчи. Конечно, дать стиль „Человѣку изъ ресторана" ему удалось не вполнѣ: ему помѣшало первоначальное заданіе. Выдержать лакейскую манеру можно на протяженіи получаса, т. е. печатнаго листа; заполняя цѣлую книгу, этотъ стиль надоѣдливъ, манеренъ и скоро перестаетъ быть убѣдительнымъ, особенно для человѣка, уже утомленнаго сантиментальною тенденціозностью автора. Но за натянутостью стиля и назойливостью благихъ намѣреній всетаки раскрывается психологія, и личная, и классовая, виденъ человѣкъ въ типѣ, и виденъ типъ въ человѣкѣ. Еще лучше мелкіе народные разсказы г. Шмелева, изъ которыхъ въ сборникъ вошли „Подъ небомъ" и „На томъ берегу". Непритязательно и въ старой манерѣ, но какъ сочно, какъ чувствуется острое зрѣніе и напряженное чутье народнаго настроенія. Здѣсь, кажется намъ, область, въ которой можетъ развернуться дарованіе г. Шмелева; а романтическихъ проводниковъ, блазированныхъ земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ дамъ изъ „высшихъ натуръ" ему лучше не касаться и въ дальнѣйшемъ не напоминать читателямъ о своихъ первыхъ, мало удачныхъ опытахъ въ этихъ сферахъ. („Рус. Бог." 1912—3).

669. **Яблочковъ, Г.** 891.7

Разсказы, т. I. Изд. т-ва писателей. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Яблочковъ любитъ психологическія темы. Центръ его художественнаго вниманія—душа. Интересуютъ его не простая душа, не обыденная человѣческая психологія, а больная душа, искаженная психологія. Вотъ предъ нами анархистъ Полетаевъ, убившій фабриканта Джемса, котораго сами рабочіе считаютъ хорошимъ чело-

вѣкомъ (разск. „Товарищъ Полетаевъ"), а вотъ механикъ Парфенокъ, который борется все время съ видимымъ только ему чортомъ (разск. „Гибель звѣзды") и погибаетъ въ этой борьбѣ; наконецъ, типъ куртизанки Доры (разск. „Ночное кафе"), которая жаждетъ, чтобы ее убили. Все это души больныя, все это типы, стоящіе за чертой обыденной психологіи. Но отъ психологическихъ экскурсій Г. Яблочкова въ пропасти больныхъ душъ вѣетъ слишкомъ большимъ холодомъ знанія. Г. Яблочковъ много знаетъ, много наблюдаетъ. Онъ не художникъ, „мудрый дитя", а скорѣе художникъ, умудренный опытомъ. И тамъ, гдѣ кончается опытъ, гдѣ нужно прозрѣніе, художественная интуиція, гдѣ извилины психологіи человѣческой души не поддаются описанію, неуловимы никакимъ опытомъ, тамъ перо Г. Яблочкова почти безсильно.

Когда читаешь разсказы Г. Яблочкова, создается впечатлѣніе, что они написаны докторомъ-психіатромъ, обладающимъ литературнымъ талантомъ, но только не художникомъ an sich, не художникомъ „милостью Божіей". Все, что касается внѣшняго эксперимента надъ больной душой, все это у него хорошо; тамъ же, гдѣ душа выходитъ за предѣлы опыта, гдѣ все—загадки, вопросы, бездны, тамъ все сѣро, неинтересно у г. Яблочкова. Въ общемъ, все-таки книга разсказовъ Г. Яблочкова производитъ хорошее впечатлѣніе.

Книга издана изящно. (С. Кванинъ. „Ил. Обозр. Гол. М." 1912 г.

670. **Брусянинъ, В. В.** 891.7.09

Леонидъ Андреевъ. Жизнь и творчество. М. Кн-во К. Ф. Некрасова. 1912. Стр. 126. Цѣна 50 к.

Книжка г. Брусянина—довольно безпорядочная, но во многихъ частностяхъ небезынтересная компиляція, составленная по существующимъ въ печати біографическимъ даннымъ и критическимъ отзывамъ, а также по автобіографическимъ замѣчаніямъ самого г. Андреева. Писатель, такимъ образомъ, вольно или невольно, привлеченъ къ изображенію своего собственнаго облика. Нужно сказать, что вообще г. Андреевъ слишкомъ щедръ на сообщенія о себѣ, проявляя на каждомъ шагу ту суетливую заботливость о своемъ увѣковѣченіи, надъ которой такъ справедливо смѣялся Пушкинъ („будущій мой біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ біографа, объ этомъ будетъ заботиться"). Чрезмѣрная откровенность г. Андреева иногда заходитъ слишкомъ далеко, и больно бываетъ слѣдить за разсказами его о такихъ интимныхъ сторонахъ жизни, о которыхъ не всякому слѣдуетъ говорить; онѣ только питаютъ праздное любопытство публики, а „будущій біографъ" самъ найдетъ ихъ. Еще менѣе стѣсняется г. Андреевъ въ автосужденіяхъ. Что думаетъ о Леон. Андреевѣ самъ г. Брусянинъ, этого мы ни въ какихъ цитатахъ, изъ которыхъ и слѣплена вся книжка, не прочитаете. „Ликуй, герой, ликуй—герой ты", поетъ г. Брусянинъ, и дальше этого не идетъ его наивная критическая „лирика". (Л. „Рѣчь". 1912—96).

671. **Закржевскій, А.** 891.7.09

„Карамазовщина". Психологическія параллели. Достоевскій. Валерій Брюсовъ, В. В. Розановъ, М. Арцыбашевъ. Кіевъ. 1912.

...Не только въ русской литературѣ, но и во всей литературѣ европейской нѣтъ писателя, изстрадавшейся, истомившейся душой проникшаго во всѣ тайные изгибы больныхъ душъ, какъ сумѣлъ это сдѣлать Достоевскій.

Когда наша жизнь потечетъ по болѣе правильному руслу, люди будутъ читать и перечитывать Достоевскаго и ихъ души будутъ только становиться чище и свѣтлѣе отъ этого проникновенія въ чужія душевныя раны. Это будетъ, но не можетъ, не должно быть сейчасъ. Нельзя совѣтовать сейчасъ широкой публикѣ читать Достоевскаго. Да и не всякій пойметъ его. Нужно дорости до него, а теперь, въ борьбѣ за хлѣбъ насущный, нѣтъ времени, нѣтъ силъ работать надъ утонченіемъ своей души. Достоевскаго можетъ понять только душа утонченная. Не могутъ, не должны сейчасъ читать Достоевскаго ни рабочіе, ни крестьяне, ни даже наша учащаяся молодежь. Достоевскій—достояніе немногихъ, весьма немногихъ людей, которые при всей остротѣ насущныхъ вопросовъ, умѣютъ отрѣшаться отъ дѣлъ минуты для углубленія въ тайныя бездны душевныхъ проваловъ надорванныхъ душъ. Если не нуженъ Достоевскій для большинства, то тѣмъ болѣе—мы должны признать—не нужна въ наше время для большинства и книга А. К. Закржевскаго „Карамазовщина". Эта книга родилась не во время—время ей въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда свободные люди будутъ развивать съ ея помощью свое близорукое зрѣніе, будутъ учиться при ея свѣтѣ взглядываться въ бездонный мракъ душъ своихъ собратьевъ. Со временемъ эту книгу призваютъ цѣнною, сейчасъ про нее скажутъ: „лишняя, ненужная"... или..., или... будутъ ее замалчивать присяжные критики. Въ предисловіи къ книгѣ авторъ излагаетъ свой взглядъ на критику: „Въ большинствѣ случаевъ критика исполняла второстепенную должность въ литературѣ, она играла въ ней роль суфлера, была чѣмъ угодно: компиляціей, объяснительнымъ чтеніемъ, публицистикой, журналистикой, филологическими разысканіями, но не тѣмъ, чѣмъ бы ей слѣдовало быть въ наше время—творчествомъ. Для меня же это творчество составляетъ то главное, ради чего стоитъ писать, что даетъ совершенно новое освѣщеніе личности художника въ критикѣ. „Для меня задачей является не переложеніе своими словами того, что создалъ писатель, а—проникновеніе въ глубину души его, психологическій анализъ, содержаніе сущности его творчества сквозь призму моихъ собственныхъ переживаній, исканій и запросовъ". Такимъ образомъ авторъ, какъ говоритъ дальше, живетъ въ произведеніяхъ разсматриваемаго писателя, живетъ мыслью и душой. Именно эту задачу блистательно выполняетъ А. К. Закржевскій. Своей утонченной, больной истерзанной душой онъ переживаетъ всѣ бездонныя муки этихъ тайныхъ проваловъ души, которые показалъ намъ Достоевскій. Всѣмъ, кому дорогъ Достоевскій, книга А. К. Закржевскаго будетъ близкою, родною. (О. Прохаско. „Огни". 1912—15).

672. **Колтоновская, Е. А.** 891.7 09

„Критическіе этюды". Изд. „Просвѣщенія". Спб., 1912. Стр. 292. Ц. 1 р. 25 к.

Наряду съ двумя основными темами, занимающими автора—темой интеллигента, и темой де-

ревни, старой и новой—во второй части „Этюдовъ“ имѣются и чисто случайные наброски, каковы замѣтки о разсказахъ А. Грина, номинальныя замѣтки о Скабичевскомъ, Фофановѣ и др., Написанныя къ моменту, трактующія газетную злобу дня и притомъ крайне сжатыя по условіямъ газетной работы, онѣ не должны бы быть перенесены въ тотъ отстой дѣятельности критика, какимъ является отдѣльная книга.

Напротивъ, впечатлѣніе обстоятельности и обоснованности, какихъ мы требуемъ отъ книги, производятъ небольшія статьи объ „Интеллигентѣскитальцѣ“ В. Г. Танѣ, о письмахъ Чехова, о писателяхъ изъ народа, о читательскомъ голодѣ и др.

Въ первомъ отдѣлѣ выдѣляется свѣжая статья о „Писателѣ-интеллигентѣ“, гдѣ правильно охарактеризованы черты писательской личности В. Вересаева, именно извѣстныя черты русскаго интеллигента, лишній разъ проявившіяся въ недавнемъ рядѣ статей Вересаева „Живая жизнь“ (въ „Современномъ Мірѣ“), о Достоевскомъ и Толстомъ,—его склонность къ самокритикѣ, его эмоціональность и субъективизмъ.

Той же темы касается статья о В. Танѣ, объ „Интеллигентѣ и деревнѣ“, отчасти о Бѣлинскомъ („Критикъ-идеалистъ“). Вопросамъ деревни, старой и новой, посвящены этюды о Рѣшетниковѣ, Родіоновѣ и Буниновѣ. Нѣсколько этюдовъ разсматриваютъ послѣднія произведенія Арцыбашева и новый реализмъ (творчество Сергѣева-Ценскаго). (Л. В. „Рѣчь“. 1912—70).

673. **Масловъ, В. И.** 891.7.09

Литературная дѣятельность К. О. Рылѣева. Кіевъ. 1912. Стр. V+371+144.

Эта работа составилась,—заявляетъ авторъ,—изъ студенческаго медальнаго „сочиненія“, и изъ „послѣдующихъ разысканій“, характера чисто-матеріальнаго. Подобныя заявленія никогда не бываютъ излишними, такъ какъ указываютъ, чего слѣдуетъ ожидать отъ труда молодого работника и чего отъ него не слѣдуетъ требовать. Если авторъ обнаруживаетъ начитанность, если онъ овладѣлъ предметомъ и сумѣлъ изложить его связно и литературно, если ему посчастливилось найти новыя фактическія данныя, то и спрашивать больше нечего. Рѣшеніе сложныхъ вопросовъ, установленіе новыхъ взглядовъ въ такихъ случаяхъ, конечно, какъ всегда и вездѣ, желательно, но требовать ихъ нельзя. Съ этой точки зрѣнія книга г. Маслова вполнѣ „пріемлемое“ и отрадное явленіе. Это хорошо обставленное, неглубокое, но точное историко-литературное изслѣдованіе (общественная дѣятельность Рылѣева интересовала автора лишь отчасти, въ мѣру ея связи съ его творчествомъ). Для выясненія личности и литературнаго значенія Рылѣева оно не даетъ ничего новаго, но зато объединяетъ всѣ имѣющіеся матеріалы, и изученіе Рылѣева безъ этой книги невозможно. Нѣкоторая техническая неумѣлость сказалась въ чрезмѣрномъ нагроможденіи ненужныхъ подчасъ подробностей историческаго комментарія, не имѣющихъ прямого отношенія къ Рылѣеву. Съ другой стороны, есть серьезныя упущенія—не оцѣнены ни бесѣдристическіе опыты Рылѣева, ни его прозаическій стиль: плохо прослѣжены его неровныя и очень интересныя обращенія къ Пушкину, который однажды полуиронически „жалѣлъ очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай“; для автора остаются темны историческія и психологическія причины, обусловившія переходъ безмятежнаго стихотворца-эротика къ пламенной гражданской поэзіи и активной революціонной дѣятельности. Есть кое-какія фактическія ошибки. (І. Лернеръ. „Рѣчь“. 1912—89).

674. **Реймонтъ, Вл.** 891.85

Собр. соч. Тт. VII и VIII. „Земля обѣтованная“. Перев. Т. Высоцкой. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1911. Ц. каждой части 1 р. 50 к.

Замыслы польскаго романиста грандіозны. „Земля обѣтованная“ должна была явиться эпосомъ современной промышленной жизни. Реймонтъ попытался возсоздать коллективную душу капитала въ безчисленномъ рядѣ конкретныхъ образовъ; заповѣднымъ царствомъ капитала явилась для него Лодзь, чьи безчисленныя фабричныя трубы вырисовываются на фонѣ опустѣвшихъ деревень и разоренныхъ помѣстій: Лодзь, городъ-спрутъ, вобравшій въ себя всѣ животворные соки страны. Сюжетомъ романа явилась, однако, не трагическая антитеза между трудомъ и капиталомъ, столь богатая мотивами общечеловѣческаго значенія. Реймонтъ смотритъ на свою задачу съ точки зрѣнія аграрной идилліи и націоналистической проповѣди. Въ романѣ почти не нашлось мѣста для рабочей массы: вся ея трагедія усматривается въ ея оторванности отъ земли. Краснощекіе пахари превращаются въ блѣдныхъ ткачей.

Проклятіе Лодзи и всей польской промышленности, это—засиліе инородцевъ: нѣмцевъ и „жидовъ“; оружіемъ этимъ паразитамъ служитъ эксплоатація, мошенничество, пониженіе качества производства. Негодяи эти инородцы страшные: ежеминутно они сжигаютъ свои фабрики въ ущербъ несчастнымъ страховымъ обществамъ, не выдаютъ служащимъ обѣщанныхъ наградныхъ, колотятъ своихъ лакеевъ и т. д.

...Не думаю, чтобы Реймонтъ былъ истиннымъ художникомъ слова и образа. Судя по русскому переводу (очень добросовѣстному, съ незначительными промахами), онъ идетъ по истинной дорогѣ западнаго натуралистическаго романа.

Но у него, несомнѣнно, есть драгоцѣнное свойство: необычайная психическая подвижность, позволяющая ему сплетать дѣйствіе романа изъ безчисленныхъ мелкихъ мотивовъ. Оживленъ и типиченъ діалогъ, изощрена этнографическая наблюдательность. Характеристики его ярки, съ нѣкоторымъ уклономъ къ шаржу, проистекающимъ изъ его любви къ протокольной правдѣ. Онъ нерѣдко забываетъ, что самое истинное происшествіе можетъ быть художественно неправдоподобнымъ. Нѣсколько схематичны его женскіе типы: очевидно, польская литература не можетъ отдѣлаться отъ вліянія „Безъ догмата“ и „Семьи Полоневскихъ“.

Затрудняюсь опредѣлить роль „Обѣтованной земли“ и ея автора въ современной польской литературѣ; во всякомъ случаѣ романъ этотъ—явленіе яркое, замыселъ не совсѣмъ обыкновеннаго размаха. (А. Левинсонъ. „Совр. М.“ 1912—3).

675. **Карѣевъ, Н. И.** 901

Исторія съ философской точки зрѣнія. Собраніе сочиненій. Т. I. Книгоиздательство „Прометей“. Спб., стр. IV+100. Ц. 1 р. 25 к.

Работы проф. Н. И. Карѣева по теоріи исто-

ріи принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя читаются съ большимъ интересомъ. Авторъ неустанно слѣдитъ за развитіемъ исторической науки, въ ея, такъ сказать, преломленіи черезъ философію и соціологію, давая не только обобщающій синтезъ его, но, вдобавокъ установляя и свои взгляды на основные вопросы историко-философскаго мышленія. Достаточно перечислить названія статей, вошедшихъ въ первый томъ новаго изданія: „Теоретическія воззрѣнія исторической науки", „Задачи соціологіи и теоріи исторіи", „Философія, исторія и теорія прогресса", „Свобода воли, съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса", „Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи".—чтобы убѣдиться въ чуткости автора къ назрѣвавшимъ въ свое время проблемамъ философіи исторіи. Впервые работы эти въ видѣ отдѣльныхъ статей появились въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ 1890—91 гг. и на нихъ лежитъ печать эпохи, полной страстной борьбы за выработку историко-философскаго міросозерцанія, эпохи весьма обильной публицистическими и научными работами у насъ, въ Россіи. Но П. Н. Карѣевъ, проводя въ своихъ статьяхъ тѣ взгляды, которые особенно подвергались обстрѣлу со стороны представителей узкодогматическаго толкованія матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, сумѣлъ до конца выдержать тонъ объективнаго научнаго изложенія, чѣмъ сдѣлалъ свои работы еще болѣе цѣнными и необходимыми. Всѣ статьи объединены одной общей идеей и оставляютъ впечатлѣніе одного цѣльнаго и законченнаго труда. „Перепечатываемыя въ настоящемъ томѣ статьи имѣютъ своимъ ближайшимъ содержаніемъ — говоритъ авторъ,—вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ научнаго (объективнаго) и философскаго (субъективнаго) элементовъ въ исторіи, вопросъ, не утратившій своей остроты и въ наши дни, когда, между прочимъ, интересъ къ философіи вообще, и въ частности, къ философскому пониманію исторіи, какъ извѣстно, въ нашемъ обществѣ весьма значителенъ".

Авторъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ въ скоромъ времени и остальныя свои работы по теоріи исторіи, также систематизированныя, причемъ второй томъ будетъ носить названіе „Философія исторіи въ русской литературѣ". Только съ выходомъ остальныхъ историко-философскихъ работъ П. Н. Карѣева, можно будетъ дать настоящую оцѣнку философскихъ взглядовъ нашего историка, пользующагося вполнѣ заслуженной популярностью среди широкихъ круговъ читающей публики. (Н. Б. „Рѣчь". 1912—89).

676. Бейезенъ, А. 9(47)„1812"]:8
Наполеонъ. Историческая пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 9-ти картинахъ. Переводъ Р. А. Артемьевой. Петербургъ. 1912 г. Цѣна 1 р. 30 к.

Теперь на книжномъ рынкѣ появляется много изданій, рисующихъ эпоху Отечественной войны и ея героевъ, такъ что вышеупомянутая книжка пришлась, какъ говорится, ко времени.

Несмотря на нѣкоторыя излишне-длинныя разсужденія о войнѣ, которыя авторъ вкладываетъ въ уста „завоевателя вселенной" и его генераловъ, пьеса эта написана хорошо: личность Наполеона выступаетъ въ этомъ произведеніи весьма рельефно; недурно обрисованы и остальные персонажи въ этой исторической хроникѣ. Переводъ сдѣланъ тщательно, хотя мѣстами и грѣшитъ противъ строгой стилистики.

Во всякомъ случаѣ книжка эта прочтется не безъ удовольствія. Издана она вполнѣ прилично. („Гол. М." 1912—87).

677. Троицкій, Д. Н. 9(47),,1812"]:8—8
Двѣнадцатый годъ. Очерки и разсказы изъ исторіи Отечественной войны. М. 1911. Стр. 305. Ц. 75 к., въ папкѣ 90 к.

Книга г. Троицкаго представляетъ собою одно изъ тѣхъ „патріотическихъ" изданій, которымъ, вѣроятно, будетъ богатъ нынѣшній юбилейный годъ. Разсчитанная на неподготовленнаго читателя, эта книга не преслѣдуетъ однако-же цѣли сколько-нибудь значительно раздвинуть его историческій кругозоръ. Она не дастъ своему читателю никакого представленія о внутренней жизни Россіи передъ 1812 г., какъ не дастъ и достаточно яснаго понятія европейской политикѣ этого момента. Двѣнадцатый годъ взятъ авторомъ книги совершенно изолированно, а вдобавокъ и самыя событія 12-го года изложены крайне односторонне. При этомъ дѣйствительной исторіи въ разсказѣ г. Троицкаго не особенно много, и мѣсто ея по большей части занимаютъ разнообразные анекдоты, нерѣдко совершенно фантастическіе, а характеристики почти всѣхъ дѣйствующихъ въ разсказѣ историческихъ лицъ написаны авторомъ по патріотическому трафарету „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма".

Въ результатѣ читатель кн. г. Т. останется не въ особенномъ выигрышѣ. Зато въ несомнѣнномъ выигрышѣ останется авторъ: его книга допущена и училищнымъ комитетомъ при св. синодѣ въ библ. церковныхъ школъ, и министерствомъ нар. просв.—въ народныя библіотеки и читальни, и главнымъ управл. военно-учебн. завед.—въ ротныя и другія библіотеки. („Рус. Бог." 1912—3).

678. Виноградскій, А. Н. 9(47),,1904:1905"
Исторія русско-японской войны 1904—1905 гг. Выпуски I, II и III. Изданіе о-ва ревнителей военныхъ знаній. С.-Петербургъ, 1908, 1909 и 1911 гг.

Еще во время минувшей нашей войны общество ревнителей военныхъ знаній поставило себѣ задачей собирать матеріалы по исторіи русско-японской войны, съ каковой цѣлью обратилось къ участникамъ войны съ просьбой прислать свои воспоминанія, замѣтки, статьи, письма и т. п. Съ этой же цѣлью оно, настолько широко, насколько позволили размѣры журнала общества, предоставило страницы послѣдняго для части присылавшагося матеріала.

Такимъ путемъ уже въ первые годы послѣ войны общество располагало обширнымъ матеріаломъ, цѣннымъ уже потому, что въ немъ запечатлѣлись такія детали, которыя не могутъ войти въ оффиціальные источники, но которыя отражаютъ въ себѣ духъ и настроеніе арміи въ различные періоды войны и дѣятельность участниковъ войны, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы.

Въ настоящее время вышли первые три выпуска обнимающіе событія до шахейской операціи включительно; изъ нихъ вып. I удостоенъ малой преміи Г. Л. Лесра.

Авторъ блестяще справился съ трудной задачей сочетать полноту съ краткостью изложенія и

весьма обстоятельно разобрался въ обширной литературѣ войны, слѣдствіемъ чего является и обоснованность его выводовъ.

Немало труда положено имъ и на составленіе картъ и схемъ (всего ихъ 55).

Не можемъ, однако, не пожалѣть, что въ перечнѣ источниковъ пропущены: оффиціальная „Исторія войны“ и труды Куропаткина. Съ другой стороны, использованныя авторомъ газетныя статьи зачастую представляютъ собой такой источникъ, которымъ надо пользоваться съ большой осторожностью, чтобы избѣжать тенденціозныхъ выводовъ.

Однако, указанные недочеты не уменьшаютъ достоинствъ этого поистинѣ полезнаго и нужнаго для русской арміи труда, а потому пожелаемъ автору успѣха въ его дальнѣйшей работѣ и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать очереднаго выпуска (С. М. „Гол. М.“ 1912—87).

679. **Бердяевъ, Н.** 92(X)

Русскіе мыслители. А. С. Хомяковъ. Изд. „Путь“. М. 1912. Ц. 1 р. 60 к.

Книга Н. А. Бердяева о Хомяковѣ представляетъ интересъ, какъ отраженіе славянофильства въ сознаніи той группы русской интеллигенціи, которая, оторвавшись отъ марксизма, заняла странное положеніе между нимъ и мистицизмомъ. Самъ авторъ въ предисловіи къ работѣ указываетъ на субъективный характеръ ея. „На ряду съ темой Хомяковъ меня интересуетъ другая тема—Хомяковъ и мы“. Это отразилось на характерѣ работы. Тамъ, гдѣ авторъ говоритъ лишь о Хомяковѣ, безъ отношенія его къ нео-славянофильству—выходитъ нудно и томительно: частыя повторенія одного и того же на разные лады говорятъ о желаніи автора быть добросовѣстнымъ и въ томъ, что его рѣшительно не занимаетъ. Хомяковъ нуженъ Бердяеву лишь постольку, поскольку онъ выясняетъ „я“ упомянутаго имъ „мы“. Но эта же работа говоритъ намъ о томъ, насколько спутано міровоззрѣніе этого „я“, и какъ трудно ему разобраться въ себѣ самомъ.

Славянофильство, съ его уклономъ въ консерватизмъ, претитъ демократическимъ симпатіямъ бывшаго марксиста, и поэтому приходится прибѣгать къ натяжкамъ, чтобы какъ нибудь обойти эту сторону. Но получается то же, что всегда повторяется съ человѣкомъ, упорно не желающимъ замѣчать непріятнаго: оно вертится передъ глазами, и вопреки волѣ взглядъ останавливается на немъ. То же получается и у Бердяева: какъ ни обходитъ онъ вопросъ о консерватизмѣ славянофильства, объ идеализаціи имъ самодержавія, а все приходится возвращаться къ нему, и въ результатѣ съ отчаяніемъ человѣка, идущаго на рискованный шагъ, Н. А. Бердяевъ приступаетъ къ его выясненію. Ничего страшнаго нѣтъ въ славянофильствѣ, потому что его интересуютъ не политическія идеи, а общественныя, соціальныя. И здѣсь, наряду съ патріархальностью, идеализированіемъ ея начала въ общественномъ строѣ, Н. А. Бердяевъ умудрился найти анархическіе принципы. Путь, по которому авторъ пришелъ къ этому положенію, настолько сложенъ, что едва ли онъ вполнѣ ясенъ и самому г. Бердяеву. Ясно только одно, что установить связь съ славянофильствомъ необходимо новымъ религіознымъ искателямъ. Объ этомъ опредѣленно говорится въ концѣ книги. Приводитъ къ нему общее признаніе славянофиловъ, что проникновеніе въ духъ народный, соединеніе съ нимъ возможно только на почвѣ религіознаго сознанія. Но то, что у славянофиловъ получалось естественно, вытекало изъ ненарушенной еще связи съ народомъ, на которую указываетъ Бердяевъ, то у „мы“, никогда съ нимъ не соприкасавшагося, вызываетъ цѣлый рядъ сложныхъ, логическихъ построеній, такъ ни къ чему и не приводящихъ.

Жизнь измѣнилась. Этого не можетъ не признать и Бердяевъ: вошли въ сознаніе невѣдомыя славянофильству катастрофичность и трагизмъ. Мы пережили революцію. Измѣнилось, очевидно, и сознаніе народное, о чемъ не упоминаетъ Н. А. Бердяевъ. И не здѣсь ли ошибка религіозныхъ искателей по старому шаблону? Не здѣсь ли кроется неудача попытокъ философски обосновать не имѣющее подъ собою почвы новое теченіе? Установленіе связи съ отжившимъ дѣлу не поможетъ. Книга г. Бердяева представляетъ грустный примѣръ тенденціозныхъ попытокъ въ философіи и наукѣ. (Т. Гапжуловичъ „Запр. Ж.“ 1912—14).

Монографія Н. А. Бердяева имѣетъ одно очень большое достоинство, но за то имѣетъ и очень много важныхъ недостатковъ. Ея достоинство заключается въ эстетически-цѣлостномъ и объективно-правильномъ воспріятіи личности А. С. Хомякова, какъ въ ея религіозно-нравственной глубинѣ, такъ и въ жизненно-бытовыхъ перспективахъ. Потомокъ стариннаго дворянскаго рода, свято чтущій своихъ предковъ и хранящій въ памяти „пропасть преданій“, крѣпкій землѣ и вѣрный родовому быту; отличавшійся „холодною блестящею храбростью“ офицеръ, и заботливый, благодушный помѣщикъ; многосторонно одаренный, но притомъ изумительно-цѣльный, гордый, свободный и свободолюбивый духъ; какъ философъ и богословъ—прежде всего догматикъ по природѣ и темпераменту; блестящій полемистъ и діалектикъ по призванію; но главное и центральное—отъ рожденія и до смерти вѣрный сынъ православной церкви, пропесшій свою вѣру и свою вѣрность чрезъ всю свою жизнь безъ какихъ-либо колебаній и сомнѣній; глубокая, религіозная натура, чуждая, однако, апокалиптической жути и мистическаго „чувства конца“, въ этой чуждости пророческому духу органически цѣлостная, но въ этой цѣлостности и ограниченная—вотъ тотъ образъ Хомякова, который намъ рисуетъ монографія Бердяева.

...Самымъ большимъ недостаткомъ представляется мнѣ тотъ фактъ, что Н. А. Бердяевъ нигдѣ не выяснилъ съ должною точностью и рѣзкостью то опредѣленное и несомнѣнно новое, что нарисованная имъ громадная личность Хомякова внесла въ систему современныхъ ей религіозно-философскихъ понятій и постиженій. Особенно рѣзко бросается въ глаза этотъ недостатокъ въ главахъ, посвященныхъ гносеологіи, метафизикѣ и философіи исторіи Хомякова...

...Къ этимъ внутреннимъ недочетамъ книги Н. А. Бердяева, о которыхъ, конечно, можно спорить и которые можно не признавать за таковые, надо прибавить еще одинъ безспорный внѣшній недостатокъ. Монографія написана крайне растянуто и лишена четкаго заботливаго построенія. Всѣ удачныя словесныя чеканки теряютъ къ концу книги всякій вѣсъ, благодаря совершенно безмѣрному злоупотребленію ихъ повтореніемъ“... (Ѳ. Степунъ. „Логосъ“ 1912—2—3).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ

0 Общія сочиненія.

1782. **Веселовскій Б. Б.** 028

Образцовый каталогъ книгъ для библіотекъ мѣстнаго самоуправленія. Вып. II. Городскія библіотеки. Спб. 1912. Изд. журн. „Городское дѣло и Земское дѣло“. 69 стр. Ц. 80 к.

1783. [. . . . .] 028

Каталогъ книгъ для народныхъ библіотекъ-читаленъ Харьковской губ., Харьковское губернское Земство. Отдѣлъ народнаго образованія. Харьковъ. 1912. Стр. VIII+223. Ц. 60 к.

1784. **Виппер̀ъ, Р., проф.** 04

Двѣ интеллигенціи и др. очерки. Сборникъ статей и публичныхъ лекцій. 1900—1912. М. 1912. Стр. 321. Ц. 1 р.

Содержаніе: Двѣ интеллигенціи. Историческая фантазія.—Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія.—Либерализмъ и первая историческая формула борьбы классовъ.—Психологія театра.—Новыя исправленія въ философіи общественной науки.—Символизмъ въ человѣческой мысли и творчествѣ.—Общественно-историческіе взгляды Грановскаго.—Новые горизонты въ исторической наукѣ.—Реакціонный идеализмъ и новая наука.—Нѣсколько замѣчаній о происхожденіи церкви.—Сумерки людей.

1785. **Соловьевъ, В. С.** 081

Собраніе сочиненій. Съ 3 мя портретами и автографомъ. Подъ ред. и съ примѣч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. Т. VI (1886—1894). Изд. „Просвѣщеніе“. Спб. 1912 г. Стр. 484. Ц. 2 р.

Содержаніе. Талмудъ и новѣйшая полемическая литература о немъ въ Австріи и Германіи (1886 г.).—Красота въ природѣ (1889 г.).—Общій смыслъ искусства (1890 г.).—Другія мелкія статьи.

1 Философія.

1786. **Куклярскій, Федоръ.** 1(04)

Осужденный міръ. (Философія человѣкоборческой природы). Спб. 1912 г. Стр. 235. Ц. 2 р.

Содержаніе. Сущность и формы гуманизма.—Изъ міра гуманистовъ.—„Прагматизмъ“, какъ разаблаченный гуманизмъ. — Нечеловѣческое въ „человѣкѣ“. — Натурализмъ и его формы.—К. Леонтьевъ и Фр. Ницше, какъ предатели человѣка.—Бергсонъ и персонализмъ.—Штирнеръ, Шестовъ, Розановъ и др.—Вѣчный антагонизмъ и грядущая катастрофа.

1787. **Юшкевичъ, П.** 1(04)

Міровоззрѣніе. (Очерки и характеристики). Спб. 1912. Ц. 1 р., 25 к. Изд. П. П. Карбасникова.

Содержаніе. Предисловіе. Философія, какъ міросозерцаніе. Къ современному возрожденію метафизики. (Анри Бергсонъ и его философія антиинтеллектуализма). В. Джемсъ, какъ религіозный мыслитель. І. Дицгенъ. (Очеркъ философіи). Религіозныя исканія Л. Н. Толстого. Философскія иллюзіи. (Къ вопросу о міровоззрѣніи Фр. Ницше). Еще разъ о философіи, какъ міросозерцаніи.

1788. [. . . . .] 1(05)

„Логосъ“. Международный Ежегодникъ по философіи культуры. Русское изданіе. Кн. 2 и 3-я. 1911—12 г. М. Изд. „Мусагетъ“. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе. Понятіе и трагедія культуры. Ст. Г. Зиммеля. Что такое философія. Ст. Б. Яковенко. Субъектъ и дѣйствительность. Ст. Б. Вариско. Трагедія мистическаго сознанія Ст. О. Степуна. Одно, единство и единица. Ст. Г. Риккертъ. Гансъ фонъ Маръ. Ст. І. Кона. Философія Рихарда Авенаріуса. Ст. Г. Ланца. Очеркъ конкретнаго спиритуализма Л. М. Лопатина. Ст. М. Рубинштейнъ. Библіографія. Замѣтки.

1789. **Поварнинъ, С.** 149

Разборъ „отвѣта“ Н. О. Лосскаго на мою критику интуитивизма. Спб. 1912 г. Стр. 55. Ц. 25 к.

1790 **Трубецкой, С. Н.** 151

О безсмертіи души. Русская религіозная мысль. № 40. М. 1912. Изд. М. А. Новоселова. 4 неп. стр. Ц. 2 к.

1791. **Сегно, Викторъ.** 154

Секретъ памяти. Изслѣдованіе новой теоріи. М. 1912. Изд. автора. 32 стр.

1792. **Кассиреръ, Э.** 165

Познаваніе и дѣйствительность. Понятіе о субстанціи и понятіе о функціи. Пер. Б. Столпнера и П. Юшкевича. Вып. VIII. Изд. Шиповника „Библіотека совр. философіи“. Спб. 1912 г. Стр. 447. Ц. 3 р.

Содержаніе. Къ теоріи образованія понятій.—Понятія о числахъ.—Понятіе о пространствѣ и геометрія.—Образованіе понятій въ естествознаніи.—Къ проблемѣ индукціи.—Понятіе дѣйствительности. — Субъективность и объективность понятій объ отношеніяхъ.—Къ психологіи отношеній

1793. **Гильденбандтъ, А. И.** 176

Міръ половыхъ страстей. Картины половой жизни женщины и мужчины. Брачныя и безбрачныя наслажденія со всѣми ихъ послѣдствіями. (Перев. съ нѣмецкаго). Спб. 1912. 128 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2 Религія.

1794. **Мейстеръ Экхартъ.** 2(04)

Проповѣди и разсужденія. Перев. со средневерхне-нѣм. и вступит. статья М. В. Сабашниковой Изд. „Мусагетъ“ М. MCMXII Стр. 184. Ц. 3 р.

Содержаніе. Предисловіе. О совершеніи временъ. О вѣчномъ рожденіи. О сокровенной-

шей глубинѣ. Объ изхожденіи духа и возвращеніи его. О страданіи. Объ единствѣ вещей. О дѣвственной женщинѣ. Царство Божіе близко. Объ отрѣшенности. О невѣдѣніи. О разумѣ и о молчаніи его. О гнѣвѣ души. Марія и Марфа. О вѣрномъ рабѣ. О нищетѣ духомъ. О созерцаніи Бога и о блаженствѣ. Объ обновленіи духа. Сильна, какъ смерть, любовь. О царствѣ Божіемъ. Изреченія.

1795. **Штейнеръ, Рудольфъ.** 2(3):28

Мистерія древности и христіанство. Изд. „Духовное знаніе“ М. МСМХІІ. Ц. 1 р. Стр. 192.

Содержаніе. Точки зрѣнія. Мистерія и ихъ мудрость. Греческіе мудрецы до Платона въ свѣтѣ мудрости мистерій. Платонъ какъ мистикъ. Мудрость мистерій и миѳъ. Тайная мудрость Египта. Евангелія. Чудо воскрешенія Лазаря. Апокалипсисъ Іоанна. Іисусъ и его историческая эпоха. О сущности христіанства. Христіанство и языческая мудрость. Августинъ и церковь. Нѣсколько замѣчаній.

1796. **Кожевниковъ, В. А.** 2:5

Современное научное невѣріе. Его ростъ, вліяніе и перемѣна отношеній къ нему. Изд. „Философско-религіозной библіотеки“. М. 1912. Ц. 1 р.

1797. **Новоселовъ, М.** 28:15

Психологическое оправданіе христіанства. Противорѣчія въ природѣ человѣка по свидѣтельству древняго и новаго міра и разрѣшеніе ихъ въ христіанствѣ. Религіозно-философская библ. Вып. XXVIII. Ц. 30 к. Стр. 86

1798. **Пругавинъ, А. С.** 281.93.01

„Братцы“ и трезвенники. Изъ области религіозныхъ исканій. Съ портретами и иллюстр. Изд. „Златоцвѣтъ“ М. 1912. Ц. 40 к. Стр. 119.

Содержаніе. Православіе въ опасности. На днѣ жизни. „Братецъ Ивапушка“. „Братецъ Іоаннъ“ и наша печать. Прошлое „братца“. Въ сумасшедшемъ домѣ. Въ монастырской тюрьмѣ. „Трезвенники“. Послѣдователи „братца“ изъ привилегированной среды. Они идутъ за нимъ. Чему учитъ и какъ живетъ братецъ Иванъ Чуриковъ. Миссіонеры и „братецъ“. Анафема. Торжество православія и результатъ отлученія. Разгромъ. „Изувѣрныя“ и „безнравственныя“ секты.

1799. **Вакандаръ, Е.** 296

Вопросъ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Кіевъ. 1912. Изд. книгоизд. Д. И. Тягая. 61 стр. Ц. 25 к.

1800. **Крупицкій, З. Н.** 296

Хассидизмъ, его происхожденіе, философская сущность и культурно-историческое значеніе. Кіевъ. 1912. 59 стр. Ц. 40 к.

3 Соціальныя науки.

1801. **Леонтьевъ, В. В.** 331

Объ изученіи положенія рабочихъ. Пріемы изслѣдованія и матеріалы. Спб. 1912. 71 стр. Ц. 60 к.

1802. **Мирославскій, Н.** 333.2(47)

Поземельная община въ Россіи. Опытъ историко-критическаго очерка взглядовъ на происхожденіе, развитіе и типы русской поземельной общины. М. 1912. Стр. 103. Ц. 80 к.

Содержаніе. Цѣль очерка.—Вопросъ о происхожденіи русской поземельной общины.—Теоріи общиннаго быта и древнерусскихъ поземельныхъ отношеній.—Исторія зарожденія общиннаго землепользованія въ Сибири.—Анализъ данныхъ о древне-русской поземельной общинѣ въ центральныхъ владѣльческихъ уѣздахъ Россіи. — Описательный очеркъ пореформенныхъ типовъ общиннаго землепользованія и землевладѣнія.

1803. **Жидъ, Шарль,** проф. 334

Потребительныя общества. Пер. съ фр. подъ ред. В. И. Зелгейма. Въ 2-хъ ч. Кн. 1-я. М. 1912. Ц. 40 к.

Содержаніе. Предисловіе.—Что такое общество потребителей.—Исторія потребительской кооперацік.—Статистика и географія кооперативнаго движенія.—Различные способы продажи товара.—Распредѣленіе прибыли. — Члены.—Употребленіе капитала.—Различные виды потребительныхъ обществъ.

1804. **Тотоміанцъ, В Ѳ.** 334

Кооперація въ русской деревнѣ. М. 1912. Изд. Собашникова VI+448 стр. Ц. 2 р. 60 к.

1805. **Кистяковскій, Б.** 342(47)

Страницы прошлаго. Къ исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи. М. 1912. Ц. 1 р.

1806. **Данъ, Ф.** 342.8(47)

Выборы въ Государственную Думу по положенію 3-го іюня 1907 г. (Разъясненіе избирательнаго закона). Спб. 1912. 30+1 пен. стр. Ц. 5 к.

1807. **Baets-de, Hermann.** 347.965

Искусство судебной рѣчи. Перев. съ франц. В. В. Быховскаго. Изд. 3-е. В. М. Саблина. М. 1912. Ц. 50 к.

1808. **Швейковскій, П. А.** 355

Судъ чести и дуэль въ войскахъ Россійской арміи. Настольная книга для офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Исправилъ и дополнилъ П. П. Вишняковъ. Спб. 1912. Изд. В. Березовскаго, 3-е. 214+2 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1809. [. . . . .] 371(08)

Дефективныя дѣти и школа. Сборникъ статей Н. Н. Воскобойникова, В. Н. Пащенко, С. Н. Крюкова и А. М. Шубертъ, подъ ред. д-ра В. П. Кащенко. Съ 44 рис. Изд. К. Н. Тихомирова „Педагогическая библіотека“. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетъ. Стр. III+280.

Содержаніе: Предисловіе. Д-ръ В. П. Кащенко. Общество, школа и дефективныя дѣти.—А. М. Шубертъ. Опредѣленіе умственной отсталости дѣтей по системамъ Бинэ и Симона, Вейгандта, Норсворса-Годдарда, Пиццоли, Россолимо, Санктисъ и Цигена.—А. М. Шубертъ. Опытъ экспериментальнаго психологическаго опредѣленія степени умственнаго развитія воспитанниковъ санаторія-школы д-ра Кащенко.—Характеристика трехъ дефективныхъ школьниковъ.—С. Н. Крюковъ. Нравственное воспитаніе дефективныхъ дѣтей.—С. Н. Крюковъ. За границей.—К. Н. Воскобойниковъ. Спеціальныя дарованія и творчество дефективныхъ дѣтой.—В. Н. Кащенко. Историческій обзоръ и современное состояніе воспитанія и обученія дефективныхъ дѣтей въ Россіи.—Приложеніе къ ст. А. М. Шубертъ. Новая редакція задачъ для изслѣдованія дѣтей А. Бинэ, изд. 1912 г.

1810. **Ге, Франсуа.** 371(09)

Исторія образованія и воспитанія. Переводъ П. Д. Первова. Изд. К. Н. Тихомирова. М. 1912. Ц. 3 р. 50 к. въ переплетѣ. Стр. VII+658.

Содержаніе: Введеніе. Педагогика до Р. Х.

Педагогика послѣ Р. Х.: 1) Христіанское воспитаніе до реформаціи. 2) Исторія воспитанія отъ реформаціи до новѣйшихъ временъ.

1811. **Бартрамъ, Н.** 371:79

Игрушки—радость дѣтей. Родителямъ и дѣтямъ. Значеніе игрушки. Самодѣльныя игрушки. Помощь при выборѣ игрушекъ. Описаніе игрушекъ составлено по Брему, Афонасьеву, Костомарову и др.— Кузьминской, Романовымъ и Соловьевымъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к. Стр. 142.

1812. [. . . .] 374

Отчетъ по организаціи учительскихъ общеобразовательныхъ курсовъ въ 1911 г. (1 іюня—12 іюля). Харьковское Губернское Земство. Отд. народнаго образованія. Харьковъ. 1912. Стр. 64+16.

Содержаніе: Организація курсовъ.—Отзывы учителей о курсахъ.—Какъ составлялся народными учителями каталогъ народн. библіотеки (статья В. А. Флерова).—Программа курсовъ.

5 Чистыя науки.

1813. **Шмейль, Отто, проф.** 5(01)

Очерки по методикѣ естествознанія. Пер. съ нѣм. С. Аржанова и А. Пинкевича. Спб. 1912 г. Стр. 134. Ц. 90 к.

Содержаніе: Предисловіе. — Естественно-историческое обученіе должно стать біологическимъ.—Общежитія.—Законы органической жизни.—Объ „общихъ біологическихъ положеніяхъ".—Наблюденіе.—Концентрація.

1814. **Вржесневскій, О.** 513

Доказательство аксіомы параллельныхъ прямыхъ (5 постулатъ Эвклида). М. 1912. Изд. М. И. Житцъ. 22+2 нев. стр. съ чертеж. Ц. 20 к.

1815. **Морозовъ, Николай.** 517

Наглядное изложеніе дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и нѣкоторыхъ его приложеній къ естествознанію и геометріи. Руководство къ самостоятельному изученію высшаго математическаго анализа. Изд. „Сотрудникъ". Спб. 1912 г. Стр. VIII+464. Ц. 3 р. 50 к.

1816. **Фламмаріонъ, Камиллъ.** 523.3

Луна. Съ 60 рис. въ текстѣ. Перев. съ франц. П. Т. Егупова. Изд. К. Н. Тихомирова. М. 1912. Ц. 75 к. Стр. 182.

1817. **Первенко, В.** 523.7

Солнце какъ источникъ міровой энергіи и матеріи въ единомъ лучистомъ состояніи. Опытъ розысканія причинъ активности, бытія и человѣческаго разума въ процессахъ окисленія матеріи. Изд. К. В. Первенко. Кіевъ. 1912 г. Ц. 2 р. Стр. VII+220.

Содержаніе: Предисловіе.—О глубинѣ смысла великихъ законовъ Кеплера.—Матерія планетныхъ тѣлъ и космическая субстанція солнечной радіосферы, повидимому, реагируетъ другъ на друга, изъ этого-то акта и вытекаетъ слѣдствіе тяготѣнія.—Свѣтъ ли истинная причина зрительной возбудимости глаза.—Преобразованіе механическихъ дѣйствій лучистой энергіи въ чувственныя представленія.—Окисленія веществъ.—Гальванизмъ.—Взглядъ на явленія, электризаціи и оцѣнка ихъ.—О внутреннемъ смыслѣ акта горѣнія и о его физической сущности энергіи.—Психомоторныя отправленія какъ слѣдствія теченія окислительныхъ процессовъ.—Зрительная или оптическая память.—О вѣчности человѣческаго разума. Что такое мысль.—О творческой способности мысли.—О нѣкоторыхъ изъ признаковъ преобразовательной эволюціи.—Чѣмъ именно является солнце для планетнаго міра.

1818. **Кемпбеллъ, Н. Р.** 537

Современная электрическая теорія. Пер. съ англ. Б. Р. Абрамсона и М. Л. Якобсона съ измѣненіями и дополненіями. Подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Изд. „Образованіе". Спб. 1912 г. Стр. 478. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе Боргмана.—Предисловіе автора.—Теорія электрическаго тока.—Электромагнитная теорія свѣта.—Діэлектрическая постоянная и показатель преломленія.—Магнетизмъ.—Дѣйствіе магнетизма на свѣтъ.—Электропригодность и теплопроводность.—Проводимость въ магнитномъ полѣ.—Проводимость электричества черезъ горы.—Методы для іонизаціи.—Составъ атома.—Данныя изъ химіи.—Данныя спектроскопіи.—Другія свойства атомовъ.—Законы электромагнитныхъ явленій.

1819. **Страсбургеръ, Э.** 575.1

Реальныя основанія ученія о наслѣдственности. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. В. Р. Заленскаго. Изд. „Образованіе". Спб. 1912 г. Стр. 79. Ц. 50 к.

1820. **Ковтаридзе, И. П.** 579

Спутникъ молодого натуралиста. Практическое руководство для наблюденія природы и составленія естественно-историческихъ коллекцій. Съ 66 рис. въ текстѣ. Изд. Блокъ. Спб. 1912 г. Стр. 99. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе.— Общія указанія.—Собираніе и сохраненіе животныхъ.—Собираніе и сохраненіе растеній.—Собираніе и составленіе коллекцій почвъ, минераловъ, горныхъ породъ, рудъ окаменѣлыхъ древнихъ животныхъ.— Приложенія: списокъ книгъ и списокъ и цѣны на предметы.

1821. **Цель, Э., д-ръ.** 59

Разумно ли животное? (Новый взглядъ на душу животнаго). Перев. съ нѣм. В. С. Соколова. Ц. 80 к Изд. К. Н. Тихомирова. М. 1912. Стр. 192.

Содержаніе: Вліяніе прежняго образа жизни и др. особенности.—Особенности въ организаціи чувствъ у животныхъ.—Слѣдствія, вытекающія изъ особенностей въ организаціи чувствъ у животныхъ.—Подтвержденіе выставленной мною теоріи

1822. **Бродскій, Л. А., Кантаровъ. Д. Н. и Станчинскій, В. А.** 59(08)

Зоологическая хрестоматія. Подъ ред. проф. Н. М. Кулагина. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Стр. 462. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ редактора: „На русскомъ яз. имѣются въ настоящее время нѣсколько хорошихъ руководствъ по зоологіи для школъ. Обычно въ этихъ учебникахъ обращается вниманіе на изложеніе анатомическаго строенія животныхъ. Настоящъ книга имѣетъ нѣсколько иную цѣль: она ставитесвоей задачей дать учащимся изложеніе образа жизни животныхъ, указать вліяніе на животныхъ внѣшнихъ условій, подчеркнуть то практическое значеніе, какое имѣютъ нѣкоторыя животныя формы для человѣка и т. п."

6 Прикладныя науки.

1823. **Исаевъ, С.**, д-ръ. 611

Краткое руководство по патологической анатоміи. (Общей и частной). Съ атласомъ микроскопическихъ препаратовъ. (Патологическая гистологія). Изд. „Сотрудникъ“. Спб. 1912. Стр. 286. Ц. 1 р. 60 к.

1824. **Меллеръ**, д-ръ. 613

Какъ возвратить и сохранить свое здоровье. Прежніе и современ. раціональные методы лѣченія и предупрежденія болѣней.

Перев. К. Александрова съ 4-го нѣм. дополнен. изд., разрѣшеннымъ авторомъ и съ авторскимъ портр. для русскаго изд. Изд. А. Выжелевской. Тверь, 1912. Стр. XVI+200. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Отъ переводчика.—Предисловіе къ русскому изд.—Предисл. къ нѣмецк. изд.—Введеніе.—Теорія Хейга о мочевой кислотѣ.—Общая часть.—Теорія Хейга о мочевой кислотѣ. Спеціальная часть.—Діэта Хейга, не содержащая мочевой кислоты.—Энергетическое питаніе по д-ру Бихоръ-Беннеру.—Переходъ къ реформированной діэтѣ.—Образцы и примѣры.—Критика воззрѣній Хейга.—Теорія Кантани о болѣзняхъ обмѣна веществъ и его лѣченіе ихъ.—Діэтическое измѣненіе состава крови по Ламанну и его діэта.—Щротовское лѣченіе, разсматриваемое съ Хейговской точки зрѣнія.—Лѣченіе голодомъ и его удивительные результаты.—О жеваніи.—Кровопусканіе; его обоснованіе и дѣйствіе.—Баунштейдтовскій способъ, или лѣченіе посредствомъ образованія сыпи на тѣлѣ.—Кислородное лѣченіе.—Лѣченіе травами и его дѣйствіе при различнѣйшихъ болѣзняхъ.—Физическіе методы лѣченія.—Выводы и заключеніе.

1825. **Соловьевъ, К. Г.**, д-ръ. 613

Руководство по механотерапіи. Ч. 1-я Техника массажа и гимнастики. М. 1912. Стр. 98. Ц. 85 к.

Содержаніе: Исторія массажа и гимнастики.—Массажъ, его опредѣленіе; массажъ ручной и инструментальный.— Основныя правила при примѣненіи массажа.—Основные пріемы массажа.—Спеціальная техника массажа.—Физіологическое дѣйствіе массажа.—Общее или динамическое дѣйствіе массажа.—Врачебная гимнастика.

1829. **Григоровъ, Г.**, д-ръ. 616

Краткій конспектъ по общей патологіи и Vademecum по частной патологіи и терапіи. Кн-ство „Медикъ“. Спб. Стр. 152. Ц. 75 к.

1827. [. . . . .] 616

Обзоръ серотерапіи и вакцинаціи при главнѣйшихъ заразныхъ болѣзняхъ. Ч. 1-я. Серо- и вакцино-терапія стрептококковыхъ заболѣваній. Изд. 3-е Химико-бактер. института д-ра Блюменталя. М. 1912. Стр. 186. Ц. 2 р.

Содержаніе: Введеніе.—Первые опыты полученія и примѣненія стрептококковыхъ сыворотокъ.—Поливалентныя сыворотки. — Клиническія наблюденія при различныхъ заболѣваніяхъ.—Серотерапія ревматизма.—Серотерапія скарлатины.—Серотерапія пуэрперальныхъ заболѣваній.—Скарлатинно-стрептококковыя вакцины.

1828. **Агунаковъ**, инж. п. с. 628

Санитарное инженерное искусство. Ч. I. Домовой дренажъ, санитарные приборы, общественныя уборныя, бактеріальные фильтры для отдѣльныхъ домовъ. Для инженеровъ, врачей и санитарныхъ властей. Ц. 3 р., въ англ. коленк. перепл. 3 р. 60 к. Стр. VII+250, съ 244 черт. въ текстѣ.

1829. **Сакъ И. Т.** 652

Русско-нѣмецко-англо-французскій словарь выраженій и оборотовъ, свойственныхъ торговой корреспонденціи. Сост. по лексикону д-ра Леве, Элькопа и Шармильо. Изд. Б. М. Саблина. М. Ц. безъ перепл. 5 р.

1830. **Агунаковъ, И. А.**, инж. п. с. 656

Общественныя дороги и городскія улицы. Современное устройство, содержаніе и администрація ихъ. Для инженеровъ, дорожныхъ техниковъ, городскихъ и земскихъ дѣятелей. Ц. 5 р. 50 к., въ перепл.—6 р. 25 к. Стр. IX 574 съ 315 чертеж. въ текстѣ.

1831. **Шатровъ, М. Н.** 68

„Другъ ремесленника“. Сборникъ практическихъ статей, совѣтовъ и указаній по разнымъ ремесламъ и промысламъ. Изд. К. П. Тихомирова. М. 1912. Ц. 50 к. Стр. 144.

8 Литература.

1832. [. . . . .] 8—8

„Земля“. Сборникъ девятый. Изд. „Московскаго кн-ва“. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: М. Арцыбашевъ — Сильнѣе смерти.—В. Винниченко—На вѣсахъ жизни.

1833. [. . . . .] 8—8

„Сполохи“. Кн. 8-я. М. 1912. Стр. 180. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сонничка (разск.) Н. Ляшко.—Морозъ (разск.) А. Серафимовича.—Герцогиня (очеркъ) Г. Вильямъ.—Въ фамильномъ окнѣ (разск.) К. Лопатина.—Няня (разск.) Р. Шамбурова.—Паутина (повѣсть) В. Ютанова.—Власть непонятнаго (эскизъ) П. Плохова.—Толстой и его опрощеніе. Г. Завражнаго.—Ея чары (очеркъ) Юрія Слезкина.—Обуза (разск.) Н. де-Лазари.—Стихи Изгнанника. А. Чернышева, Л. Лобачева, С. Кошкарева, С. Доре, Ю. Красина, Маріи Паперъ.

1834. **Лондонъ, Джекъ.** 82

Собраніе сочиненій. Т. VI. Богъ отцовъ (колонтайскіе разсказы). Перев. съ англ. І. А. Маевскаго. М. 1912. Стр. 290. Ц. 1 р.

Содержаніе: Богъ отцовъ.—Женская интрига.—Человѣкъ съ трамомъ.—Великій вопросъ.—Кроварая месть.—Гиперборейскій напитокъ.—На перепутьи.—Уйма золота.—Въ лѣсахъ сѣвера.

1835. **Шекспиръ, В.** 82

Собр. соч. въ двухъ томахъ. Под. ред. А. Е. Грузинскаго. Т. II съ 15 рис. въ текстѣ и 10 иллюстр. на отдѣльн. лист. М. 1912. Изд. т-ва А. А. Левенсонъ. Стран. 337. Ц. 2 р. 50 к. въ переплетѣ.

Содержаніе: 1. В. Шекспиръ, какъ комическій и трагическій писатель. Статья Б. Топъ-Брика. 2. „Юлій Цезарь“, перев. Н. Холодковскаго, со статьей Г. Брандеса. 3. „Мѣра за мѣру“, перев. Ѳ. Миллера, со статьей Ю. Веселовскаго. 4. „Отелло“, перев. П. Вейнберга, со статьей Г. Брандеса. 5. „Король Лиръ“, перев. А. Дружинина, со статьей Э. Доудена. 6. „Макбетъ“, перев. А. Кронеберга, со статьей Н. Стороженка. 7. „Буря“, перев. Н. Сатина, со статьей Э. Доудена.

1736. **По, Эдгаръ.** 82(73)

Собраніе сочиненій въ переводѣ съ англійскаго К. Бальмонта. Т. IV. „Необычайныя приключенія". Изд. „Скорпіонъ". М. 1912. Стр. 320.

Содержаніе: Безпримѣрное приключеніе нѣкоего Ганса Пфооля. Шаръ-Выдумка. Повѣствованіе Артура Гордона Пима изъ Нантукета.

1837. **Твэнъ, Маркъ.** 82(73)

Избранные разсказы. Кн. 3-я. Пер. съ англ. К. Жихаревой. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912. Стр. 215. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этотъ томъ вошло 23 разсказа.

1838. **Мелль, Максъ.** 83

Разсказъ о рабѣ-евреѣ. Авторизованный переводъ съ нѣмецк. Ад. Эліасберга. К-но „Польза". „Унив. Библ" № 738. М. 1912. Ц. 10 к.

Содержаніе: Предисловіе. Разсказъ о рабѣ-евреѣ. Разсказъ садовника. Гостья. Разсказъ монастырскаго пастуха. Концертъ. Берріанскій цирульникъ.

1839. **Шиллеръ, Ф.** 83

Разбойники. Трагедія. Перев. съ нѣм. Е. Ратьковой. К-во „Польза", „Унив. Библ." М. 1912. № 733—734. Ц. 20 к.

1840. **Андерсенъ.** 839.81

Дикіе лебеди и другія сказки. Съ датскаго А. и П. Ганзенъ. М. 1911. Изд. „Посредника" 5-е. 80 стр.

1841. **Мопассанъ, Гюи.** 84

Полное собраніе сочиненій. Театръ и Стихи. Пер. Т. Щепкиной-Куперникъ и Смидовичъ. Т. XXVI. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912. Стр. 202. Ц. 1 р.

Содержаніе: Исторія давно минувшихъ дней. Сцена въ стихахъ.—Репетиція. Комедія въ 1 д.—Мюзотъ. Пьеса въ 3 д.—Семейный міръ.—Стихи.—Приложеніе.

1842. **Мопассанъ, Гюи.** 84

Полное собраніе сочиненій. Коробейникъ и др. разсказы. Перев. Александры Чеботаревской. т. XXVIII. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912. Стр. 158. Ц. 1 р.

Содержаніе: Коробейникъ.—Надъ умершимъ.—Оранжерея.—Дуэль.—Вечеринка.—Мститель.—Ожиданіе. — Первый снѣгъ. — Шутка. — Письмо.—Ужасное.—Нервный тикъ.—Кончено!—Мои двадцать пять дней.—Латышъ.—Фермеръ. Предостереженіе.—Подарокъ.—Впослѣдствіи.

1843. **Сандъ, Жоржъ.** 84

Маленькая Фадетта. Повѣсть. Перев. съ франц. М. Гуревичъ. К-во „Польза", „Унив. Библ." М. 1912. № 481—482. Ц. 20 к.

1844. **Шаховъ, А.** 84.09

Вольтеръ и его время. Лекціи по исторіи французской литературы XVIII вѣка. Спб. 1912. Изд. 2-е. 350+2 неп. стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к.

1845. **д'Аннунціо, Г.** 85

Избранные разсказы. Изд. ред. журн. „Пробужденіе". Спб. 1912.

Содержаніе: Орсола. Вдова. Идиллія. Пютто. Мунжія. Синьоръ Пеппо. Подъ дождемъ.

1846. [. . . .] 891.55

Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть. Пер. В. Жуковскій. К-во „Польза", „Унив. Библ." М. 1912. № 571. Ц. 10 к.

1847. **Авенаріусъ, В. П.** 891.7

Сказка о муравьѣ-богатырѣ. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками П. П. Каразина. Спб. 1912. Изд. П. В. Луковникова, 7-е. 60 стр.

1848. **Агаларовъ, М.** 891.7

Сборникъ юмористическихъ разсказовъ. Печка. Часы. Какъ мы охотились. Выборы. Фабрика. Мой пріятель. Наше собраніе. Какъ изъ меня хотѣли сдѣлать человѣка. Озургеты. 1912. Изд. автора. 7 стр. Ц. 20 к.

1849. **Азовъ, Вл.** 891.7

„Цвѣтныя стекла". Сатирическіе разсказы. Изд. „Сатириконъ". Спб. 1912. Ц. 1 р. 10 к.

1850. **Андреевъ, Леонидъ.** 891.7

Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора и вступительной статьей проф. М. А. Рейснера. Т. VIII. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1912. Стр. 261. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Разсказъ о семи повѣшенныхъ.—Мои записки. Повѣсть.—Христіане.

1851. **Ауслендеръ, Сергѣй.** 891.7

Разсказы. Книга II. Спб. 1912. Изд. „Аполлонъ". 259 стр.

1852. **Бальмонтъ, К. Д.** 891.7

Полное собр. стиховъ. Томъ девятый. „Птицы въ воздухѣ". Изд. 2-е. „Скорпіонъ". М. 1912. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 154.

1853. **Будищевъ, А.** 891.7

Съ горъ вода. Разсказы. Изд. „Моск. Книгоиздат." М. 1912. Стр. 296. Ц. 1 р. 25 к.

1854. **Верхоустинскій, Б.** 891.7

Разсказы. Т. I. Изд. Т-ва писателей. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 326.

Содержаніе. Атаманъ. Лѣсное озеро. Передъ половодьемъ. Въ школѣ. Идиллія. Птица чибисъ. Опустошенные сады. Алая ленточка.

1855. **Гартевельдъ, В. Н.** 891.7

Пѣсни каторги. Пѣсни сибирскихъ каторжанъ, бѣглыхъ и бродягъ. К-во „Польза". „Унив. Библ.". М. 1912. № 574. Ц. 10 к.

1856. **Гумилевъ, Н.** 891.7

Чужое небо. Третья книга стиховъ. Изд. „Аполлонъ". Спб. Ц. 1 р.

1857. **Златовратскій, Н. Н.** 891.7

Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора. Т. V. Золотыя сердца.—Старый грѣшникъ.—Деревенскіе политики. Изд. „Просвѣщенія". Спб. 1912 г. Стр. 439. Ц. 1 р. 50 к.

1858. **Колтоновская, Е. А.** 891.7

Женскіе силуэты. Писательницы и артистки. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

1859. **Кохановскій, В.** 891.7

Разсказы. Т. II. Изд. „Освобожденіе". Спб. 1912 г. Стр. 228. Ц. 1 р. 25 к.

1860. **Криницкій, Маркъ.** 891.7

Молодые годы Долецкаго. К-во „Польза". „Унив. Библ.". М. 1912. Ц. въ перепл. 75 к. Стр. 286.

1861. **Криницкій, М.** 891.7

Пошлость. Ефимъ. Необходимость жить. Петръ Петровичъ. К-во „Польза". „Унив. Библ.". М. 1912. № 573. Ц. 10 к.

1862. **Мережковскій, Д. С.** 891.7

Полное Собраніе Сочиненій. Томъ XV. Собраніе стиховъ. Павелъ I. Драма. Спб. 1912. Изд. Вольфа. 354 стр.

1863. **Муйжель, В. В.** 891.7
Собраніе сочиненій. Т. VII. Изд. 2-е. „Просвѣщеніе“. Спб. 1912. Стр. 294. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе. Нищій Ахитофелъ.—Старый Калюра.—Домъ на площади.—Разсказъ бродячаго человѣка.—Внизу.—Бракъ.

1864. **Подъячевъ, С.** 891.7
Разсказы. Кн. 3-я. Среди рабочихъ. Изд. „Освобожденіе“. Спб. 1912. Стр. 224. Ц. 1 р. 25 к.

1865. **Серафимовичъ, А.** 891.7
Разсказы. Томъ третій. Спб. 1912. Изд. т-ва „Знаніе“ 286 стр. Ц. 1 р.

1866. **Сладкопѣвцевъ, В.** 891.7
Мои разсказы. Изд. Мацѣевской. Спб. 1912 г. Стр. 195. Ц. 1 р. 25 к.

1867. **Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т.** 891.7
Слѣпая Любовь, романъ. „На ловахъ“. Повѣсть. Др. разсказы. Спб. 1912 г. Стр. 242. Ц. 1 р. 25 к.

1868. **Голубевъ, В.** 891.7.09
Поэтъ дѣтской души—А. П. Чеховъ. Кіевъ. 1912. 24 стр. Ц. 20 к.

1869. **Ляцкій, Евг.** 891.7.09
Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-библіографическіе очерки. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. „Огни“. Ц. 2 р. 50 к.

1870. **Саввинъ, Н. А.** 891.7.09
Дѣти въ произведеніяхъ Гл. Успенскаго. Нижній-Новгородъ. 1912. Ц. 20 к. Стр. 24.

1871. **Пшибышевскій, Ст.** 891.85
Сильный человѣкъ. Романъ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи В. Ахрамовича. К-во „Польза“ М. 1912. Ц. въ переплотѣ 75 к. Стр. 270.

1872. **Реймонтъ, В.** 891.85
Мужики. III. Весна. Перев. съ польскаго Вл. Ходасевича. К-во „Польза“. „Унив. Библ.“ М. 1912. № 411—414. Ц. 40 к.

1873. **Сенкевичъ, Г.** 891.85
Старый слуга. Ганя. Перев. съ польскаго Е. и Н. Леоптьевыхъ. К-во „Польза“. „Унив. Библ.“ М. 1912. Ц. 20 к. №№ 479—480.

9 Исторія и географія.

1874. **Ксенополь, А. Д.** 901
Понятіе „цѣнности“ въ исторіи. Переводъ съ французскаго П. И. Никифорова. Библіотека философіи исторіи. Вып. 1. Кіевъ. 1912. 52 стр. Ц. 35 к.

1875. **Валишевскій, К.** 9(47)
Романъ Императрицы Екатерины Второй. По мемуарамъ, письмамъ и неизданнымъ документамъ. Пер. Т. Х. и О. Э. съ франц., изд. премированной академіей. Изд. „Совр. Пробл.“. М. 1912 г. Стр. 589. Ц. 3 р. 50 к.
Содержаніе. Колыбель. въ Германіи.—Дѣтство.—Прибытіе въ Россію.—Замужество.—Перевоспитаніе Екатерины.—Молодой дворъ.—Борьба за тронъ. — Побѣда. — Физическій обликъ. — Характеръ, образованіе.—Идеи и принципы.—Искусство управленія.—Внутренняя политика.—Политическая позиція.—Законодательство.—Администрація.—Внѣшняя политика.—Любовь къ литературѣ, искусству, наукѣ.. Екатерина-писательница.—Драматургъ.—Романистъ.—Баснописецъ.—Журналистъ. — Поэтъ. — Екатерина-педагогъ. — Образъ жизни.—Семейная жизнь.—Великій князь Павелъ.—Интимная жизнь.—Фаворитизмъ.—Заключеніе.

1876. **Шарковъ, В. В.** 9(47)(075)
Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ для средн. учебн. заведеній и городск. училищъ. Съ 78 портр. и 56 рис. въ текстѣ. Кн-во М. С. Козмана. Одесса. 1912. Ц. 75 к. Стр. 204.

1877. [. . . . .] 9(47)„1812“
„1812 г.“ Второе утро, посвященное Отечественной войнѣ. Изд. Историч. Комиссіи Учебн. Отд. О. Р. Т. З., подъ ред. И. Л. Бродскаго. М. 1912 г. Стр. 80. Ц. 10 к.

1878. **Лебедевъ, Т. П.** 9(47)„1812“]:8
Въ бояхъ 12-го года. (Изъ записокъ современника). Историческая повѣсть. Рисунки А. П. Апсита. Изд. Ступина. М. 1912 г. Стр. 133. Ц. 80 к.

1879. **Дьяконова, Елиз.** 92(Д)
Дневникъ. 4-е изд., дополненное и исправленное. Со вступит. статьей А. А. Дьякова. Изд. В. Н. Саблина. М. 1912. Ц. безъ перепл. 5 р., въ перепл. 6 р. Стр. XLI+837.

1880. **Ивановъ, Вячеславъ.** 92(3-А)
Cor. Ardens. Ч. 2-я. Любовь и смерть. Kozarium. Канцоны и сонеты, посвященные имени Лидіи Дмитріевны Зиновьевой-Аннибалъ (+ 17 окт. 1907 г.). Изд. „Скорпіонъ“. М. 1912 г. Стр. 232. Ц. 2 р.

1881. **Флеровъ, Вс. А.** 92(П. и Т.)
Впечатлѣнія дѣтства. По воспомин. Л. Н. Толстого и Н. И. Пирогова. Кіевъ, 1912. Ц. 35 к. Изд. автора. Стр. 59.

1882. **Бирюковъ, П. И.** 92(Т)
Левъ Николаевичъ Толстой. Краткая біографія изд. общ. Толстовскаго музея въ Москвѣ. 1912 г. Стр. 208. Ц. 40 к.
Содержаніе. Происхожденіе Л. Н.—Дѣтство, отрочество, юность. — Военная служба. — Литературная, педагогическая и общественн. дѣятельность Л. Н. — Второе заграничное путешествіе. Смерть брата. — Педагогическая дѣятельность.—Женитьба.—Первое время семейной жизни. Война и миръ. — Второй педагогическій періодъ. Анна Каренина. Самарскій голодъ.—Кризисъ.—Личная и частная жизнь Л. Н. въ Россіи и заграницей.—Дальнѣйшая литературная и общественная дѣятельность Л. Н.—Голодные годы. „Царство Божіе внутри васъ“.—Духоборцы. Свободное слово. Воскресеніе.—Отлученіе. Болѣзнь. Война.—Кругъ чтенія. Юбилей.—Заключеніе.

Содержаніе журналовъ.

„**Вѣстникъ Воспитанія**“ (4) апрѣль. Проф. И. Оршанскій. Психологическое творчество. (Оконч.). — В. Чарнолусскій. Къ вопросу о „единой“ школѣ.—И. Янжулъ. Экономическое значеніе честности.—Ю. Весловскій. Изъ современной бельгійской литературы. — А. Мартыновъ. Просвѣтительныя учрежденія для рабочихъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ.—В. Г. Естествознаніе въ мужскихъ гимназіяхъ. — Ек. Янжулъ. Праздники древонасажденія, ихъ проникновеніе въ Италію и Англію.—Критика и библіографія.—Хроника.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“ (4) апрѣль. I. Общественная жизнь. Англія противъ Германіи. Итальянцы въ Триполи. Открытіе Южнаго полюса. Королевство въ Южномъ полюсѣ. По поводу минувшаго карнавала. II. Историческія новости. Атлантида и атланты. При дворѣ послѣдняго польскаго короля. Графиня Кастильоне. III. Изъ области науки. Соціальныя и экономическія послѣдствія авіаціи.—К. Гельрунъ. Вѣчные странники, ром. съ голландск.—Я. Вассерманъ. Золотое зеркало. Съ нѣм.—К. и А. Вильямсонъ. Золотое безмолвіе. Съ англ.—Ю. Жулавскій. Старая земля. Съ польск. Г.—Флейшманъ. Шпіонка императора. Съ франц. — Ю. Германъ. О мраморномъ юношѣ. — Г. Збѣшковскій. Свиданіе.—Бернардо Пиньеро Пинделла. Ароматъ деревни.—Р. Марта. Волшебный даръ Юдифи Ан.—А. Конанъ Дойль. Прокаженный Шаркн.

„Вѣстникъ Европы“. (5) май. М. Горькій. Три дня.—М. Ковалевскій. Законодательныя заимствованія и приспособленія.—Вл. Березинтамъ. Изъ записокъ адвоката. — Танъ. Голодная деревня.—П. Минскій. Мелодія, стих.—О. Миртовъ. Смерть херувимчика.—Изъ переписки М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ. (Съ предисл. и примѣч. С. Ляпунова).—Д. С. Насмашикъ. Научныя основы библейской критики.—П. Котляревскій. Лицейская старина.—Д. Крачковскій. Знаменитый скульпторъ.—Ф. Черновъ. Стихотворенія.—На снѣжной вершинѣ. (Der Wetterwart). (Оконч.). Перев. съ нѣм. З. Журавской.—Л. Юровскій. Хроника. Наша сахарная промышленность и брюссельская конвенція.—А. Тыркова. Съ береговъ Босфора.—М. Ковалевскій. Ив. Пв. Иванюковъ.—Н. Карѣевъ. По поводу двухъ новыхъ томовъ „Исторіи Европы“ Альфреда Штерна.—Л. Слонимскій. Изъ воспоминаній Лависса.—Е. Чириковъ. Замѣтки жителя.—С. Адріановъ. Критическіе наброски.—Литературное обозрѣніе.—Н. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—Иностранное обозрѣніе.—К. Тимирязевъ. П. Н. Лебедевъ.— Вопросыобщественной жизни.

„Для народнаго учителя“. (7) апрѣль. В. Улановъ. Какъ преподавать исторію въ начальной школѣ.—Л. Козловскій. Парамонъ Юродивый и Венера Милосская.—В. Тетеревятниковъ. Мѣсяцъ за границей. — Голодъ и школьныя столовыя.—Д. Любимовъ. О московскихъ лѣтнихъ курсахъ для учителей.—Н. Са—овъ. Фотографированіе въ школѣ.—Изъ жизни учительскихъ организацій.—Учинель. Изъ писемъ учителя.—Письма съ мѣстъ.—И. Воскобойниковъ. Самодѣльные приборы по физикѣ для народной школы.—Библіографія. — Дѣйствія правительства. — Разныя извѣстія.

„Жизнь для всѣхъ“. (4) апрѣль. З. Гіхонъ. Передъ весной.—К. Суховыхъ. Безумный.—К. Дубровскій. Изъ весеннихъ мелодій. — Л. Унинъ. Аккорды. Вл. Волынцевъ. Пѣсни батрака.—А. Новодворжскій. Родная глушь.—С. Михѣевъ. Цвѣты.—А. Бородкинъ, стих.—А. Б. Червякъ.—А. Хирьяковъ. Подвернулось.—Т. С. Крестьянскіе депутаты 3 й Гос. Думы о совр. положеніи Россіи.—Очерки деревенской жизни: Кр. Пв. Власовъ. Цынга.—д-ръ Г. И. Гордонъ. Голодныя самоубійства.—Б. Брюловъ. Бытъ въ русской живописи.—С. Горловъ. Въ лучахъ Л. Н. Толстого. — Г. Эрастовъ. Въ странѣ языческой. — Кр. Ив. Гурихинъ. Переписка съ Л. Н. Толстымъ.—В. Поссе. Капля крови. Вѣчно-женское. Утраты.—И. Ивановъ. Письмо свящ.—П. Г. Исторія одного умирающаго кружка.—Е. П. Анкета среди подписчиковъ журнала „Жизнь для всѣхъ“.—В. Поссе Распред. подписч. на 1912 г. по губ. Отчетъ о приходѣ и расходѣ по изд. „Ж. д. в.“ въ 1911 г. По поводу отчета и анкеты.

„Завѣты“. (1) апрѣль. М. Горькій. Рожденіе человѣка.—А. Черемновъ. Баллада о волкахъ, стих.—Ив. Бунинъ. Веселый дворъ, повѣсти.—А. Блокъ. Авіаторъ, стих.—В. Ропшинъ. То, чего не было. (Три брата), романъ.—М. Коцюбинскій. Тѣни забытыхъ предковъ, повѣсть.—Н. Клюевъ. Пѣсня, стих.—П. Вольный. повѣсть о дняхъ моей жизни, радостяхъ моихъ и злоключеніяхъ.—В. В. Лункевичъ. Реформаторы и бунтари въ современной біологіи.—А. Герценъ (Искандеръ). Пролегомены.—В. Черновъ. Не во время родившійся. — В. Ленуаръ. Великій образецъ самокритики.—Б. Черепковъ. Принудительное разрушеніе общины и „инициатива населенія“—Я. Вѣчевъ. Дѣла и дни: „Умѣренные“ и „Крайніе“.—С. Мстиславскій. Свое и чужое. (Русская жизнь).—Текущая жизнь. Библіографія.—Письмо въ редакцію В. Ропшина.

„Запросы жизни“. (15) апрѣль. М. В. Бернацкій. Злое дѣло.—Д. А. Левинъ. „Загадки“ Иліодора.—Г. И. Штильманъ. Съѣздъ криминалистовъ.—И. А. Бочковскій. Политическій кризисъ въ Хорватіи.—П. И. Коробка. Сборникъ писателей.—Л. Гуревичъ. Гастроли Москов. Худож. театра.—За недѣлю.—Сказки жизни.

„Запросы жизни“. (16) апрѣль. Р. Бланкъ Общественное спокойствіе и рабочее движеніе.—А. Брянчаниновъ. Декларація С. Д. Сазонова.—Проф. Л. Брентано (Мюнхенъ). Конецъ индивид. рабочаго договора. — Э. Шмидтъ. (Марбургъ). Искуственное питаніе.—М. Горькій. Сказки.—За недѣлю.

„Запросы жизни“ (17) апрѣль. В. Водовозовъ. Трудовая группа и рабочая партія.—Л. Мартовъ. Анри Бриссонъ.—Х. Позоръ.—Проф. В. Виндельбандъ. (Гейдельбергъ). Мистика нашего времени.—П. И. Коробка. „Послѣдняя туча разсѣянной бури“. — Марсель Прево. О безнравственности французскихъ романовъ.—За недѣлю.—Соціально-экономическое обозр.—Журналъ журналовъ. Библіографія.

„Новости Дѣтской Литературы“. (8) апрѣль. Н. Рубакинъ. Кое-что объ индивидуализаціи чтенія. (Оконч.).—Н. Ульяновъ. Борьба съ лубочной и сыщицкой литературой въ Германіи. — Списокъ вышедшихъ за мѣсяцъ книгъ.—Рецензіи на новыя книги.—Обзоръ журналовъ.—Хроника.—Переписка съ читателями.

„Обновленіе школы“. Кн. VII и VIII. П. Радосавльевичъ. Новыя движенія въ области воспитанія. — О. Липманъ. Очеркъ психологіи для педагоговъ.—В. Лай. Цѣль и постановка преподаванія естествознанія.—Е. Елачичъ.

Внѣклассныя лекціи для учащихся, ихъ значеніе и связь со школой.—П. Томилинъ. Второй Менделѣевскій съѣздъ по общей и прикладной физикѣ и химіи.—А. и Н. Румянцевы. Вопросъ о педагогическомъ образованіи учителей на 1-мъ международномъ конгрессѣ по педологіи въ Брюсселѣ.—Программа передвижныхъ педагогическихъ курсовъ.—Педагогическая конференція. — А. Румянцевъ. Новое воспитаніе.—Собирайте рисунки дѣтей.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (3) мартъ. Дм. Галанинъ. Наглядныя пособія въ преподаваніи ариѳметики. (Краткій историч. очеркъ).—Б. Райковъ. Методика начальнаго курса природовѣдѣнія. (Очеркъ второй).—В. Мурзаевъ. Педагогическій рисунокъ. (Оконч.).—Н. Бахтинъ. Обзоръ пьесъ для дѣтскаго театра за 1911 г.—В. Беллюстинъ. Къ реформѣ преподаванія математики.—А. Локтинъ. Библіографическіе журналы по дѣтской литературѣ. Хроника школьной жизни.—Критика и библіографія.

„Педагогическій сборникъ“ (4) апрѣль. И. Симоновъ. Памяти гр. Д. А. Милютина.—Я. Н. Каптеревъ. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ.—В. Будановъ. Изъ разговоровъ въ „учительской“ — В. А. Арнаутовъ. О корректурно-смысловомъ медотѣ обученія русскому правописанію.—В. Тереховъ. Памяти В. В. Григорьева.—Е. С. И. П. Долбня. (Изъ воспом. воспитателя).—Критика и библіографія.

„Природа“ (4) апрѣль. Проф. П. П. Лазаревъ. Памяти великаго русскаго физика (П. Н. Лебедева).—Проф. А. А. Ивановъ. Солнечныя пятна.—Проф. С. М. Танаторъ. Что такое термохимія.—Проф. К. Гизенгагенъ. Данныя для эволюціонной теоріи въ исторіи развитія и строенія растеній.—Проф. В. А. Вагнеръ. Звѣриный островъ. — Жуссе-де-Беллесмъ. Воздухоплаваніе и насѣкомыя.—Изъ лабораторной практики.—Научныя новости и хроника.—Астрономическія извѣстія.—Метеорологическія извѣстія. Библіографія.

„Путь“ (6) апрѣль. С. Семеновъ. Аннушка, разск.—Вл. Вѣтвицкій. Стихи.—Н. Тюринъ. Месть, разск.—С. Дрожжинъ. Стихи. Ю. Соболевъ. „Не отъ міра сего“. (Памяти Г. И. Успенскаго).—Гаррисъ. Драгоцѣнная книга.—Ю. Васильевъ. Товарищескій сборникъ. — С. Давыдовъ. „Логосъ“.—М. Новикова. У послѣдней черты.—Х. С. Семеновъ. В. И. Ивановъ (Савихинъ). Некрологъ.—И. Поповъ. За мѣсяцъ. — Л. Гальберштадтъ. Историческое обозрѣніе.—Библіографія.

„Русское Богатство“ (4) апрѣль. Ѳ. Крюковъ. Офицерша.—И. Лучицкій. Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи въ концѣ XVIII в.—А. Насимовичъ. Меланхоликъ—. П. Мокіевскій. Эскизъ къ одному русскому портрету.—В. Дубовскій. Волки.—С. Матвѣевъ. Въ волостныхъ старшинахъ.—Дм. Ильинскій. Впечатлѣнія деревенскаго адвоката. — Раз. сказы Пьера Милля.—А. Герценъ. Новая фаза русской литературы. (Оконч.). — Діонео-Забастовка углекоповъ.—В. Майскій. Трагедія нѣмецкихъ углекоповъ.—А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.—П. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни.—В. М. Украинство и русская интеллигенція. Л. Е. Рѣдько. Изъ литературныхъ впечатлѣній.—А. Б. П Случайныя замѣтки.—Новыя книги.—Отъ редакціи.

„Русская Мысль“ (4) апрѣль. С. Фрусъ. Тѣни вечернія.—Стихи.—Ю. Слезкинъ. Помѣщикъ Галдинъ, повѣсть. (Оконч.)—Э. К. Пименова. Лэди Гамильтонъ и Лордъ Нельсонъ. (По H. V. Schumacher'y Walter Sichel'ю), очерки.—Д. Мережковскій. Александръ I, ром.—С. Легерлефъ. Домъ Лильекроны, ром. Переводъ съ шведскаго М. Н. Благовѣщенской. (Оконч.)—В. Брюсовъ. Алтарь побѣды, повѣсть. (Прод.).—И. Эренбургъ. Передъ Флоренціей, стих.—С. А. Андреевскій. Будущія задачи суда.—Л. Ѳ. Завалишина. Экскурсія въ Грецію.—С. М. Рапопортъ. Буржуа-марксистъ и рабочій-радикалъ. Письмо изъ Англіи.—Е. Лундебергъ. Лирика О. Сологуба.—В. Ф. Гефдингъ. Экономическіе интересы Россіи и будущій торговый договоръ съ Германіей.—А. Изгоевъ. На перевалѣ.—Смута въ литературѣ и жизни.—Ч. Вѣтринскій. Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. I. А. Н. Плещеевъ въ письмахъ къ А. С. Гацискому. II. Письмо Н. А. Любимова къ Е. М. Ѳеоктистову.—П. Струве. Герценъ.—П. Струве. Памяти А. П. Философовой.—Въ Россіи и за-границей. — Критическое обозрѣніе.

„Русская школа“ (3) мартъ. Законодательн. постановленія и правительствен. распоряж.—В. Чернышевъ. Письмо К. Д. Ушинскаго о голодѣ въ Россіи.—С. Знаменскій. Нѣмецкій учительскій союзъ за 40 лѣтъ.—Т. Лубенецъ. О народныхъ учителяхъ.—Л. Кравченко. Духовный міръ и мысли учащихся.—Б. Либерманъ. Что необходимо знать родителямъ учащихся о половомъ воспитаніи.—Чл. Гос. Думы Н. Клюжевъ. О реформѣ учительскихъ институтовъ.—И. Бачалдинъ. Ученикъ-читатель.—Э. Лямбекъ. Штейнелевка.—Е. Мейманъ. Современное положеніе педагогики. Пер. съ нѣм. А. Румянцевой.—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Современникъ“. (4) апрѣль. Ив. Наживинъ. Страшная сказка, повѣсть.—В. Бородаевскій. Стихотворенія.—Ал. Антоновъ. Молодые годы, повѣсть. (Продолж.).—П. Аданъ. Стефанія, романъ. (Продолж.).—К. Баранцевичъ. Воробушекъ, разск.—Ш. Алейхемъ. Блуждающія звѣзды, ром. —М. Криницкій. Тамъ за стѣною, разск.—Т. Щепкина-Куперникъ. Промотей, стих.—Вѣра Л. Встрѣча съ Л. Н. Толстымъ. —Н. Макридинъ. Стихотворенія.—Ивановъ-Разумникъ. Три письма Герцена.—В. Князевъ. Современная деревня о себѣ самой.—Горцевъ, Тар. Значеніе угольнаго кризиса.—А. Гудванъ. Хозяева и прислуга.—В. Стан-чъ. Передъ выборами.—Б. Фроментти. Кооперативный съѣздъ въ лѣтописи русской общественности.—Вл. Бончъ-Бруевичъ. „Научныя“ открытія „Новаго Времени“.—Александръ Г. Провинціальное обозрѣніе.—В. Водовозовъ. По поводу Ленскихъ событій.—О. Ларинъ. Новыя данныя о Пушкинскомъ лицеѣ.—Новыя книги.—Е. Ляцкій. По поводу вопроса о субъективности творчества Гончарова (письмо въ редакцію).

„Современный Міръ“ (4) апрѣль. А. Серафимовичъ. Городъ въ степи, романъ. (Продолж.)

—Г. Галина. Стихотвореніе.—Н. Коноваловъ. Дневникъ агитатора, повѣсть. (Оконч.).—А. Вережниковъ. Перевѣры, разск.—Саша Черный. Оазисъ, стих.—А. Франсъ. Боги жаждутъ. ром. перев. съ фр. В. Желѣзновой. (Продолж.).—Ал. Липецкій. Стихотвореніе.—Н. Милль. Голуби, разск. Перев. съ фр. П. и М. Бузанскихъ.—Г. Плехановъ. Философскіе взгляды А. И. Герцена. (Оконч.).—П. Давидсонъ. Научная революція.—П. З. На пути къ „безголовой" прессѣ.—А. Левинсонъ. „Сто лѣтъ французской живописи" (по поводу франц. выставки въ Спб.).—І. Ларскій. Вопросы текущей жизни. Около принциповъ.—О. Батюшковъ. Стилизованный „Гамлетъ". (Спектакли Моск. худож. театра).—Вл. Вольскій. Новая партія.—К. Залѣсскій. Къ характеристикѣ новѣйшей польской литературы.—М. П. Торговый договоръ между Россіей и Германіей.—Вл. Крапивфельдъ. Литературные отклики. Томленіе духа и утвержденіе жизни.—Критика и библіографія.

Книги, изъятыя изъ продажи.

(*Съ 1-го марта по 1 мая*).

Герронъ, Георгъ. Отъ революціи къ революціи. Уроки Парижской Коммуны 1871 года. Изд. „Библіотеки для всѣхъ" О. П. Рутенбергъ. Спб. 1906. Тип. Шака.

Лабріола, Артуръ. Синдикализмъ и реформизмъ. Изд. „Сознаніе". Спб. 1907. Тип. С. М. Муллеръ. Ц. 10 коп.

Папазьянъ. В. Драконъ. Сказка. Перев. съ арм. Ф. Гюльназарова. Спб. Тип. Я. Левенштейна Ц. 3 к.

Петровъ, С. Соціализмъ и политическая борьба пролстаріата. Спб. 1906. Тип. О. Унфугъ.

Политическая Энциклопедія. Т. II. Вып. 8. Спб. Тип. „Экономическая". Ц. вып. 1 р. 25 коп.

Рюле, О. Народная школа въ Германіи, какъ она есть. Изд. С. Скирмунта. Спб. 1906. Тип „Сѣверъ" А. М. Лесмана. Ц. 15 коп.

Спутникъ избирателя на 1906 годъ. Справочная книга для желающихъ ориентироваться въ современномъ общественномъ движеніи. Освободительное движеніе и современныя его формы. Изд. И. И. Ефрона. Спб. Тип. Усмана. Ц. 1 р.

Юмористическій „Шиповникъ". Сборникъ юмористическихъ разсказовъ, шаржей, анекдотовъ, остротъ и шутокъ. Изд. С.-Петербургскаго Столичнаго Книгоиздательства. Спб. Тип. „Печатный Трудъ". Ц. 1 р.

Эрвье, П. Въ разгаръ революціи. Книгоиздат. „Земля". П. В. Марковскаго. Спб. 1906. Тип. Муллеръ. Ц. 30 коп.

Богучарскій В. Я. Кровавый синодикъ. Смертная казнь по политическимъ дѣламъ въ Россіи. Книгоиздат. „Голосъ". Спб. 1906. Тип. т-ва „Общественная польза". Ц. 15 коп.

Какъ французы добыли себѣ свободу. Изд. И. Парамонова. „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на Дону. Спб. Тип. С. Я. Кинда. Ц. 4 коп.

Кожевниковъ В. Великая крестьянская война въ Германіи (1524–1525 г.) Изд. П. Глаголева. Спб. Тип. Монтвида. Ц. 60 коп.

Отрывной календарь на 1912 годъ. Спб. 1911. Изд. и Тип. В. В. Шварца.

Каутскій, К. Комментарій къ Эрфуртской программѣ. Вып. 2-й. Изд. Е. М. Алексѣевой. Кіевъ. 1905. Ц. 5 коп.

Бернштейнъ, Эд. Возможенъ-ли научный соціализмъ. Отвѣтъ Г. Плеханова. Книгоизд. „Буревѣстникъ". Одесса 1906 г. Ц. 15 коп.

Какъ французы добыли себѣ свободу. № 158. Изд. И. Парамонова „Донская Рѣчь" Р. на Д. Тип. „Донская Рѣчь" Ц. 4 коп.

Краткій списокъ лучшихъ и наиболѣе доступныхъ книгъ для сельскихъ и фабрично-заводскихъ читателей. Спб. 1906. Тип. „Работникъ". Ц. 2 к.

Списокъ книгъ поступившихъ въ редакцію:

(*съ 15 апрѣля по 1 мая*).

Изд. „Польза", Антикъ и К°.

М. Мелль Разсказъ о рабѣ-евреѣ. Ц. 10 к.
Г. Сенкевичъ. Старый слуга. Ганя. Ц. 20 к.
В. Жуковскій. Рустемъ и Зорабъ. Ц. 10 к.
В. Н. Гартевельдъ. Пѣсни каторги. Ц. 10 к.
Ж. Сандъ. Маленькая Фадетта. Ц. 20 к.
В. Реймонтъ. Мужики. III. Весна. Ц. 40 к.
Шиллеръ. Разбойники. Ц. 20 к.
М. Криницкій. Пошлость. Ц. 10 к.
Гюи де-Мопассанъ. Домъ Телье. Ц. 10 к.
М. Криницкій. Молодые годы Долецкаго. Ц. 75 к.
В. Пшибышевскій. Сильный человѣкъ. Ц. 75 к.

Изд. „Скорпіонъ".

Э. По. Собраніе соч. т. 4. Необычайныя приключенія. Ц. 2 р.
К. Бальмонтъ. Полное собр. стиховъ. Т. IX. Птицы въ воздухѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
В. Ивановъ. Cor. Ardens. Ч. II. Любовь и смерть. Rosarium. Ц. 2 р.

Изд. Я. Н. Лапицкаго. Кіевъ.

З. Н. Крутицкій. Хассидизмъ. Ц. 40 к.
Н. Загоровскій. д-ръ. Микроскопическая гистологія. Ц. 60 к.
М. Лякинъ. Краткій курсъ исторіи философіи права. Ц. 1 р. 20 к.

Изд. „С. Курнинъ и К°".

В. Брусяничъ. Печальная скрипка. Ц. 25 к.
Его же. Опустѣвшая изба. Ц. 20 к.
М. Юрьева. Тетя-мама. Ц. 25 к.
С. Хатунскій. Съ міру по ниткѣ—голому рубашка. Ц. 20 к.
Станюкосичъ. Нянька. Ц. 40 к.
Крылова, Сиворцовъ, Ульяновъ и Хатунскій. Пора. читать! Букварь. Ц. 15 к.

Изд. О. Н. Поповой.

А. Тахтарева. Какъ летаютъ люди. Ц. 50 к.
Добролюбовъ, Н. А. Для школы. Ц. 2 р.
В. Я. Богучарскій. А. И. Герценъ. Ц. 80 к.
А. Суворовскій. Литературныя бесѣды съ дѣтьми. Вып. I. Ц. 30 к.

Э. д'Эрвильи. Приключенія доисторическаго мальчика. Ц. 80 к.

Изд. „Прометей“:

Дж. Лондонъ. Обреченные. Ц. 1 р.
С. А. Венгеровъ. Передовой боецъ славянофильства. К. Аксаковъ. Ц. 1 р.

Изд. М. И. Семенова.

Р. Роланъ. Жизнь Бетховена. Ц. 1 р.
А. Коллонтай. По рабочей Европѣ. Ц. 1 р. 35 к.
Проф. Гуго-де-Фрисъ. Мутаціи и періоды мутаціи. Ц. 35 к.

Изд. „Общ. Польза“.

А. Бискъ. Разсыпанное ожерелье. Стихи. Ц. 80 к.
Ф. Куклярскій. Осужденный міръ. Ц. 2 р.

Изд. „Шиповникъ“.

Э. Кассирэръ. Познаніе и дѣйствительность. Ц. 3 р.
М. Твэнъ. Избранные разсказы. Кн. 3. Ц. 1 р. 25 коп.
Г. де-Мопассанъ. Собр. соч. Т. XXVI. Театръ и стихи. Ц. 1 р.
Его же. Собр. соч. Т. XXVIII. Коробейникъ и др. разсказы. Ц. 1 р.

Изд. „Образованіе“.

Э. Страстбургеръ. Реальныя основанія ученія о наслѣдственности. Ц. 50 к.
Н. Кембеллъ. Современ. электрическая теорія. Ц. 2 р. 50 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина:

А. Ульяновъ. Врагъ отечества. Ц. 20 к.
В. Игнатовъ. Основанія анализа безконечно-малыхъ и собр. задачъ. Ц. 1 р.
Князьковъ. Священной памяти 12-года. Ц. 30 к.

Изд. „Посредникъ“ Н. Горбунова-Посадова.

С. Орловскій. Жизнь Диккенса.
Г. де-Мопассанъ. Т. II. На водѣ и др. разск. Ц. 50 к.
Его же. Т. III. Одиночество и др. разск. Ц. 50 к.
Семеновъ. Крестьянскія пьесы. Ц. 1 р.
„Безпріютные“ и др. разск. Сборникъ. 85 к.
Штейертъ. О правильномъ уходѣ за жеребятами и лошадьми. 85 к.
С. Покровскій. У стараго дуба. Хоръ. 20 к.
Робертсъ. Какъ котъ оказался Робинзономъ Крузо. Ради дѣтей. Ц. 18 к.
Н. Овсянниковъ. Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого. Ц. 30 к.
Ш. Жидъ. Потребительныя общества. Ц. 40 к.
Н. Кабановъ. Потребительныя общества. Ц. 13 к.
Проф. П. А. Костычевъ. Воздѣлываніе важнѣйшихъ кормовыхъ травъ. Ц. 85 к.
Р. и С. Николаевы. Какъ привлечь птицъ въ наши сады. Ц. 20 к.
Савиньи. Научныя развлеченія. Ц. 30 к.
Соломинъ. Практическія занятія и развлеченія. Ц. 25 коп.
„Домой“ и др. разсказы. Сборникъ. 85 к.
Ф. Коллинсъ. Какъ самому устроить маленькій аэропланъ. Ц. 45 к.
„Маякъ“, журналъ для дѣтей. №№ 2, 3 и 4 за 1912 г. 40 к.
„Свободное Воспитаніе“, журналъ № 7, за 1912 г.
Каталогъ изданій библіотеки Н. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества.

Н. А. Саввинъ. Дѣти въ произведеніяхъ Гл. Успенскаго. 20 к.
В. Первенко. Солнце, какъ источникъ міровой энергіи и матеріи. 2 р.
Проф. д-ръ Шиттенгельмъ и прив.-доц. д-ръ Шмидъ. Подагра и ея лѣченія. Изд. библ. ж. „Терапевтич. Обозр.“.
К. Предиславъ. Вѣра и невѣріе. Изд. Стешенко. Харьковъ. 80 к.
Слуга Совѣсти. Дневникъ. Нѣсколько мыслей на каждый день.
Проф. Абрамовъ. Испытаніе металловъ. 75 к.
Е. Елачичъ. Мордочка и еще 5 разск. 40 к.
Его же. О томъ, какъ дѣти мыли полъ и др. разсказы. 30 к.
В. Чернышевъ. Въ защиту живого слова. 50 к.
П. Жуковъ. Экскурсія въ лабораторію творчества. 20 к.
М. Гальперинъ. Мерцанія. Собраніе стиховъ. Кн. I. Изд. „Графика“. Ц. 1 р. 50 к.
А. Мари, Лирика. Сборн. стиховъ. 1 р.
П. Соловьева. (Allegro). Тайная правда и др. разсказы. Изд. т-ва М. О. Вольфа. 75 к.
Проф. О. Шмейль. Очерки по методикѣ естествознанія. 90 к.
Л. Гуревичъ. Литература и эстетика. 1 р. 75 к.
Изд. „Русск. Мысли“.
Календарь на 1912 г. въ память столѣтняго юбилея. Изд. Левенсона. Ц. 5 р.
Сказки и разсказы для дѣтей средняго возраста. Перев. и изд. Е. П. Корякиной и А. А. Шереметьевой. Ц. 1 р. 50 к.
Ѳ. Абраменко. Словарикъ. Изд. кн. маг. П. А. Розова. Ц. 10 к.
Богданъ-Сокольскій. Подъ маской. Ц. 1 р. 50 к.
Шекспиръ. Собр. соч. т. 2. Изд. „Окто“ Ц. 2 р. 50 к.
Вс. Флеровъ. Впечатлѣнія дѣтства по воспоминаніямъ Л. Н. Толстого и Н. И. Пирогова. Ц. 35 к.
А. Рождественскій. Основы общей теоріи права. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 1 р. 25 к.
Итальянскія сказки. Перев. М. Андреевой. Под. ред. М. Горькаго. Изд. Т-ва Левенсона. Ц. 1 р. 25 к.
Боборыкинъ, П. Столицы міра. Изд. „Сфинксъ“. Ц. 2 р. 75 к.
Штейнеръ, Р. Мистеріи древности и христіанства. Изд. „Духъ. Знаніе“.
Отчетъ по организаціи учительскихъ общеобразовательныхъ курсовъ. Харьковъ.
Каталогъ книгъ для народныхъ библіотекъ-читаленъ Харьк. губ. Ц. 50 к.
Меллеръ, Зигфридъ. Какъ возвратить и сохранить здоровье. Изд. А. Выжелевской. Ц. 1 р. 25 к.
Капелькинъ и Цингеръ. Природовѣдѣніе. Изд. Н. И. Клочкова. Ц. 1 р. 75 к.
Закржевскій, Ал. Карамазовщина. Изд. к. „Искусство“. К. Ц. 1 р.
Верхоустинскій, Б. Разсказы. Т. I. Изд. к. Т-ва Писателей. Ц. 1 р. 25 к.
Новоселовъ, М. Психологическое оправданіе христіанства. Религіозно-философск. библ. Вып. XXVIII. Ц. 30 к.

Редакторъ-издатель **В. А. Крандіевскій.**

52 №№ съ безплатн. приложен.

Продолжается подписка на 1912 г. (годъ изд. II) на общедоступный, литературно-художественный и общественно-политическій еженедѣльный журналъ

2 р. 50 к. въ годъ съ дост. и перес.

ЖИВОЕ СЛОВО.

Въ 1912 г. „Живое Слово“ выходитъ журналомъ съ иллюстраціями въ текстѣ. Содержаніе: повѣсти, разсказы, стихи, статьи по вопросамъ литературы, искусства, обществ., политич.; снимки съ картинъ, портреты выдающихся людей, шаржи и пр. Направленіе журнала прогрессивное и реалистическое. Служеніе правдѣ и красотѣ въ литературѣ и жизни журналъ ставитъ на первомъ мѣстѣ.

Подписная цѣна: на годъ—2 руб. 50 к.; на ½ года—1 руб. 25 к.; на 3 мѣс.—75 к.; на 1 мѣс.—25 к. Отдѣльный № 5 к.

Всѣ годовые подписчики журнала получатъ **безплатное приложеніе — художественный альбомъ портретовъ знаменитыхъ писателей.**

Адресъ: МОСКВА, Тверская, 50.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

Трудъ и Искусство.

Журналъ преслѣдуетъ задачи проведенія искусства въ трудовую среду и привлеченія къ этому дѣлу общественныхъ учрежденій.

Содержаніе журнала составляютъ произведенія изящной литературы, статьи по исторіи искусства, критика, библіографія, народный театръ и пр.

Выходитъ ежемѣсячно тетрадями большого формата въ 20 страницъ, съ иллюстраціями. Въ журналѣ принимаютъ участіе: *С. П. Дремиовъ, А. А. Евдокимовъ, Л. С. Козловскій* и др.

Подписная плата въ годъ съ пересылкой **1 рубль.**

Адресъ редакціи и конторы: Харьковъ, Скобелевская площадь, д. № 28, кв. Б. С. Одеръ.

Редакторъ-издатель **Б. С. Одеръ.**

Г.г. ИЗДАТЕЛЯМЪ

предлагаетъ свое содѣйствіе въ широкомъ распространеніи ихъ изданій (книгъ, газетъ и журналовъ) въ среднемъ Поволжьѣ

Волжское Агентство „ПЕЧАТНОЕ СЛОВО“.

Саратовъ, Московская, 51.

Циркуляры по первому требованію.

Исключительное представительство по району средняго Поволжья журнала „Бюллетени Литературы и Жизни“.

Открыта подписка на 1912 годъ на ежемѣсячный журналъ

„НАРОДНОЕ БЛАГО“.

Журналъ ставитъ своей цѣлью посильно служить обстоятельной разработкѣ двухъ кардинальныхъ вопросовъ нашего времени: общественной гигіенѣ въ связи съ общей терапіей и діэтикой—какъ источнику народнаго здоровья и раціональному земледѣлію въ связи съ общей агрикультурой и сельскимъ хозяйствомъ—какъ источнику народнаго богатства.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ: въ медицинскомъ отдѣлѣ д-ръ мед. Брунсъ (Марбургъ), д-ръ А. Вадимовъ (Москва), проф. E. Widal (Парижъ), д-ръ мед. Wede (Парижъ), д-ръ А. Гардинъ (Москва), проф. P. Carnot (Парижъ), проф. J. Camus (Парижъ), д-ръ С. Ковалевская (Москва), д-ръ Марголина (Москва), д-ръ мед. Настюковъ (Москва), д-ръ А. В. Никольскій (Москва), д-ръ мед. Песковъ (Москва), Б. А. Рейнъ, д-ръ П. Скляръ (Тамбовъ), д-ръ В. Столбовскій, д-ръ мед. Stolkind (Italia), д-ръ мед. П. Фейгинъ (Москва) и др. Въ земледѣльческомъ отдѣлѣ: И. Гнатовскій (Парижъ), В. Лохтинъ (Петербургъ), В. Лозинскій (Москва), А. Первухинъ (Кіевъ) и др.

Программа журнала: I. Оригинальныя статьи по вопросамъ обществ. гигіены въ связи съ медициной и діэтикой и раціональному земледѣлію въ связи съ агрикультурой и сельск. хозяйствомъ. II. Статьи по органотерапіи и лѣченію естественными силами природы. III. Рефераты по всѣмъ этимъ отдѣламъ. IV. Фельетонъ. V. Письма изъ-за границы. VI. Хроника. VII. Новые лѣкарственные и гигіеническіе препараты. VIII. Рецензіи. IX. Вопросы и отвѣты.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой съ нѣкоторыми приложеніями: на1 годъ—2 р., 6 мѣс.—1 р., 3 мѣс.—50 к., 1 мѣс.—8 к. (пробн. №). Со всѣми приложеніями: на 1 г.—3 р.

Такса на объявленія впереди текста—1 р., позади—60 к. за строку нонпарели.

Адресъ конторы журнала: *Москва, Козловскій пер., д. 10.*

„ редакціи „ „ *Б. Чернышевскій, д. 9. Тел. 197-36.*

Съ подписными деньгами надлежитъ обращаться только въ контору журнала.

На имя редакціи просятъ адресовать всѣ статьи, замѣтки, отчеты, обмѣнныя изданія и пр. Редакція оставляетъ за собой право сокращать и измѣнять статьи. Плата за листъ (16 стр.) 50 руб., при этомъ авторамъ дается 25 оттисковъ безплатно.

Отвѣтственный редакторъ **Е. Виттъ.** Издатель **Игн. Фр. Пикъ-де-Реплонжъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на еженедѣльную, выходящую по понедѣльникамъ, газету

„Иркутское Слово“

(2-й годъ изданія).

Въ вышедшихъ номерахъ газеты помѣщены

Статьи: В. Кириллова, Костина, Першова, М. Ольминскаго, С. Петрова, Н. А—ова, Мих. Садко, Н. Чужака и многихъ другихъ. **Разсказы:** Максима Горькаго, Исаака Г. и др. **Стихотворенія:** В. Верхоустинскаго, Н. Леонидовича, А. Пасынковича, М. Окунева, В. Пророкова, И. Рукавишникова, Сандро и др. (-) Театральныя замѣтки Ел. Михайловой.—Музыкальныя замѣтки Ut.—Маленькіе фельетоны Софьи Баженовой и Сандро. (-) Въ газетѣ принимаютъ участіе также: Либристъ, I. М. Маріупольскій и др. (-) Въ газетѣ помѣщаются очередныя воскресныя телеграммы С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства.

Условія подписки: на годъ **2 р.**, на $^1/_2$ года **1 р.**, на мѣсяцъ **20 к.** (Подписную плату иногородніе могутъ выслать марками). **Цѣна объявленій:** Впереди текста—20 к., послѣ текста—10 к. за строчку петита; годовыя и мѣсячныя по соглашенію. Объявленія ищущихъ труда печатаются за самую малую плату (рабочимъ и прислугѣ по 5 к. за разъ).

Иногородніе объявленія принимаются Торговымъ Домомъ Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, отдѣленіями этого дома въ Петербургѣ, Варшавѣ, Вильнѣ; конторами объявленій Х. Грацъ и Сынъ въ Вильнѣ и Н. Г. Дальштремъ въ С.-Петербургѣ.

Пробные №№ газеты высылаются безплатно.

Адресъ редакціи и конторы: *Иркутскъ, Пестеревская, 15.*

Редакторъ-издательница **П. М. Рыжова.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на періодическое изданіе.

Педагогическое Обозрѣніе.

Журналъ „Педагогическое Обозрѣніе“ имѣетъ цѣлью служить печатнымъ органомъ для учителей средней, низшей и начальныхъ школъ и вообще для лицъ, интересующихся педагогическими вопросами.

Журналъ ставитъ своей основной задачей постоянно слѣдить за современнымъ теченіемъ педагогической мысли у насъ и за границей, содѣйствовать правильной разработкѣ и освѣщенію вопросовъ, связанныхъ съ воспитаніемъ и обученіемъ, удѣляя должное вниманіе вопросамъ экспериментальной педагогики и психологіи.

Особенное вниманіе будетъ обращено на постановку отдѣловъ критики и библіографіи, какъ по спеціально-педагогическимъ вопросамъ, такъ и вообще по научно-литературнымъ.

Широкое мѣсто будетъ отведено также обзору педагогическихъ и дѣтскихъ періодическихъ изданій и спеціально дѣтской литературы.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Законодательныя постановленія и Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству. Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ и частнымъ вопросамъ школьнаго воспитанія и обученія. Методическія указанія и практическія замѣтки по предметамъ школьнаго курса. Экспериментальная педагогика и психологія. Школьная гигіена. Физическое воспитаніе. Средняя, низшая и начальная школа въ Россіи и заграницей. Хроника школьной жизни. Критика и библіографія. Обзоръ педагогическихъ и дѣтскихъ періодическихъ изданій и спеціально дѣтской литературы. Почтовый ящикъ. Объявленія.

Въ журналѣ постоянное участіе принимаютъ слѣдующія лица:

Барковъ А. С., Бахтинъ Н. Н., Беллюстинъ В. К., Борзовъ А. А., Веберъ Г. К. Веселовскій Ю. А., Волковскій Д. Л., Гартвигъ А. Ф., Дауге А. Г., Елачичъ Е. А., Звягинцевъ Е. А., Золотаревъ С. А., Игнатьевъ В. Е., Клюжевъ И. С., Локтинъ А. А., Мижуевъ П. Г., Мурзаевъ В. С., Оршанскій Л. Г., Первовъ П. Д., Покотило Н. П., Райковъ Б. Е., Роковъ Г., Румянцевъ Н. Е., Русова С. Ф., Саввинъ Н. А., Синицкій Л. Д., Сѣрополко С. О., Тумимъ Г. Г., Флеровъ А. Е., Флеровъ И. А., Чеховъ Н. В., Шохоръ-Троцкая Н. С., Шохоръ-Троцкій С. И. и др.

Журналъ выходитъ книжками отъ 3-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ каждая, одинъ разъ въ мѣсяцъ (кромѣ іюня и іюля).

Подписная цѣна: 3 рубля въ годъ съ доставкою, за полгода—1 руб. 50 коп.; отдѣльный номеръ 50 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Никитскія ворота, Медвѣжій пер., д. 4, гимназія А. Е. Флерова.

Редакторъ-издатель А. Е. Флеровъ.

РЕВМАТИЗМЪ и ЛОМОТА

на простудной почвѣ излѣчиваются ЮЖНОЙ ЖИДКОСТЬЮ

„МАГО“.

Испытанное средство при хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ. (Изготовл. въ Крыму.) Продается во мног. аптек. и аптекарск. маг.

Единств. предст. Бр. Н. и И. АРѢШЕВЫ.

Москва, Тверская, Настасьинск. п. д. 7, кв. 2.

ОТД. Ц. Тел. 286 23.

Брошюры высылаются безплатно.

Не излѣчившимся по предотвращ. удостовѣренія врача деньги возвращаются обратно.

Цѣна безъ пересыл. больш. фл. 1 р. 50 к. Высыл. наложен. платежъ

Тип. „Печатное Дѣло“, Москва, Газетный пер., д. № 9.

СОДЕРЖАНІЕ № 5. Первая годовщина. (Толстой по воспоминаніямъ).—За полгода до смерти. (Воспоминанія Л. Андреева).—Толстой и художники.—Литература и литературщина.—Оскудѣніе литературы.—Литература и макулатура.—Личность Бернарда Шоу. | Поэтъ пажъ. (Ю. Айхенвальдъ, памяти Виктора Гофмана).—„Александръ I“ Мережковскаго.—Изъ архива М. М. Стасюлевича.—Формуляръ юбиляра. (Общ. Люб. Росс. Слов.)—Идеологія борьбы.—Новыя рѣчи на старую тему. (Споры объ интеллигенціи).—Еще объ интеллигенціи—Націоналистическое мракобѣсіе.—Научное освѣщеніе націонализма.—Война въ лагерѣ реакціонеровъ.—Голодъ.—„Безлюдье“. (Статья Д. Философова).—Университетъ „Казенный и „Неказенный“.—Франко-русскій институтъ.—Музей изобрѣтеній.—Американскіе университеты.—Гайдъ-паркъ какъ разсадникъ просвѣщенія.—„Изюминка“ и ея фальсификація.—Бракъ и любовь.—Непосредственная утилизація солнечной энергіи.

СОДЕРЖАНІЕ № 6. Поэма о Христѣ.—Люди религіознаго опыта. (По поводу 2-ой книги Панкратова „Ищущіе Бога“).—Религія будущаго.—Кризисъ въ современномъ художественномъ творчествѣ. — Объединеніе писателей. — Литературные самозванцы.—Критика о романѣ Арцыбашева.—Наши литературные нравы.—Старозавѣтный русскій писатель (Горькій о Короленкѣ).—„Гибель боговъ“. (Къ характеристикѣ французскихъ литературныхъ нравовъ).—Какъ въ Парижѣ русскіе издаютъ газету.—Романъ „Что дѣлать?“ и „неожиданности“ русской жизни.—Памяти Ломоносова.—Крушеніе „старой вѣры“. (И. Новгородцевъ объ общественномъ идеалѣ).—Самоубійство и соціологія.—Смерть Поля Лафарга.—Исторія нашего вандализма. (Книга бар. Врангеля „Исторія русской культуры“).—Родэнъ и его мысли объ искусствѣ.—Актеръ на сценѣ.—Новая форма борьбы за полноту жизни.—Будущая порода людей.—Новѣйшіе успѣхи хирургіи.

СОДЕРЖАНІЕ № 7. Андрей Бѣлый о трагедіи творчества.—Идейное обнищаніе литературы. (Лекція Г. Петрова).—Журфиксы въ Хамовническомъ домѣ гр. Толстыхъ.—Одинъ изъ послѣднихъ реакціонныхъ романтиковъ. (Литературный сборникъ, посвящен. К. Н. Леонтьеву).—Отецъ русскаго народничества. (Къ пятидесятилѣтію смерти Н. А. Добролюбова).—Добролюбовъ и Тургеневъ.—Прототипы Рудина и Базарова.—Сибирскія письма Н. Г. Чернышевскаго.—Неужели еще тюрьма. (По поводу суда надъ плиссельбуржцемъ Морозовымъ).—Танъ о тюрьмѣ.—Творецъ жизнерадости. (Скульпторъ Сергѣй Коненковъ).—Учащаяся молодежь о „призваніи“.—Загадочность человѣческаго существа. (Раздвоеніе личности).—Къ психологіи провокатора.—Участь гонимой націи.—О русскомъ народѣ и русскомъ правительствѣ.—Еврейство на скамьѣ подсудимыхъ.—Камчатка съ грехъ точекъ зрѣнія.—Женское движеніе въ Китаѣ.

СОДЕРЖАНІЕ № 8. Время и интуиція. (Изъ философіи Анри Бергсона).—Критики о послѣднихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого.—Первый романъ Леонида Андреева („Сашка Жегулевъ).—„Сашка Жегулевъ“ передъ судомъ критики.—Колтановская об. Ив. Шмелевѣ.—Кризисъ критики.—То, что ужаснѣе казней. (По поводу „Смертниковъ Н. Олигера).—Вѣщій сонъ. („Городъ солнца“ Кулавскаго).—Японская поэзія.—Ирландскій театръ.—Русская драма за-границей.—Метерлинкъ у себя дома.—Идеалистъ-народникъ. (Н. Н. Златовратскій).—Изъ воспоминаній о В. А. Сѣровѣ. (Вѣнокъ на могилу).—Какъ надо умирать. (Къ самоубійству Лафарговъ).—Г-жа Кюри и французское общество.—Стенька Разинъ нашего времени. (О похожденіяхъ революціонера-экспропріатора Савицкаго).

СОДЕРЖАНІЕ № 9. Безвѣріе, какъ болѣзнь человѣческой души.—Реакція и религіозныя проблемы.—Красота въ русской литературѣ.—„Корни“ и „цвѣты“ въ искусствѣ. (Статья А. Бѣлаго).—„Меня торопить нельзя“. (О писательской добросовѣстности).—Тургеневъ по его новымъ письмамъ.—Новыя письма А. П. Чехова.—„Великій гражданинъ литературы русской“. (Амфитеатровъ о Короленко).—Толстовскій „уходъ“ у Б. Зайцева.—Новая драма Гауптмана.—Мистерія „Чудо“ въ лондонской постановкѣ.—Газетныя фабрики.—Планъ китайской революціи.—Изъ исторіи русской революціи. (Покушеніе на Дубасова).—Борьба за власть. (Страничка изъ прошлаго).—Борьба со старостью.

СОДЕРЖАНІЕ № 10. „Хаджи-Муратъ“. (III-й томъ произведеній Л. Н. Толстого).—Толстой, какъ авторъ.—Толстой, Тургеневъ и Достоевскій.—Самопожираніе художественнаго генія. (Статья С. Булгакова о Л. Толстомъ).—Идея справедливости и христіанство.—Символика и антропологизмъ. (Изъ философіи Г. С. Сковороды) —Вл. Соловьевъ и русское студенчество 80-хъ годовъ.—Молчаніе смерти и молчаніе ночи.. (О молодомъ поколѣніи).—Человѣкъ огромной силы духа. (Памяти П. Ф. Лесгафта).—Бальмонтъ о ревности.—Братъ всѣхъ существъ міра. Къ характеристикѣ юнаго богоискателя.—О задачахъ политическихъ партіи.—„Брюхо Парижа“.—Плюсы и минусы авіаціи.—Культурное дѣло.

СОДЕРЖАНІЕ № 11. Вѣчная правда славянофильства.—Любовь, какъ источникъ творчества.—Толстой до и послѣ своего духовнаго просвѣтлѣнія.—Къ дуэли и смерти Пушкина.—О затемненіи и искаженіи завѣтовъ Пушкина.—Любовь въ жизни Надсона. (Къ двадцатипятилѣтію кончины).—Надсонъ и поэты нашихъ дней.—Силуэтъ Бальмонта. (Юбилейное нотабене).—Чеховъ въ своихъ письмахъ.—„У послѣдней черты“. (2-я часть романа Арцыбашева).—„Звѣриный ликъ“. (Новые разсказы Ив. Бунина и Ѳ. Сологуба).—Новая постановка женскаго вопроса. (Книга О. Шрейнеръ„ Женщина и трудъ“).—Изъ прошлаго русской пытки. (Очеркъ В. Г. Короленко).

СОДЕРЖАНІЕ № 12. Опытныя основанія религіи.—О современномъ буддизмѣ.—Философское credo Л. М. Лопатина.—Толстой передъ лицомъ смерти.—Толстой о писательствѣ и писателяхъ.—Гончаровъ и Тургеневъ.—Геройство молодого Тургенева.—Жуткая „страница“ (М. Коцюбинскій, „Что записано въ книгу жизни“).—Робинзоны революціи.—О братьяхъ Рубинштейнахъ и Чайковскомъ.—Человѣческій документъ. (Изъ воспоминаній о С. Ковалевской).—Современная культура, какъ причина самоубійствъ.—Изъ исторіи политической борьбы въ Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ № 13. „Неореализмъ“.—О вліяніи литературы.—О женскомъ творчествѣ. „Федоръ Кузьмичъ“ Толстого.—Развѣнчанный Купринъ.—Герои Арцыбашева. (Изслѣдованія критиковъ).—„На взглядъ Запада“. (Англійскій романъ изъ русской жизни).—Еще объ отношеніяхъ Гончарова и Тургенева.—Письмо Толстого къ Тургеневу.—Общественная дѣятельность Толстого.—М. Горькій о современности.—Воспитаніе и духовная культура.—Признаки общественнаго подъема.—На генеральномъ смотру нѣмецкаго феминизма.—Жизнь Ванъ-Гога.—Радій и perpetuum mobile.—Чудеса и наука.

СОДЕРЖАНІЕ. № 14—15. 1. Карпентеръ о новой наукѣ. 2. „Философія хозяйства“. (Книга Сергѣя Булгакова). 3. „Деревянный чурбанъ“. (Новый разсказъ Арцыбашева). 4. О новой „синтетической“ литературѣ. 5. М. Горькій о гнетущемъ вліяніи современной книги. 6. Мужикъ и „баринъ“. (О звѣриныхъ ликахъ). 7. Трагедія сбывшейся мечты и достигнутой цѣли. 8. Тоска у французскихъ беллетристовъ. 9. Кризисъ жизнерадостности. 10. Инстиктъ жизни и инстинктъ смерти. 11. Помянки по Глѣбѣ Успенскомъ. 12. Герценъ. 13. Какъ женился Чернышевскій. 14. „Дѣятель отъ книги“. (Два слова о П. Б. Струве). 15. Отрицаніе театра. (Парадоксы Ю. Айхенвальда). 16. Свободомысліе англійскаго духовенства. 17. „Радикальная“ борьба съ вырожденіемъ и преступностью. 18. Черная стачка и „счастье человѣчества“. 19. Изъ жизни вѣнценосцевъ.

Подписная плата: на годъ 3 р., на 8 м. 2 р. на 4 мѣс. 1 р.; за границу на годъ 5 р. Ц. отд. № 20 к. Подписной годъ начинается съ 1 сентября. Подписка прин. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтово-телегр. учрежденіяхъ Имперіи. Подробный проспектъ высылается безплатно. Редакція: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Телеф. 44-67. Контора: Тверской бульв., д. 26. Тел. 34-54. Книжный складъ „Трудъ С. Сирмунта“.

Вышелъ № 1-й журнала

„ЗАВѢТЫ“.

Содержаніе: 1. Портреты А. И. Герцена и Н. К. Михайловскаго. 2. Рожденіе человѣка. М. Горькаго. 3. Баллада о волкахъ. Стихотвореніе А. Черемнова. 4. Веселый дворъ. Повѣсть Ив. Бунина. 5. Авіаторъ. Стихотвореніе А. Блока. 6. То, чего не было (три брата). Романъ В. Ропшина. 7. Тѣни забытыхъ предковъ. Повѣсть Мих. Коцюбинскаго. 8. Пѣсня. Стихотвореніе Н. Клюева. 9. Повѣсть о дняхъ моей жизни, радостяхъ моихъ и злоключеніяхъ. И. Вольнаго. 10. Реформаторы и бунтари въ современной біологіи. В. В. Лункевича 11. Пролегомены. А. Герцена. (Искандера). 12. Не во-время родившійся. Виктора Чернова. 13. Великій образецъ самокритики. В. Ленуара. 14. Принудительное разрушеніе общины и „инициатива населенія“. Б. Черненкова. 15. Дѣла и дни: „Умѣренные и Крайніе“. Я. Вѣчева. 16. Свое и чужое. С. Мстиславскаго. 17. Текущая жизнь. 18. Библіографія. 19. Письмо въ редакцію В. Ропшина. 20. Объявленія.

Условія подписки: съ апрѣля до конца года 8 руб.; на 6 м. 5 р. на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб. За границу на тѣ же сроки 11 руб., 6 руб. 50 к., 3 р. 75 к. и 1 руб. 25 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала, Косой пер., 11, уг. Соляного.—Телефонъ 193—27.—Въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ редакціи.—Въ Москвѣ складъ журнала—кн. маг. „Наука“, Б. Никитская.

Издательница С. А. Иванчина-Писарева.

Редакторъ П. П. Инфантьевъ.

Типографія „Печатное Дѣло“

Biŭlleteni literatury i zhizni.
g. 3, no. 16
AP
50
B54
g.3,no.16

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED